

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 1 (14) • 2014

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский, д.полит.н.,
д. философии (Манчестерский ун-т), проф.
Alexei D. Voskressenski, Prof. Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester)

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

В.В. Гриб

С.И. Лунев

Е.В. Колдунова (выпускающий редактор)

О.Г. Харитонова, к.полит.н., доц.

(выпускающий редактор)

И.Ю. Окунев, к.полит.н.

(выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.филос.н., проф.,

заслуженный деятель науки РФ

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.

В.Я. Белокренницкий, д.и.н., проф.

В.В. Гриб, д.ю.н., проф.

В.И. Журавлева, к.и.н., доц.

М.В. Ильин, д.полит.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

В.Г. Ледяев, д.филос.н., д. философии

(Манчестерский ун-т), проф.

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный

работник высшей школы РФ

В.В. Михеев, д.э.н., проф.,

член-корреспондент РАН

О.В. Павленко, к.и.н., доц.

Е.В. Попов, к.ю.н., доц.

В.Д. Соловей, д.и.н., проф.

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф.

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии

(Манчестерский ун-т), проф.

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Dıtrıhs*

(Университет Анкары)

Профессор *Akihiro Iwashita*

(Университет Хоккайдо)

Профессор *Zhao Huasheng*

(Фуданьский университет)

Профессор *Klaus Segbers*

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Anne de Tanguy* (Сьянс По)

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Yu-Shan Wu*

(Институт политологии, Academia Sinica)

Профессор *Alexander Zhebit*

(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)

Профессор *Charles E. Ziegler*

(Университет Луисвилла)

Профессор *А. Файзуллаев*

(Университет мировой экономики

и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,

Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская

наб., д. 26/55, стр. 7

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 24.11.2013 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2014

© Сравнительная политика, 2014

© Издательская группа «Юрист», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Т.А. Алексеева. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир.....	4
---	---

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

О.Г. Харитонова. Босния и Хорватия в СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации	22
К.А. Кузнецов, П.А. Щелин. Национальная идентичность и устойчивая государственность	31

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА: ФОРМАТ БРИКС

Г.Д. Толорая. Проблемы выработки долгосрочной стратегии БРИКС: российский взгляд.....	37
А.В. Виноградов. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира	47
С.М. Труш. Россия между Китаем и США: миропорядок, БРИКС, интеграция в АТР	53
Е.В. Колдунова. Роль стран БРИКС в глобальном управлении	60
С.И. Лунев. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор	65

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

А.В. Ильин, О.Ю. Курныкин. Северокорейский кризис через призму резолюций Совета Безопасности ООН	77
М.А. Троицкий. Китайский фактор в российско-американских отношениях.....	96

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Federico Russo and Maurizio Cotta. Beyond Euroscepticism and Europhilia: Multiple Views about Europe	102
А.Д. Воскресенский. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели»	120
Т.В. Шелудякова. Конституционное регулирование прав молодежи в России и зарубежных странах.....	139
А.А. Токарев. Влияние реформ правительства Михаила Саакашвили на положение национальных меньшинств Грузии	147
<i>Научная жизнь</i>	165
<i>Обзоры и рецензии</i>	167
<i>На книжной полке</i>	173
<i>Наши партнеры</i>	193
MA Program: Politics and Economics of World Regions	193
MA Program: Politics and Economics in Eurasia	202
Магистерская программа «Политическая экспертиза и GR-стратегии»	203
Бюллетень Национального комитета по исследованию БРИКС.....	206
<i>Аннотации статей</i>	207
<i>Об авторах</i>	215
<i>Информация для авторов</i>	216

CONTENTS

Tatiana Alexeyeva. Think like Constructivist: Discovering a Polyphonic World	4
---	---

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Oxana Kharitonova. Bosnia and Croatia in Socialist Federal Republic of Yugoslavia: Institutional Problems of an Ethnic Federation	22
Kirill Kuznetsov and Pavel Tschelin. National Identity and the Sustainability of State	31

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Georgy Toloraya. Russian View on the BRICS Long-term Strategy	37
Andrey Vinogradov. BRICS and Its Role in the Shaping of a Multipolar World	47
Sergei Trough. US — China — Russia Relations: Spheres of Interdependence and Russia's Priorities	53
Ekaterina Koldunova. The Role of BRICS in Global Governance	60
Sergei Lunev. Potential for Cooperation within BRICS and the Cultural-Civilizational Factor	65

DISCUSSION

Alexei Ilijin and Oleg Kurnykin. North Korean Crisis through the Lens of the UN Security Council Resolutions	77
Mikhail Troitskiy. Chinese Factor in Russian-American Relations	96

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Federico Russo and Maurizio Cotta. Beyond Euroscepticism and Europhilia: Multiple Views about Europe	102
Alexei D. Voskressenski. The Evolution of Political System and Political Modernization in China: Problems and Advantages of the Chinese Model	120
Tatiana Sheludyakova. The Constitutional Regulation of Youth's Rights in Russia and Abroad	139
Alexey Tokarev. Mikhail Saakashvili's Reforms: The Influence on the National Minorities in Georgia	147
<i>Academe</i>	165
<i>Reviews</i>	167
<i>On the bookshelf</i>	173
<i>Abstracts</i>	207
<i>Our Authors</i>	215
<i>Information for Authors</i>	216

МЫСЛИТЬ КОНСТРУКТИВИСТСКИ: ОТКРЫВАЯ МНОГОГОЛОСЫЙ МИР

Т.А. Алексеева

С конца 1980-х гг. одним из главных направлений в теоретическом исследовании международных отношений стал конструктивизм. Именно к этому времени он уже достаточно прочно утвердился на теоретическом Олимпе, предложив собственную онтологию, эпистемологию и методологию. Хотя почвой для конструктивизма выступил фактически весь постпозитивизм, будет неверно считать его синтезом разных парадигм этого направления. Другое дело, что он с самого начала стремился дать, прежде всего, методологический «ответ» доминирующим «школам» в теории международных отношений». Конструктивизм, таким образом, предлагает определенным образом взглянуть на предметную область мировой политики¹.

Строго говоря, ничего сверхнового в нем не было. Конструктивная установка имеет длительную историю в науке и в теории познания. По крайней мере, с начала Модерна дихотомия «познанное — сделанное (сконструированное)» стала типичной для науки Нового времени и сопровождающей ее теории познания. Это позволило современным конструктивистам вписать в число своих предтеч Вико, Канта, Гегеля, Гуссерля и немецкую гносеологию в целом². Тем не менее, как считается в современной западной науке, сам по себе термин «конструктивизм» начал использоваться в 1950-е гг. в работах Ж. Пиаже и Дж. Келли, однако научную респектабельность вполне определенной эпистемологической позиции в социальных науках он обрел значительно позднее, только в контексте «культурного поворота»³.

Философы и психологи, изучавшие природу познания — продолжатели тра-

диции А. Шюца, Ж. Пиаже, Дж. Келли, Н. Лумана, Дж. Мида, П. Бурдьё, Л.С. Выготского и других мыслителей, ввели в науку понятие «конструкта» как производимого человеческим сознанием идеального объекта, или классификационно-оценочного шаблона, через которые человек воспринимает мир⁴. Сформировавшийся на основе их воззрений *социальный конструктивизм* (одним из его ответвлений стал конструктивизм в теории международных отношений), обратился к дискурсам, отношениям, взаимодействиям между людьми, отказавшись от всеобщих универсальных истин и повернувшись лицом к многоголосию, сообществу и диалогу как способам конструирования мира.

Международники называют в качестве автора термина в теории международных отношений Николаса Онуфа, опубликовавшего в 1989 г. книгу под названием «Мир, который мы создаем»⁵, хотя многие идеи, сформулированные вполне в конструктивистском духе, присутствовали уже в работах Ричарда Эшли⁶ и других международников, в том числе и более ранних.

Наконец, не следует сбрасывать со счетов также вклад, внесенный так называемой английской школой в теорию международных отношений (Хэдли Булл и др.), которая с конца 1970-х гг., развивая идеи Гуго Гроция, предложила идею «международного сообщества» как промежуточного варианта между «силовым» подходом реалистов и обоснованием необходимости сотрудничества либералов-институционалистов. Именно ее А. Вендт, как один из наиболее известных конструктивистов-международников,

называет своей идейной предшественницей. Однако, как известно, взгляды «школы» не получили поддержки со стороны американских теоретиков-международников, стоявших в основном на позитивистских позициях, и не без их давления на несколько лет сохранились в учебниках и хрестоматиях по теории международных отношений, скорее, в качестве если не экзотического, то достаточно изолированного примера.

К середине 1990-х гг. в общем и целом сформировался современный конструктивизм как субстантивная (содержательная) теория международного поведения, вызвав, на волне пересмотра многих постулатов вследствие окончания холодной войны и необходимости ремоделирования подходов, бурные дебаты в доминирующем дискурсе теории международных отношений.

К этому же времени четко обозначились два течения внутри конструктивизма — североамериканское и европейское, различающиеся довольно существенно в отношении целого ряда вопросов и методов исследования. Североамериканский вариант делает особый акцент на роли «социальных норм» и «идентичности» в конструировании мировой политики и определении результатов внешнеполитической деятельности; в нем по-прежнему доминирует позитивизм, а основной интерес сосредоточен на «вскрытии дедуктивных механизмов «сверху-вниз» и каузальных отношений между акторами, нормами, интересами и идентичностью»⁷. Именно к этому лагерю с некоторой долей условности можно отнести А. Вендта, Н. Онуфа, П. Катценштайна и др. Европейский вариант уделяет внимание роли «языка», «лингвистических конструкций» и «социальных дискурсов» в конструировании социальной реальности и, разумеется, «идентичности»; в нем доминируют постпозитивистские и интерпретативные подходы, и наряду с дедуктивным широко используется индуктивная (снизу вверх) стратегия

исследования. Среди его адептов можно назвать таких известных исследователей, как Ф. Кратчвилл и Т. Хопф⁸. Однако все различия между конструктивистами преодолеваются, как мы увидим ниже, их приверженностью социальному структурированию мировой политики.

Онтология,

эпистемология, методология

Спорность и незавершенность процесса формирования конструктивизма как направления исследований заметна уже при первом приближении — не случайно целый ряд авторов начинает с того, что вообще пытается определить, о чем идет речь. Что это, новая парадигма, тип мышления, метод или теория? Пока нет вразумительного ответа, а есть лишь разные точки зрения. Так, один из наиболее известных конструктивистов, Александр Вендт, понимает под ним не содержательную теорию, а философию социальных наук⁹. Ее предмет — «онтология международной жизни», и главная цель — осветить онтологическую реальность intersubjective знания¹⁰. Более того, Вендт даже специально оговаривается, что конструктивизм — не теория, так как не имеет ни предсказывающей, ни объяснительной функции, это лишь инструмент анализа¹¹. Другие авторы, например Эммануэль Адлер, рассматривают конструктивизм как «метатеорию»¹², интерес которой обращен не столько на противоречие между «наукой» и «литературной интерпретацией «рассказов», или натуралистической концепцией науки, в основе которой лежат теории и философия науки, сколько на природу самих социальных наук и, соответственно, теории международных отношений¹³. Поэтому можно сделать вывод о том, что конструктивизм — все же не теория в широком смысле слова, а разделяемая совокупность исходных посылок, которые могут быть представлены как методология. Некоторые исследователи вообще считают, что кон-

структивизм «остаётся методом и ничем иным»¹⁴. Дж. С. Баркин, например, рассматривает конструктивизм как кластер исследовательских методов и аналитических инструментов, «совокупность предположений о том, как изучать мировую политику», но не о том, как «политика работает»¹⁵, или, иначе, это «скорее совокупность исследовательских методов, а не парадигма в том смысле, как это имеет место с реализмом, либерализмом или марксизмом»¹⁶. Но с этой точкой зрения согласны далеко не все.

В любом случае, пишет А. Вендт, отчасти противореча самому себе, задачей конструктивизма является создание «конституирующей» «теории» и объяснение «последствий «конституирования» для международных отношений. Каузальная (причинно-следственная) теория в отличие от конституирующей ставит вопрос «почему?» и показывает, как именно «временно предшествующий X создает независимо существующий Y». Конституирующая теория ставит другой вопрос, «что?», и определяет «структуры, которые конституируют X или Y в первую очередь»¹⁷. Например, молекулярная структура воды H₂O отвечает на вопрос, что нам показывает конституирующая теория. Аналогичным образом холодная война — следствие идей, которые американские и советские политики имели по поводу отношений между сверхдержавами. Можно привести и другие примеры. Неудивительно поэтому, что многие конструктивисты обращаются именно к интерпретативной (герменевтической) эпистемологии. Социальные науки, полагают они, прибегают к интерпретативному исследованию для понимания смыслов, а отнюдь не к научному анализу причинно-следственных связей и отношений.

Будучи одним из направлений в критической теории, конструктивизм в то же время существенно от нее отличается, прежде всего тем, что одновременно интересуется метатеорией, содержатель-

ным эмпирическим анализом, включает контррационалистические выводы самой критической теории, а также некоторые аспекты взглядов на мировую политику, вполне совместимые с некоторыми представлениями неореалистов и неолибералов. При этом конструктивизм наглядно проявляет свою приверженность неопозитивистской методологии в целом. Более того, конструктивисты утилизуют эти методы и идеи, находя для них эмпирическое использование.

Конструктивизм — одно из наиболее ярких проявлений противостояния между рационалистами, в соответствии с взглядами которых мир управляется универсальными законами, с одной стороны, и рефлексивистами, подчеркивающими значение интересубъективных, разделяемых смыслов и дискурсов, всегда включенных в конкретный социальный контекст, с другой. Однако здесь все не так просто. Конструктивизм все-таки стоит посередине между рационалистическими теориями, такими как реализм, неореализм и неолиберализм; и интерпретативной эпистемологией — постмодернизмом в духе Жака Дерриды и Мишеля Фуко, и критической теорией ориентирующихся на мыслителей «франкфуртской школы», таких как Адорно, Хоркхаймер и из более поздних — Хабермас. Конструктивизм — это взгляд, предполагающий, что то, «каким образом материальный мир формирует и сам формируется действиями людей и взаимодействиями, зависит от динамичных нормативных и познавательных интерпретаций материального мира»¹⁸.

Самое существенное — это то, что конструктивизм в целом противостоит значительной части рефлексивистских теорий, прежде всего, в том, что не признает безбрежного эпистемологического плюрализма, т.е. равноценности всех локальных форм познания. С онтологической точки зрения речь идет о его месте в противостоянии идеи единства мира, в котором всякое развитие происходит под

влиянием единых законов, и рефлексивизма, предполагающего, что многоголосье мира неизбежно. Конструктивисты и здесь пытаются оказаться посередине, признавая множественность мира, но допуская некоторые обобщения, впрочем, до определенных пределов. Интерпретация науки как единства в разнообразии предполагает, что, несмотря на наличие разнообразных исследовательских программ, на каком-то уровне они неизбежно оказываются в ситуации диалога. В этом плане конструктивистская методология, добиваясь валидности своих результатов, опирается на правила научной коммуникации, в отличие от подавляющего большинства рефлексивистских подходов. Таким образом, в отличие от неореалистов и неолибералов, конструктивисты отнюдь не стремятся к поиску универсальной истины в отношении пространства и времени. Это вовсе не означает, что они в принципе отрицают достижения социальных наук. Конструктивисты используют обычные исследовательские методы, включая дискурс-анализ, генеалогию, структурно сфокусированные сравнения, экспертные интервью, наблюдения участников, контент-анализ мемуаров и архивных документов, статистический анализ и т.д. Более того, у конструктивизма в принципе нет одного-единственного метода исследования. Безусловно, они следуют принципам научной, аристотелевской логики, однако предпочитают ограничиться поисками типичного в разных географических зонах и периодах истории, не замахиваясь на универсальные законы и обобщения. Однако многие из исследователей этого направления все же полагают, что всякая рациональность в конечном счете обусловлена культурой.

Несмотря на некоторые различия, все конструктивистские течения объединяет общее восприятие знания как интерпретации, а также ряд ключевых эпистемологических положений. Начнем с самого общего тезиса о том, что кон-

структивизм чуть ли не все элементы мировой политики рассматривает в качестве социально сконструированных сущностей, на формирование которых влияют исторические или социально-экономические процессы, т.е. они обретают свою форму благодаря социальной практике и взаимодействию разных акторов между собой.

Можно выделить три типа конструктивизма с точки зрения его онтологической или эпистемологической позиции: 1) конвенциональный конструктивизм отличается от рационализма (неореалистов и неолибералов-институционалистов) в своем подходе к онтологии, но придерживается аналогичной концептуализации по эпистемологическим вопросам; 2) критический конструктивизм расходится с рационалистами в вопросах онтологии и эпистемологии, однако все же признает возможность использования достижений социальных наук; 3) наконец, конструктивисты-постмодернисты в принципе отрицают всякую рационалистическую онтологическую и эпистемологическую концептуализацию¹⁹. Они полагают, что материальный мир вообще существует только благодаря интерпретации. Однако такой радикальный подход встречается относительно редко.

Ключевым для конструктивистов является понятие **«социально сконструированный»**. Оно фундаментально, так как именно отсюда проистекает само название «конструктивизм», понимаемого как «социальная теория мировой политики». Вендт пишет, что «фундаментальным принципом конструктивистской социальной теории является то, что люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты»²⁰. Иными словами, на основании той ценности, которую они для них представляют, и того, как именно они интерпретируются в обществе, в котором действуют. Смысл терминов, на основании которых

предпринимается действие (например, сотрудничество), основывается на разделяемых интересах²¹. Речь идет о коллективном смысле, возлагаемом на объект (например, анархию), которые создают структуры, организующие действия. Несмотря на то, что государства действуют в анархической среде, международные отношения имеют социальный характер, поскольку акторы сами создают социальную реальность.

Это ставит более общую проблему **отношений между структурами и агентами**. Конструктивисты, включая Вендта, попытались показать, что «структура» — отнюдь не дана свыше, а формируется (конструируется) благодаря социальной практике. Под структурой конструктивисты обычно понимают «институты и разделяемые смыслы, которые создают контекст международных действий, а под агентами ... любую единицу, которая действует в этом контексте»²². Вендт подчеркивает одинаковый онтологический статус агентов и структуры, поскольку они взаимно обуславливают и трансформируют друг друга в процессе развития. Более того, будучи социальным, а не материальным явлением, как считал, например, М. Уолц, структура как таковая существует только как результат взаимодействий и взаимовлияний.

Кроме того, и неореалисты, и конструктивисты рассматривают государства как единицы анализа и теоретизируют преимущественно в отношении «третьего образа»²³, т.е. вокруг структуры мировой политики. Однако именно здесь начинаются расхождения. Неореалисты рассматривают структуру только как тип распределения материальных потенциалов, в то время как конструктивисты добавляют к нему социальные отношения, в которые они включают разделяемые знания (идеи и перцепцию в отношении других акторов и шире — как устроен этот мир; материальные ресурсы — деньги, золото, вооружения, ракеты и прочее; и практики — что именно де-

лают акторы, социальные структуры существуют только в процессе. Вследствие этого конструктивисты противопоставляют идею «сообщества безопасности» (доверие и сотрудничество в разрешении конфликтов и т.д.) неореалистской «дилемме безопасности», в основе которой лежит недоверие друг к другу, ожидание наихудшего и акцент на самопомощь.

Соображения по поводу интересубъективного смысла позволяют конструктивистам избегать объяснений происходящего, чем вынуждены заниматься сторонники рациональных теорий. Вслед за Максом Вебером они встают на позицию «понимающей социологии» и пытаются интерпретировать реальность человеческого сознания в социальной жизни. Конструктивизм не выстраивает субъектно-объектные отношения между исследователем и тем, что они пытаются понять. Реальность — не иллюзия, а продукт наших разделяемых перцепций, ценностей, идей, практик и материальных факторов, хотя последние, подчеркнем еще раз, отнюдь не играют приоритетную роль. Главное же, что между структурами и акторами существуют взаимно конституирующие, интерактивные отношения — именно в этом смысле писал о структуризации, например, такой видный социолог, как Энтони Гидденс.

Однако дело не ограничивается последствиями взаимодействия между единицей и системным уровнем. Здесь проходит еще одна граница между воззрениями политических реалистов и конструктивистов. Кеннет Уолц, например, исходил из того, что государство — неизменяющаяся единица в принципе, хотя и оказывает влияние на систему. Конструктивистский подход, наоборот, предполагает, что действия государств вносят свой вклад в формирование институтов и норм международной жизни, а последние, в свою очередь, оказывают влияние на социализацию и деятельность государств. Таким образом, пред-

полагается взаимное влияние агентов и структуры.

Вследствие этого, конструктивизм уделяет особое внимание целям, угрозам, страхам, культуре, идентичности и другим элементам «социальной реальности», рассматривая их как социальные факты. Конструктивисты исходят из того, что идентичность, культурные и религиозные ценности, политические взгляды, политические институты создаются, т.е. конструируются, в зависимости от желания акторов. Или, иначе, фокус социального конструктивизма направлен на сознание и интересы человека, и его место в мире. А это означает, что международная система — это не нечто от нас бесконечно удаленное, она не может существовать сама по себе. Она появляется только благодаря intersubjectivному интересу людей, с этой точки зрения она конституируется идеями, а не материальными силами. Если развить эту мысль, то можно сказать, что международная система — продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных в конкретное время и в определенном месте.

Поэтому ключевой концепт в конструктивизме — идеи как общие, так и частные (индивидуальные). Общие идеи, будучи частью социальной структуры, образуют культуру. Здесь также весьма важна социальная роль того или иного агента. Структура и тенденции в анархичной системе международных отношений, в конечном счете, оказываются в зависимости от доминирующих ролей (по Вендту, их три — «враг», «соперник», «друг» — в отличие от дуальности дружба/враг у Карла Шмитта). Соответственно, они опираются на три важнейшие традиции в истории политической мысли — гоббсианскую (Гоббса), локкианскую (Локка) и кантианскую (Канта).

Однако идеи, оказывающие влияние на мировую политику и международные отношения, это нечто большее, нежели просто индивидуальные взгляды

и убеждения. Речь идет об intersubъективных (т.е. разделяемых многими людьми) и институционализированных идеях, проявляющихся в форме практик или идентичностей, воплощенных не только в мировоззрении, но и в «коллективной памяти», процедурах, системе образования и воспитания, и риторике государственных деятелей.

Представление о реальности в конструктивизме в целом включает материальное, субъективное и intersubъективное измерения мира. При этом особое значение имеют две переменные — идеи и социальные нормы.

«Социальному конструированию», таким образом, противостоит материалистический подход, предполагающий, что материальные объекты (будь то факторы военной силы, ресурсы, экономический потенциал, финансовые потоки, даже политика) видоизменяют результаты деятельности, вне зависимости от того, какие идеи или планы были положены в их основу. Государственные деятели могут мечтать или намереваться изменить мир, поступая по-другому, нежели предполагают имеющиеся в их распоряжении возможности, но у них не будет выбора, и им придется следовать диктату материального мира. В этой оптике теории неореализма и неолиберализма — насквозь материалистичны. Они пытаются объяснить тенденции в международных отношениях и поведение государств на международной сцене как результат взаимодействия материальных сил, в частности, вооружений, стратегических ресурсов, финансовых потоков, которые, как они считают, конституируют «силу». Неореалистов иначе можно назвать структуралистами, придерживающимися причинно-следственных связей. Они полагают, что большая часть международных проблем может быть объяснена характером структуры международной системы. Именно эту мысль впервые высказал такой известный теоретик, как Кеннет Уолц, в своей знаме-

нитой работе «Человек, государство и война», а также в более поздней книге «Теория международной политики».

Это не означает, что конструктивизм в принципе отвергает материальный мир, ибо интерсубъективное знание и материальный мир взаимодействуют друг с другом, однако им присуща относительная автономия. Вопреки представлениям неореалистов, материальный мир не может полностью детерминировать то, как именно люди или государства ведут себя на международной сцене. Он лишь в определенной степени ограничивает возможности интерпретации и конструирования интерсубъективного мира.

В большинстве конструктивистских подходов материальный мир лишь накладывает определенные ограничения как на действия, так и на социальную структуру, но отнюдь не полностью детерминирует их. В игру вступает субъективный фактор. Тем самым конструктивизм противостоит репрезентации, предполагающей, что наши знания суть отражение объективной реальности, акцентируя роль субъективного разума в построении картины мира. Материальный мир формирует социальный мир и одновременно сам формируется благодаря социальному миру. Смыслы, предлагаемые материальным миром, таким образом, более уже ему не принадлежат. Они уже выведены за его пределы и превратились в социальные факты, из которых люди конструируют свой интерсубъективный мир, который, таким образом, превращается в окончательного арбитра смысла. Тем самым смысл как продукт социального взаимодействия обретает социальный контекст.

Материальный объект, таким образом, имеет разные смыслы, в зависимости от социальных контекстов, в которых он существует. Поэтому конструктивисты не отрицают материальный мир (вопреки утверждению, которое часто можно встретить в относительно поверхностных текстах и учебниках, в том

числе, к сожалению, российских), а инкорпорируют его в качестве *одного из аспектов* своего подхода. «Материальные силы вторичны, но они имеют значение, поскольку сконституированы в соответствии с определенным смыслом для акторов», — утверждает Вендт²⁴.

Значение, которое конструктивисты придают социальному контексту, дистанцирует их от универсализма. Конструктивизм настаивает на множественности истин, их альтернативности, культурно-исторической привязке, контекстуальности и принципиальной неуниверсальности. А отсюда — стремление к пригодному, полезному, прагматичному образу действий, а не к поиску абсолютного соответствия действительности²⁵.

В то же время они отнюдь не претендуют на ценностную нейтральность. Социальные ситуации неизбежно оказывают влияние на интерпретацию — ученые не могут находиться в вакууме, стерильном от ценностей. Но это означает, что и другие теории международных отношений, будь то бихевиорализм или теория рационального выбора, также являются социально сконструированными, полагают конструктивисты. Поэтому конструктивизм сравнительно легко сочетается с разными дисциплинами — социологией, сравнительной политологией, социальной психологией и др., что, безусловно, обеспечивает его динамичность, открывая широкое пространство для развития.

Одновременно конструктивизм способен к саморефлексии, он сам критикует себя и открыт для внешней критики. Всякий конструктивистский тезис всегда оставляет место для его оспаривания или альтернативной интерпретации. Благодаря этому он не стоит на месте.

Ключевые концепты

Конструктивизм как структурная теория международной системы строится на нескольких ключевых утверждениях, подчеркивает А. Вендт:

(1) государства — основные единицы анализа в международной политической теории; (2) ключевые структуры в системе государств, скорее, носят интересубъективный, чем материальный, характер; и (3) государственная идентичность и интересы в значительной степени конструируются этими социальными структурами, нежели придаются системе извне природой человека (как подчеркивают неореалисты) или внутренней политикой (что понравилось бы неолибералам)²⁶.

Для понимания сущности конструктивистского мышления необходимо выяснить, в чем он сходится и в чем расходится с неореализмом и либеральным институционализмом как двумя основными парадигмами, господствовавшими в период, когда конструктивизм только начинал формироваться относительно ключевых концептов теории международных отношений.

Напомним основные положения неореализма: мировая политика носит анархичный характер; государства рациональны; они стремятся к «выживанию», к самосохранению с помощью защиты национальных интересов; государства обладают силовым потенциалом; и, наконец, они никогда не могут быть уверены в характере намерений других государств, поэтому вынуждены делать акцент на самопомощь; мировая политика формируется благодаря поведению на основании теории рационального выбора и решений эгоистических акторов, стремящихся защитить собственные интересы через утилитарные калькуляции, предполагающие необходимость максимизировать преимущества и минимизировать потери; безопасность и материальные интересы определяются с позиции силы.

Важнейшим является положение об *анархичном характере* международной системы. В ней отсутствует какой-либо высший авторитет, она состоит из единиц-государств, которые формаль-

но являются равными, поскольку обладают суверенитетом над своей территорией, в ней отсутствует единство. Отсюда тенденция в неореализме рассматривать преимущественно международные отношения через отдельные «единицы»-государства. Необходимость защищать свои собственные интересы с помощью силы — следствие именно анархической природы международных отношений. В теории международных отношений представлены три основных подхода, которые исходят из предпосылки «естественной необходимости»: во-первых, наивная материалистическая вера в то, что объективные условия детерминируют политические последствия; во-вторых, социобиологическое утверждение, что важнейшие параметры мировой политики предопределяются природой человека (у этих подходов все же относительно немного приверженцев); и, наконец, в-третьих, аргумент о том, что международная анархия накладывает серьезные ограничения на действия акторов в мировой политике (позиция неореалистов)²⁷. В последнем случае приводятся обычно следующие аргументы: анархия относительно неизменна; она означает четкие ограничения для акторов; она независима от специфических исторических конфигураций авторитета, власти и легитимности. Таким образом, анархия оказывается эквивалентом «природы вещей», или гоббсовского «естественного состояния» в мировой политике. Проблема заключается в том, что, не обращая внимания на вопрос о природе идентичности и интересов акторов в системе, а также на смысл социальных институтов (включая и саму анархию), структура в неореалистской оптике не может дать какой-либо адекватной информации относительно того, будут ли государства «друзьями» или «врагами», признают ли они суверенитет друг друга, связаны ли они династическими узами, стоят ли они на позициях ревизионизма или придерживаются статус-кво и т.д., полагает Вендт²⁸.

Государства рассматривают безопасность через призму конкуренции как «игру с нулевой суммой»: если одно государство увеличивает свою безопасность, то это означает снижение уровня безопасности для другого. Вендт отмечал, однако, что если государства придерживаются каких-то альтернативных подходов к безопасности (например, «кооперативного, т.е. допускающего возможность максимизировать свою безопасность, не нанося ущерба безопасности других государств; или «коллективного», когда государства идентифицируют безопасность других государств как самоценность, анархия вообще оказывается не в состоянии быть полезной»²⁹. Однако неореалисты так и не смогли заметить эту зависимость, предположив, что смыслы неизменны.

Современные либералы в меньшей степени делают акцент на анархической природе международной системы как детерминанте международных отношений, однако видят в ней источник объективных ограничений. Анархия, имплицитно или эксплицитно, создает среду, в которой акторы осуществляют стратегическую защиту своих интересов, вытекают ли они из внутривнутриполитических условий (внутренний либерализм) или факторов государственного уровня (либеральный институционализм). Либеральный институционализм концентрирует свое внимание на процессах взаимозависимости международных акторов и институциональных ограничениях, накладываемых на поведение государств всевозможными международными организациями.

В отличие от неореалистов и либералов, Вендт указал, что то, в какой степени анархия ограничивает действия государств, зависит от того, как именно сами государства воспринимают анархию, свою идентичности и интересы, т.е. анархия даже необязательно является самостоятельной системой. Анархия рассматривается конструктивистами также

как социальный конструкт (или практика). Это означает, что идеи (суверенитет, династические связи, торговля, гуманитарные цели и т.д.), которые оказывают влияние на политику, но отнюдь не вытекают из анархической природы международных отношений. Он пишет: «Самопомощь и силовая политика ни логически, ни каузально не вытекают из анархии, и... если сегодня мы живем в мире, где господствует самопомощь, это связано с процессом, а не со структурой»³⁰. Но тогда (с чем, впрочем, соглашались далеко все же не все конструктивисты) анархия — не более чем пустая абстракция. Для остальных же она может видоизменяться, именно в силу того, что является социальным конструктом. Что же касается Вендта, то он рассматривает анархию скорее в культурных, нежели в материальных, формах.

Еще одна точка пересечения — концепт **силы**. Если для неореалистов сила — *ultima ratio* мировой политики, то либералы практически всегда стремились к тому, чтобы показать, что влияние силы на политические процессы может быть снижено, если не вообще прекращено при условии правильного распределения интересов и стратегий (именно это и позволило назвать их «идеалистами»). Они могли публично спорить о проблемах сотрудничества, институциональном строительстве, гонке вооружений или балансе сил, но в любом случае национальный интерес в их взглядах всегда материалистичен. Социальный мир может иметь внутренний дискурс и осуществлять модификации смысла того, что представляет собой материальный мир. Но не более того: для либеральных институционалистов материальный мир все-таки остается первичным.

Конструктивизм не предполагает простого замещения «грубого материализма» на столь же «грубый идеализм»: как подчеркивалось выше, конструктивизм исходит из того, что материальные силы проявляются через социальные

концепты, которые определяют смысл человеческой жизни. Стало быть, любое взаимодействие носит сконструированный характер, т.е., зная действие, исследователь может оценить его возможный результат. Следовательно, у экспертов международных отношений в рамках конструктивистской социальной парадигмы появляется возможность прогнозировать развитие мировой политики. Утверждение Вендта заключалось в том, что даже такое понятие, как «политика с позиции силы» — одно из ключевых в реалистской парадигме, является социальным, а отнюдь не природным явлением, а стало быть, может быть преобразовано посредством человеческой деятельности.

Это объясняется тем, что военная сила и ее распределение среди государств не могут автоматически сформировать заранее определенную социальную структуру. Даже в условиях анархии и отсутствия высшего авторитета, международная система совершенно необязательно должна строиться на принципах конкуренции, на чем настаивают реалисты. Вполне возможна индивидуальная или коллективная система безопасности. Система также не предопределяет полностью идентичность государств. Поэтому рассмотрение государств как «бильярдных шаров» (любимая метафора реалистов) не в состоянии объяснить реальность. Станут ли два государства «друзьями» или «врагами», детерминируется отнюдь не только военной структурой. Идентичность и социальная структура играют существенно более важную роль. Из конструктивистского утверждения, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный, характер, вытекает также, что эти структуры формируют идентичности и интересы, а не только поведение акторов. Именно в этом конструктивизм противопоставит рационализму.

Возьмем, например, концепт силы, являющийся одним из центральных

в международных отношениях. В дискуссиях преобладает единственная форма силы: один актер контролирует другого, принуждая другого сделать нечто, что в противном случае он делать бы не стал. Между тем другие формы силы обычно не привлекают внимание международных関係. Конструктивисты используют множество концепций силы, расширяют ее концептуальные рамки. Коль скоро сила формируется через социальные отношения, ее последствия могут быть специфически/прямыми или диффузно/косвенными. Эти различия генерируют таксономию и, как следствие, четыре концепции силы: принудительную, институциональную, структурную и производительную. Но не ограничиваются этим. Кроме того, конструктивисты ввели понятие **дискурсивной силы** (знание, идеи, культура, язык и идеология), не менее важной для формирования мирового порядка, чем военная сила. Дискурсивная сила производит и воспроизводит интерсубъективные смыслы. Она предопределяет, каким образом материальная сила, структура, государственная идентичность, и даже отношения между государствами, равно как и другие социальные факты, должны определяться и пониматься. Здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов».

Анархическая международная система необязательно предполагает систему самообороны для каждого государства. Крупномасштабные расходы на военные цели в одном государстве могут быть интерпретированы другим государством как военная угроза. Третьи страны могут воспринять это даже как угрозу региональной безопасности. Государство, ощущающее угрозу, начинает вооружаться, однако они могут воспользоваться другой возможностью — принять кон-

цепцию коллективной безопасности в качестве контрбаланса угрозе. Самооборона — это институт, полагает Вендт, и в качестве такового зависит от intersubъективного понимания, ожиданий и «распределения знания, формирующих государственную концепцию самого себя и «других»³¹. Конституирующие возможности анархической системы здесь ни при чем. Одновременно этот подход поставил под сомнение один из самых известных неореалистских концептов — баланса сил. Нет необходимости уравнивать любое наращивание силы со стороны одного из государств. Стивен Уолт даже поставил вопрос о том, что пора заменить концепцию баланса сил концепцией баланса угроз³². Представляет ли государство угрозу или нет, зависит от типа его идентичности. При этом международные институты и нормы играют поддерживающую роль. Это делает сотрудничество между государствами более вероятным.

Неолибералы, как известно, поддерживают международные институты, считая, что только они в состоянии ограничить пространство неопределенности и изменить цену транзакций, но они не могут дать сильные гарантии предотвращения обмана со стороны государств. Джозеф Най рассмотрел процесс «комплексного обучения», Роберт Джервис — «изменяющиеся концепции самости и интереса», Роберт Кохейн призывал к «социологическим концепциям интереса», подчеркивая возможность трансформации идентичности и интересов. Тем не менее собственная идентификация — важнейшая конституирующая черта и часть природы государства, никакие международные институты не в состоянии изменить подобную идентичность. Что они могут сделать, так это ограничить такие интересы, не позволяя им подрывать международное сотрудничество. Институты могут разработать систему поощрения и наказания для того, чтобы предотвратить обман. Они могут

переориентировать государства с краткосрочных преимуществ на долгосрочные, но они не могут изменить характер эгоистических государств. Поэтому обман более вероятен при неолиберальном подходе, нежели конструктивистском.

Как относительно стабильная совокупность структур, идентичность и интересы, которые часто кодифицируются в нормы и правила, достаточно большой дискурсивной силой может обладать международный институт для того, чтобы ее привнести и даже изменить характер государства — не только ограничить государственные интересы, но и предложить его вниманию новые, в большей степени соответствующие целям международной организации. Они руководствуются международными нормами, на основании которых государства выстраивают логику соответствия. Получил распространение тезис о том, что демократические государства не только не воюют друг с другом (расхожее утверждение в западной политической мысли), но они также формируют «коллективную идентичность», поддерживают и создают институты сотрудничества ради специфических целей. Разумеется, так бывает и не всегда, однако потенциальная возможность этого принимается во внимание при исследовании международных процессов.

Сказанное, таким образом, отнюдь не предполагает, что международные нормы автоматически принимаются государствами. Внутренняя политика — еще один фактор, который оказывает непосредственное влияние на формирование **идентичности** государства. В процессе локализации происходит дискурсивное взаимодействие между внутренней политикой и международными институтами. Он может проявиться в форме прекализации (сопротивление и проверка норм), локальной инициативы (предпринимательства и оформления), адаптации (прививки и упрощения), расширения и «универсализации».

Это предполагает относительную автономию государства по отношению к международной социальной структуре. Государство, опираясь на свою материальную мощь и дискурсивную силу, может проецировать свою идентичность, преодолевая границы, вплоть до деятельного или даже доминирующего участия в конструировании международной социальной структуры. При этом влияние государственных деятелей может оказаться решающим: личность и социальная структура взаимно конструируют друг друга.

Динамичные отношения между материальной структурой, международной социальной структурой и внутренней политикой создают множественную идентичность в мировой политике, что, собственно, и отличает конструктивистский подход от неореализма и неолиберализма, для которых идентичность всегда единична и относительно статична. Однако он не ограничивается этим: интересы и идентичности как зависимые переменные конструируются в процессе взаимодействий, что в долгосрочной перспективе делает их потенциально трансформируемыми.

Определяя идентичность других акторов, государство принимает решение, с кем проводить политику сотрудничества, в отношении кого — нейтралитета, а кто представляет угрозу. Однако это не единственный фактор, определяющий отношения между государствами. Для неолиберальных институционалистов интерес к относительным приобретениям может оказаться вторичным по отношению к абсолютному приобретению — в частности, сохранению и защите материально-го субстрата.

Государственная идентичность, таким образом, может ограничить неопределенность в международной системе. Ее относительная стабильность может стать основанием для предсказуемости поведения государств на международной сцене и даже преодоления

знаменитой «дилеммы заключенного». Соответственно, сотрудничество между государствами может стать более вероятным и строиться на более солидной основе.

С позиции конструктивизма, международная система относится к числу сложных систем, взаимодействие в которых осуществляется на основе конструируемой в процессе коммуникации идентичности. Не существует изначально заданных установок и ценностей, участники приобретают их в процессе деятельности. Объект познает себя только по отношению к «другому», вступая с ним в коммуникацию, т.е. в определенные взаимоотношения³³.

Таким образом, конструктивизм строится на основании двух основных положений: (1) структуры человеческих ассоциаций детерминируются скорее разделяемыми идеями, нежели материальными силами; (2) идентичность и интересы целеустремленных акторов конструируются этими разделяемыми идеями, а не даны природой³⁴. Именно в этом заключается одно из важнейших различий между конструктивизмом и неореализмом. Неореалисты уверены в том, что международные отношения предопределяются изначально ущербной природой человека, в то время как с точки зрения конструктивистов международные отношения создаются людьми.

Хотя сам по себе интерес конструктивистов к проблеме **национальных интересов** вполне закономерен (как обойтись без них при анализе внешней политики?), именно здесь им пришлось в наибольшей степени пойти на уступки сторонникам «классических» теорий международных отношений. Да, конечно, основной фокус конструктивизма направлен на социальное содержание интересов в международных отношениях, однако они соглашаются, что социально сконструированная природа интересов не меняет тот факт, что приоритетные интересы, которые движут государства-

ми, предопределяются материальными ресурсами, — поэтому государства либо сконструированы материальными силами, или могут рассматриваться, как если бы их конструкция вообще не имела отношения к их интересам и поведению, т.е. государства «минимально сконструированы». Хотя большинство ученых признает, что государственные интересы в основе своей представляют *идеи в отношении необходимого*, многие конструктивисты утверждают, что *содержание* этих интересов направлено на практические цели, неизменные или включающие какую-то комбинацию необходимости выживания, обретения власти, богатства и гарантирование безопасности. Все остальное подвижно и подвержено множеству влияний.

Разумеется, у конструктивистов нет монополии на исследование того, как именно формируются национальные интересы. Этим занимаются представители практически всех парадигм в теории международных отношений. Что является специфическим исключительно для конструктивистской интерпретации интересов, так это то, что они придают приоритетное значение влиянию, прежде всего, социальных факторов. Интересы отчасти являются продуктом идентичности. Социальная конституция интересов включает все способы, каким образом интересы актора и его идентичность могут стать объектом влияния в результате взаимодействия с «другими» и социальной «средой» в целом, т.е. процессы социализации, стремление к социальному признанию и престижу, последствиям функционирования социальных норм, влияющих на интересы и поведение (включая желание создать нормы, которые легитимируют наше поведение), а также наличие или отсутствие чувства принадлежности к сообществу.

Еще одна важная особенность конструктивизма заключается в его трактовке проблем **войны и мира**. Неудивительно поэтому, что конструктивисты

считают, что определение условий, в каких случаях государства могут не просто легально, а легитимно применять силу, — центральная нормативная проблема мировой политики. Во внутренней политике ограничение возможности государства применять силу через социальные и легальные нормы — важнейшая гарантия прав человека. В международной среде подобные ограничения становятся критически важными для поддержания международного мира и стабильности. Именно поэтому эта проблематика рассматривается как центральная в отношениях между порядком и справедливостью.

Если для неореалистов война неизбежна, то, по мнению конструктивистов, война и мир всегда идут рядом в мировой политике. Они рассматривают эту проблему во многом как самопрограммируемое предсказание. Распространив на нее «золотое правило нравственности» («поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой»), конструктивисты сделали вывод о том, что в случае, если страна «А» вооружается, она рано или поздно столкнется с дилеммой безопасности; если же она действует во имя сотрудничества, в конце концов, она может войти в число создателей сообщества безопасности. Таким образом, здесь работает логика «взаимности». Отсюда — значение деятельности, отражающей структурные факторы, в частности, разделяемое знание. Иными словами, ранее существовавшие структуры делают возможными или, наоборот, нежелательными определенные действия, создавая акторов, обладающих определенными идентичностями и интересами, а также материальный потенциал, несущий соответствующий смысл. Если страны расколоты, то велика вероятность дальнейшего развития в направлении гоббсовской «войны всех против всех»; если же они в силу сложившихся традиций доверяют друг другу, то возможность соз-

дания системы коллективной безопасности многократно возрастает. Но это всего лишь вероятность, не более того. Это означает, что результат все же не является изначально предопределенным.

Через войны и другие катаклизмы, пишет, например, Христиан Ройс-Смит, постепенно все же удалось сформировать некоторые принципы легитимного применения силы на международной сцене — равенство суверенных государств, из чего следует «корзина» международных прав (например, «одно государство — один голос» в международных организациях, самоопределение и его обратная сторона — невмешательство в дела друг друга). Соответственно, и применение силы в международных отношениях обуславливается лишь двумя обстоятельствами: 1) государства действуют в порядке самообороны; 2) они действуют коллективно ради сохранения мира и безопасности. То есть в ситуациях, выходящих за рамки самообороны, решение о применении силы должно приниматься коллективно, в частности, Советом Безопасности ООН. Вместе взятые, эти принципы создали «эгалитарный режим», который действовал в период от подписания Устава ООН и вплоть до распада колониальных держав в 1970-е гг. Однако он характеризовался отсутствием реального равенства — легальное равенство не соответствовало материальным факторам; особыми правами обладали великие державы; право на самоопределение и невмешательство постоянно нарушалось как великими державами, так и крупными корпорациями, Совет Безопасности нередко выглядел как международный форум, а концепция международного мира и безопасности обладала гибкостью протеина³⁵. Автор делает типично конструктивистский вывод о том, что проблема легитимного применения силы — центральная нормативная проблема мировой политики, поскольку является сущностно необходимой для поддержания гражданского общества и

защиты основных прав человека, не говоря уже о поддержании мира и стабильности на международной сцене через отношения между порядком и справедливостью.

Таким образом, в социально сконструированном мире наличие паттернов и базовых концептов зависит от пересечения смыслов и практик. Иногда они носят стабильный характер, однако отнюдь не зафиксированный раз и навсегда. Поскольку идеи и практики различаются во времени или пространстве, образцы, или паттерны, которые однажды выглядели как твердые и предсказуемые, «вдруг» меняются и обретают новый смысл. Это легко проследить на примерах основных политологических концептов, например, государства, суверенитета, силы, гражданского общества, партий или прав человека. Эволюция смысла каждого из этих концептов с момента его появления совершенно очевидна. При этом «особенность этого метатеоретического подхода (конструктивизма. — Т.А.) заключается в том, что он рассматривает процесс формирования международного дискурса как результат сознательного формулирования, а не только производную отношений между субъектами», — подчеркивает отечественный исследователь О. Шакиров³⁶.

Наконец, еще одна «любимая» тема международников — поиски ответа на вопрос о том, является ли **теория международных отношений наукой**. Вендт и другие конструктивисты предложили критикореалистическую позицию как способ прекращения бесконечных дебатов вокруг этого вопроса, «переведя стрелки» на более важные, с его точки зрения, явления мировой политики. Он ввел различие между онтологическими вопросами (прежде всего, вопросом о том, в самом ли деле международно-политическая сфера состоит исключительно из материальных объектов, и существуют ли независимые от идей факторы), а также эпистемологических проблем (с «натурализма»,

т.е. вопроса о правомерности применения методов естественных наук в анализе международных отношений), сделав выводы о том, что, во-первых, существующее важнее того, как мы об этом узнали; и, во-вторых, науку двигает вопрошание, а не методы³⁷.

Наконец, еще одна важная проблема, связанная с конструктивизмом, заключается в том, удалось ли все-таки его сторонникам занять **промежуточное положение** или, если сказать скромнее, выстроить мост между неореализмом и либерализмом?

Если относительно недавно, еще в 1990-е гг., конструктивизм воспринимался многими исследователями с немалым скепсисом, то сегодня, хотя бы отчасти, он вошел в самые разные теории³⁸. Как минимум две идеи — во-первых, учет нематериальных факторов (стратегия, разведка, способы урегулирования конфликтов и др.); во-вторых, социально сконструированные интересы — воспринимаются теперь как данность, не нуждающаяся в обосновании. Скажу больше, зарождение концепта «мягкой силы» также, на мой взгляд, есть продукт легитимации конструктивистской парадигмы³⁹. Как следствие, исследовательские повестки дня неореализма и неолиберализма используют конструктивистские подходы, одновременно сохраняя верность своим базовым мировоззренческим постулатам. Кроме того, конструктивизм видоизменил системный подход к международным отношениям, наполнив его новым содержанием.

Вендт, по существу, предложил компромисс: могут быть инкорпорированы содержательные интересы несогласных за счет относительно абстрактных эпистемологических положений, или иначе, вполне возможно достигнуть более глубокого понимания реальности с помощью соединения методов неопозитивизма и его противников.

Конструктивизм не стоит на месте — с момента его установления уже произо-

шла смена поколений исследователей. Многие конструктивисты более поздних поколений утверждают, что раньше конструктивизм отвергал весьма важные наблюдения, связанные с лингвистическим поворотом и «научным» подходом к исследованию международных отношений. К тому же конструктивисты слишком мало внимания уделяли поведению «по привычке» и вообще, шире, нерелексивному поведению в мировой политике. Иными словами, новое поколение конструктивистов принимает сегодня самое деятельное участие в «практическом повороте», в том числе в духе теорий Пьера Бурдьё, уделявшего особое внимание проблемам «привычки», «обычая», «традиции» в психологии и социальной жизни⁴⁰.

Внутри самого конструктивизма возникло множество течений, отклоняющихся либо в сторону либерального конструктивизма (во многом в духе Ю. Хабермаса, считающих, что в «идеальной речевой ситуации» сила вообще может быть исключена из взаимодействия в мировой политике), либо в направлении реалистского конструктивизма, который исходит из тезиса Мишеля Фуко, что какая-то форма силы всегда присутствует в любых условиях, включая и анархическую международную систему. По мнению многих исследователей, конструктивизм все же скорее склоняется в сторону либерального идеализма. Как бы там ни было, дискуссии сегодня разворачиваются уже не столько между конструктивистами и представителями основных парадигм в ТМО, сколько между самими конструктивистами, в зависимости от их склонностей — к либерализму или к реализму, что не мешает им противостоять и тому, и другому.

Сложный мир нуждается в сложной теории для того, чтобы быть понятным. Конструктивизм, собственно, и претендует именно на эту роль. Другое дело — насколько успешно.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Мировая политика / М.М. Лебедева. М. : Кнорус, 2011.
2. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В.А. Лекторского. М. : Канон+, 2009.
3. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений» / Т.А. Алексеева // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 4—19.
4. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии. 2009. № 2.
5. Богданова В.О. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлияние / В.О. Богданова. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_323.html
6. Ashley, Richard. The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Theory of International Relations // Alternatives. 1987. Vol. 12. № 4.
7. Checkel, Jeffrey. Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. Ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press. 2008.
8. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
9. Wendt, A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // International Organization. № 46.
10. Waltz, Kenneth. Theory of International Politics. New York: McGraw Hill 1979; Waltz, Kenneth. Realism and International Politics. London: Routledge. 2008.
11. Hurd, Jan. Constructivism // the Oxford Handbook of International Relations. Ed. by Chrisitian Reus-Smit and Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010.
12. Adler, Emmanuel. Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations. London: Routledge. 2005.
13. Onuf, Nicholas. World of Our Making. (University of South Carolina Press, 1989.
14. Barkin, J. Samuel. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 5. P. 338.
15. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. Ed. by Peter Katzenstein. NY: Columbia University Press. 1996.
16. Алексеева Т.А. Политическая теория как «практичное знание» (Usable Knowledge) / Т.А. Алексеева // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13).
17. Walt, Stephen. Alliance Formation and the the Balance of World Power. // International Security. Spring 1985. Vol. 9. № 2.
18. Reus-Smit, Christian. Liberal Hierarchy and the License to Use Force // Review of International Studies. December. 2005. № 31. Suppl. S1.
19. Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма / О. Шакиров // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 83.
20. Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue. Ed. by Patrick Thaddeus Jackson // International Studies Review. 2004. Vol. 6.
21. Nye, Joseph, Soft Power: The Means to Success in World Politics. Harvard: Harvard University Press. 2004.
22. Pouliot, Vincent. The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities // International Organization. 2008. Vol. 62.

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М. : Кнорус. 2011. С. 36. [Lebedeva M.M. Mirovaya politika. M. : Knorus, 2011. P. 36]

² См.: Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В.А. Лекторского. М. : Канон+, 2009. [Konstruktivistskiy podhod v epistemologii i naukach o cheloveke. Pod. Red. V.A.Lektorskogo. M. : Kanon+, 2009]

³ См.: Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «Культурный поворот» в теории международных отношений» // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 4—19. [Alekseeva T.A. Chimery strany Oz: Kulturniy povorot v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy // Mezhdunarodnyye process. 2012. Sentjabr-dekabr. 2012. T. 10. № 3. Pp. 4—19]

⁴ Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35—45; Богданова В.О. Конструктивистские модели философствования в их развитии и взаимовлияние. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_323.html [Ulanovskiy A.M. Konstruktivism, radikalnyi konstruktivism, sozyalnyi konstruktivism, mir kak interpretatsiya // Voprosy psichologii. 2009. № 2. Pp. 35—45; Bogdanova V.O. Konstruktivistskiye

- modeli philosophstvovanya v ich razvitiit b vzaimovlyanii. URL: http://e-notabene.ru/fr/articke_323.html]
- ⁵ Onuf, Nicholas. *World of Our Making*. (University of South Carolina Press, 1989.
- ⁶ См.: Ashley, Richard. *The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Theory of International Relations*// *Alternatives*. 1987. Vol. 12. № 4. Pp. 403–434.
- ⁷ Checler, Jeffrey. *Constructivism and Foreign Policy* // *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases*. Ed. by Steve Smith, Amekia Hadfield and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 73.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 5.
- ¹⁰ Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 370. Открытие философского подхода к исследованию международных отношений привело, во-первых, к распространению понятий онтологии и эпистемологии, до последнего времени не принятых в среде международных, что потребовало разъяснения в каждом специфическом случае; во-вторых, к исчезновению собственно философской онтологии в традиционном смысле — сам по себе критический реализм — это уже философская онтология.
- ¹¹ Wendt, A. *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // *International Organization*. № 46. P. 424.
- ¹² «Метатеория» относится к типу эпистемологии, противостоящему онтологическому теоретизированию, поскольку имеет в качестве своего предмета саму по себе теорию, или, иначе, «теория, предметом которой является другая теория».
- ¹³ Adler, Emmanuel. *Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. P. 88.
- ¹⁴ Checkel, Jeffrey. *The Constructivist Turn in International Relations Theory*. // *World Politics* (online), 1998. January, № 50 (2), hlm. 325 and 342. URL: http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/50_er_funne.html
- ¹⁵ Barkin, J. Samuel. *Realist Constructivism* // *International Studies Review*. 2003. № 5. P. 338.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 83.
- ¹⁸ Adler, Emmanuel. *Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations*. London: Routledge. 2005. P. 90.
- ¹⁹ См.: *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by Peter Katzenstein. NY: Columbia University Press. 1996.
- ²⁰ Wendt, A., *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 394. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> // *International Organization*. № 46. P. 396–397.
- ²¹ Ibid.
- ²² Hurd, Jan. *Constructivism* // *the Oxford Handbook of International Relations*. Ed. by Christian Reus-Smit and Duncan Snidal. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 303.
- ²³ Кеннет Уолц — один из наиболее ярких представителей «неореализма», сформулировал три «образа» мировой политики (в отечественной литературе часто говорят «об уровнях»): первый образ — поведение людей рассматривается как основа мировой политики, при этом фокус исследования направляется на индивидуальные мотивации, человеческую уязвимость и т.д.; второй образ — акцент на внутренней структуре государств, внутреннее устройство государств становится объяснением мировой политики; третий образ — анархия как международная система; внимание исследователя обращено на систему, в рамках которой существуют государства, что позволяет объяснить их поведение. См.: Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill 1979; Waltz, Kenneth. *Realism and International Politics*. London: Routledge. 2008.
- ²⁴ Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 24.
- ²⁵ Алексеева Т.А. Политическая теория как «практическое знание» (Usable Knowledge) // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4 (13). С. 214–221. [Alekseeva T.A. *Politicheskaya teoria kak praktichnoye znanie* (Usable knowledge) // *Vestnik MGMO-universiteta*. 2010. № 4 (13). Pp. 214–221.]
- ²⁶ Wendt, Alexander. *Collective identity Formation and the International State* // *American Political Science Review*. 1994. № 88. P. 385.
- ²⁷ См.: Sterling-Folker, Jennifer. *Realism and the Constructivist Challenge: Rejecting, Reconstructing, or Rereading*. // *International Studies Review*. 2002. № 4. Pp. 73–97.
- ²⁸ Wendt, A. *Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics*. 1992. P. 396. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>

- ²⁹ Ibid. P. 399–400.
- ³⁰ Ibid. P. 394.
- ³¹ Wendt, A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 396. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>
- ³² Walt, Stephen. Alliance Formation and the the Balance of World Power // International Security. Spring 1985. Vol. 9. № 2. P. 44–45.
- ³³ Wendt, A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. 1992. P. 402. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858>
- ³⁴ Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 1.
- ³⁵ Reus-Smit, Christian. Liberal Hierarchy and the License to Use Force // Review of International Studies. December. 2005. № 31. Suppl. S1. Pp. 71–92.
- ³⁶ Шакиров О. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма // Международные процессы. 2012. Сентябрь — декабрь. Т. 10. № 3. С. 83. [Shakirov, Oleg. Kak formiruetsia mezhdunarodnaya povestka dnya? Otvet kinstruktivizma // Mezhdunarodnye process. 2012. Sentjabr-dekabr. 2012. T. 10. № 3. P. 83]
- ³⁷ Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 40.
- ³⁸ Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue. Ed. by Patrick Thaddeus Jackson // International Studies Review. 2004. Vol. 6. Pp. 337–352.
- ³⁹ См.: Nye, Joseph, Soft Power: The Means to Success in World Politics. Harvard: Harvard University Press. 2004.
- ⁴⁰ См., напр.: Pouliot, Vincent. The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities // International Organization. 2008. Vol. 62. Pp. 257–288.

БОСНИЯ И ХОРВАТИЯ В СФРЮ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Г. Харитонова

Югославию можно охарактеризовать как соединение Востока и Запада в культурном смысле и Севера и Юга — в экономическом. В более развитых северных регионах (Хорватия) проживало преимущественно католическое, вестернизированное население, испытывавшее культурное давление Австро-Венгерской империи. Менее развитые южные регионы (в том числе Босния), исторически находившиеся под влиянием православной церкви, с одной стороны, и Османской империи — с другой, населяли преимущественно православные сербы и черногорцы, а также бошняки¹. В XIX в. балканский национализм носил преимущественно антиимперский характер, а для государственного строительства новых национальных государств были характерны две тенденции: балканизация (этнические расколы и националистические притязания) и интеграция южнославянских народов. Воплощенная после Первой мировой войны идея «национального плавильного котла» (Королевства Югославия) оказалась несостоятельной, и в ходе Второй мировой позиции различных сторон определялись националистическими и религиозными мотивами.

Таким образом, задача государственного строительства коммунистической Югославии, в первую очередь, состояла в институционализации этнической федерации, обеспечивающей единство населения, имеющего большой исторический опыт националистических, территориальных и религиозных расколов. Этническая гетерогенность была характерна также и для республик Югославии, ни

одна из которых, несмотря на этноцентричные названия, не соответствовала критериям «этнически чистой» политики (нации-государства). Так, в Хорватии проживало две трети югославских хорватов, а также сербское меньшинство в Восточной Славонии, а Босния и Герцеговина была наиболее этнически и религиозно гетерогенной республикой с географически компактно проживающими меньшинствами.

Атлас народов мира, изданный в 1964 г., наглядно иллюстрирует этническую гетерогенность Балкан.

В теории конфликтов³ вероятность конфликтов уменьшается при слабой и сильной фрагментации населения⁴, при доминировании (более 80% населения) одной группы, при дискриминации и при низком уровне поляризации.

Босния и Герцеговина была менее фрагментирована и вследствие большого численного состава меньшинств более этнически поляризована, чем другие республики и Югославия в целом, поэтому обладала большим конфликтным потенциалом. В Хорватии же националистические сербские настроения стали проявляться только после принятия в 1990 г. новой Конституции, согласно которой Хорватия стала национальным государством хорватского народа и других меньшинств.

Первой задачей для посткоммунистической Югославии было предотвращение, с одной стороны, этнического доминирования в политической и экономической сферах (разрешение так называемой дилеммы безопасности меньшинств⁶), а с другой — политизации

Таблица 1

Этнический состав населения Югославии (1953 г.)²

	Сербы	Хорваты	Словенцы	Албанцы	Македонцы	Черногорцы	Венгры	Югославы (**)
Югославия	42	12	9	4	5	5	3	6
БиГ	44	13	*	*	*	*	*	31
Хорватия	15	80	1	*	*	*	1	*

* — менее 1%; ** — включая боснийских мусульман.

Таблица 2

Индексы этнической фрагментации и поляризации⁵

	СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
Индекс этнической фрагментации (1953)	0,75	0,34	0,66
Индекс этнической поляризации (1953)	0,69	0,62	0,88
Индекс этнической фрагментации (1981)	0,80	0,42	0,70
Индекс этнической поляризации (1981)	0,59	0,66	0,81

Таблица 3

Самоидентификация «югославы»⁷

	1961	1971	1981	1985	1989
СФРЮ	1,7	1,3	5,4	Н.д.	Н.д.
Босния	8,4	1,2	7,9	Н.д.	14,4
Хорватия	0,4	1,9	8,2	10,6	9,0

этничности. Первоначально государственно-строительная стратегия Тито основывалась на идее югославизма (несмотря на неудачный исторический опыт первой Югославии), стимулирующей политическую и экономическую централизацию при подавлении этноцентристских и националистических настроений. Эта политика предполагала формирование наднациональной югославской идентичности и консолидацию социалистического государства вследствие распада традиционных (этнических, культурных, религиозных) идентичностей и антисоциалистических убеждений. Согласно переписи населения 1961 г., менее 2% населения СФРЮ имели югославскую самоидентификацию (исключение составляла Босния, где до введения в перепись категории «боснийские мусульмане» в 1971 г. последние выбирали югославскую идентичность в противовес серб-

ской или хорватской). В период с 1971 по 1981 г. степень югославской самоидентификации увеличивалась во всех республиках. Однако многие этнические группы воспринимали политику югославизма как политику ассимиляции и восстановления Великой Сербии, т.е. скорее как угрозу, чем гарантию этнической безопасности.

В 1950-е — начале 1960-х политические лидеры стремились сохранить баланс между единством и различиями, между централизмом и федерализмом. Стратегия Союза коммунистов Югославии (СКЮ) была направлена не на уничтожение национальных (этнических) идентичностей, но на предотвращение их политизации. Используемая югославскими коммунистами тактика «стратегического национализма» была направлена на послевоенное восстановление государственности и предотвращение

сербо-хорватских конфликтов и нестабильности, характерных для межвоенного периода. Этнический федерализм, обеспечивающий равенство и значительную автономию этнических групп, проживающих в республиках и провинциях, должен был решить национальный вопрос, воспрепятствовать политизации этничности и создать основу легитимности нового режима. Задача противостояния сербскому доминированию была решена через институционализацию своеобразного консенсусного федерализма участия: все составные части федерации участвовали в принятии решений на федеральном уровне, причем принятые решения должны были быть одобрены единогласно. Таким образом, югославский федерализм признавал шесть национальных государств (названия Сербия, Хорватия, Македония и др. подчеркивали идею национального государства соответствующих наций) в форме республик, обладающих национальной (республиканской) символикой и правом на самоопределение. Коммунистическая партия Югославии поддерживала идею раскрытия потенциала этнического национализма для дальнейшего обеспечения коммунистического интернационализма, поэтому Македония получила статус республики, а боснийские мусульмане (впервые) наряду с сербами и хорватами были признаны равноправ-

ными членами этнически гетерогенной Боснии и Герцеговины.

В середине 1960-х гг. начинаются процессы децентрализации, деэтизации, деполитизации и демократизации (четыре Д), а также институционализации националистических принципов. Тенденции борьбы с усилением сербского доминирования в партии привели к конституционным изменениям 1967 г., уменьшившим власть СКЮ на федеральном уровне. Если на первом этапе формирования федеративной модели реальная власть была сконцентрирована в Центральном Комитете СКЮ, то в дальнейшем начался постепенный процесс децентрализации и усиления власти коммунистических партий республик. Целью СКЮ было установление реального федерализма в государстве и партии, что предотвращало неинституционализированную мобилизацию этнических интичностей. СКЮ стал функционировать как ассоциация восьми региональных партий, тем самым были заложены основы для конфедерации. Наиболее ярким примером изменения ранее существовавшего подхода простого утверждения республиканскими партиями федеральной политики стало проведение в 1968 г. республиканских съездов коммунистических партий раньше федерального. В дальнейшем решения федерального съезда стали обобщать решения и плат-

Таблица 4

Представительство этнических групп в органах власти (%)⁸

	СФРЮ (перепись 1971)	Лидеры в федеральных органах (1969)	Члены СКЮ (1971)	Высший состав армии (1971)
сербы	39,7	39,4	49,4	33
хорваты	22,1	19,1	17,4	38
боснийцы	8,4	5,1	4,6	4,1
словенцы	8,2	10	6,3	8,3
албанцы	6,4	0,8	3,4	-
македонцы	5,8	7,8	6,2	8,3
черногорцы	2,5	15,1	6,3	8,3
другие	6,9	2,7	6,4	-

формы республиканских съездов (хотя у Тито оставалось право вето на решения республик). Важнейшим элементом усиления власти республик стало введенное в 1971 г. право вето, которое получили все федеральные единицы (включая автономные провинции) на все решения Центра.

В 1967 г. Вече республик (упраздненное в 1953 г.) было восстановлено с новыми полномочиями, а также введен принцип национального паритета в представительстве в ведущих партийных органах, с 1971 г. — во всех федеральных органах. Таким образом, идея противостояния сербскому доминированию обеспечила представительство всех этнических групп в управлении, причем в некоторых случаях — хорваты в армии и черногорцы в федеральных органах власти — непропорционально завышенное.

Конституция 1974 г. усилила конфедеративные тенденции: был реорганизован пост коллективного президентства (президиума СФРЮ), состоявшего из 9 человек — 1 лидер СКЮ и 8 региональных представителей, избранных парламентами, республики получили право вето на решения президиума.

Несмотря на политику федерализма и поддержку многонациональности, националистические настроения открыто выражались только за пределами коммунистической партии (например, декларация 1967 г., подписанная хорватской интеллигенцией⁹). Режим Тито, прово-

дивший децентрализацию СКЮ, продолжал одновременно контролировать все проявления этнической мобилизации, так как федерализм был призван обеспечить артикулирование этнических идентичностей, но не их политизацию. Примером притиводействия Центра мобилизации хорватской идентичности является реакция на националистическое движение в Хорватии в 1971 г., когда были отправлены в отставку представители высшего звена хорватского руководства, включая председателя ЦК Хорватии.

Второй задачей коммунистической Югославии было изменение социально-экономического неравенства регионов. Менее развитые регионы в несколько раз отставали по уровню социально-экономического развития, поэтому на повестке дня послевоенного экономического развития стояли модернизация и индустриализация.

С точки зрения теории модернизации, этнические идентичности являются несовременными и периферийными, и процессы индустриализации, урбанизации и рационализации, развитие коммуникаций и транспорта должны привести к исчезновению традиционных различий, уменьшению этнического национализма, формированию космополитических взглядов и развитию межетнической толерантности. С другой стороны, в теории этнического соревнования¹¹, индустриализация и модернизация, ведущие к социальной и эко-

Таблица 5

Индикаторы регионального неравенства (1948)¹⁰

	Югославия	Хорватия	Босния
Процент населения	100	24	16
Процент ВВП	100	25	14
Занятость в сельском хозяйстве	67	62	72
Неграмотность (старше 10 лет)	25	16	45
Прирост населения (на 1000)	14	9	22
Младенческая смертность (на 1000)	102	112	126
Тыс. чел. на 1 врача (1952 г.)	2,6	1,9	4,3
Чел. на больничное койко-место (1952 г.)	277	202	448

номической мобильности, наоборот, могут усилить этническую идентичность доминирующей группы и этническую мобилизацию групп меньшинства, что приведет к конфликтам между ними. Первоначально политическая элита Югославии при проведении политики перераспределения ресурсов и поддерж-

ки слабо развитых регионов имплицитно действовала в русле теории модернизации. Национализм, основанный на этнической и религиозной идентичности, должен был уменьшиться вследствие политики урбанизации и модернизации, проводимой СКЮ. Создание федерации равных наций (независимо от тер-

Таблица 6

Социально-экономические индикаторы модернизации¹²

		СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
Занятость населения в сельском хозяйстве (%)				
	1953	60,9	56,4	62,2
	1961	45,6	45,5	48,4
	1971	38,2	32,3	40
	1979	29,3	24,1	28,9
Экономическая активность женщин (%)				
	1961	34,9	39,9	26,9
	1981	33,1	35,6	24,3
Уровень безработицы (%)				
	1959	7,21	5,98	4,74
	1969	7,31	5,70	7,14
	1979	15,52	5,68	16,60
Средний уровень заработной платы (в динарах)				
	1952	70,17	76,01	75,3
	1966	666,13	725	651
	1979	8333,13	9627	7481
Младенческая смертность (на 1000)				
	1952	105,10	102,3	143,9
	1966	64,2	42,2	71,2
	1979	32,2	19,2	30
Состав семьи				
	1948	4,37	3,94	5,15
	1971	3,8	3,43	4,41
ВВП (миллионы динаров)				
	1952	8721	2179	1114
	1964	55935	14705	6775
	1970	142909	38673	17317
ВВП на душу населения (в динарах)				
	1952	513	554	391
	1971	6969	8738	4622

ритории и населения) происходило одновременно с централизацией СКЮ для проведения этой политики. Программа федерализации была важным средством получения широкой поддержки и позволяла СКЮ создавать новое модернизированное общество, в котором на смену национальным идентичностям должна прийти идентификация с новым югославским государством. В результате этой политики к концу 1970-х СФРЮ перешла в разряд стран со средним уровнем дохода, но уровень неравенства между республиками вырос.

В 1950-е гг. проблемы отсталых регионов решались федеральным правительством: план 1954—1960 гг. отдавал предпочтение инвестициям в наименее развитые регионы и финансирование южных регионов за счет северных. К началу 1960-х реакция наиболее развитых регионов и неэффективность политики планирования привели к проведению в 1961 г. ряда реформ, направленных на децентрализацию, развитие самоуправления и увеличение эффективности. Это: изменение налогового законодательства (прогрессивный налог уступил место единой ставке налогообложения, что привело к уменьшению налоговых отчислений предприятий в федеральный бюджет с 60% до 15% от прибыли), девальвация динара, упразднение системы множества курсов и снятие контроля с ценообразования на потребительские товары. В результате в первой половине 1962 г. розничные цены выросли на четверть, цены на сельскохозяйственную продукцию — на 18%, что отразилось в первую очередь на наименее развитых регионах, зависимых от сельского хозяйства (Босния).

В 1953 г. новая Конституция привела к формированию федерализма коммун. По мнению Е. Гуськовой, «в 1950-е гг. решение задач перевода экономики на самоуправленческие рельсы виделось в создании механизма непосредственной демократии, который предостав-

лял бы самые широкие возможности для осуществления демократического самоуправления трудящихся посредством соответствующих организаций на производстве и в других областях общественной жизни: рабочих советов, кооперативов, коммун, хозяйственных ассоциаций, общественных органов управления в области просвещения, науки, культуры, здравоохранения». С одной стороны, это означало уменьшение роли федеративных органов (Вече республик было упразднено и создано Вече производителей) и увеличение производственного (классового, но не этнического) самоуправления, с другой — фрагментацию общества и облегчение контроля над ним со стороны СКЮ (после 1954 г. коммунистические партии республик контролировали все высшие назначения в коммунах). Предполагалось, что рабочее самоуправление повысит темпы экономического развития, создаст новую идентичность на основе солидарности рабочего класса, тем самым предотвратив регионально-этнические конфликты. На деле рабочее самоуправление привело к артикулированию местных, а не классовых интересов, а ослабление федерального контроля над экономикой привело к фрагментации СКЮ и формированию партикулярной и националистической повестки дня. Начиная с середины 1960-х гг. коммунистические партии республик стали представлять и защищать в первую очередь интересы титульных наций (хорватов в Хорватии, сербов в Сербии, боснийских мусульман в Боснии).

В 1966 г. был создан специальный фонд помощи недостаточно развитым регионам (в первую очередь, Боснии, Черногории, Македонии и Косово) — кредитная организация, получающая обязательные отчисления всех субъектов федерации пропорционально их ВВП и финансирующая наименее развитые регионы. Если Хорватия и Словения последовательно выступали против политики

Таблица 7

Средства фонда (%) ¹³				
	Босния		Хорватия	
	Отчисления в фонд	Использование средств фонда	Отчисления в фонд	Использование средств фонда
1981–1985	13,3	28,3	25,5	-
1986–1990	16,3	26,3	23,3	-

перераспределения, то южные регионы ее полностью поддерживали. Таким образом, политика, изначально направленная на преодоление неравенства между регионами и смягчение региональных и национальных отличий, в итоге посте-

пенно привела к экономическому национализму, который усилился благодаря экономическому кризису 1980-х гг.

Преференциальная политика по отношению к наименее развитым регионам в области инвестиций, несмотря на уве-

Таблица 8

Усиление экономического неравенства регионов¹⁴

		СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
ВВП (цены 1972 г.)				
	1947	100	25	13,8
	1965	100	26,5	12,9
	1988	100	24	12,7
ВВП на душу (цены 1972 г.)				
	1947	100	104,3	85,7
	1965	100	120,3	71,7
	1988	100	128,4	67,5
Инвестиции (цены 1972 г.)				
	1958–1970	100	24,5	13
	1971–1980	100	24,4	15,5
	1981–1988	100	24,2	14,9
Уровень инвестиций (И/ВВП)				
	1958–1970	31,4	28,8	32,3
	1971–1980	32,3	30	41,1
	1981–1988	22,4	21,4	26,4
Эффективность инвестиций				
	1952–1965	100	111	80
	1966–1975	100	108	77
	1976–1983	100	89	103
Производительность труда				
	1952	100	98	95
	1965	100	102	93
	1976	100	108	84
	1988	100	105	85
Инвестиции в ВВП				
	1952	100	90	159
	1966	100	86	106
	1974	100	83	142
Фиксированный капитал				
	1952	100	27,3	13,2
	1965	100	26,8	14,8
	1988	100	25,9	15,3

личение фиксированного капитала, не изменила распределения ВВП между федеральными субъектами вследствие низкой эффективности инвестиций. ВВП на душу населения в южных регионах продолжал падать по сравнению со средним по Югославии уровнем.

Итак, основными факторами распада югославской государственности и появления независимых Хорватии и Боснии являются экономическое неравенство между республиками, экономический национализм, ослабление центральной власти и фрагментация СКЮ, прекратившего свое существование в качестве символа национального един-

ства в 1990 г. С одной стороны, экономическое неравенство приводит к сепаратистским настроениям в наиболее развитых регионах, которые стремятся отделиться от наименее развитых. С другой стороны, сепаратистские настроения усиливаются при ослаблении центральной власти и часто являются превентивными мерами для решения дилеммы безопасности в условиях, когда третья сторона (государство) не может гарантировать стабильность и недискриминацию меньшинств большинством. Эти же факторы стали в дальнейшем стимулами для сепаратизма внутри новых независимых государств.

Список литературы

1. Hashi, Iraj. The Disintegration of Yugoslavia: Regional Disparities and the Nationalities Question // *Capital & Class*. 1992. № 3. URL: <http://cnc.sagepub.com/content/16/3/41> (дата обращения: 13.01.2012).
2. Ellingsen T. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *The Journal of Conflict Resolution*. 2000. № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/174664> (дата обращения: 14.08.2008).
3. Fearon, James D. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence / *Oxford handbook of political economy*. N.Y.: Oxford university press. 2006.
4. Fearon D. Ethnic war as a commitment problem // *Annual Meeting of the American Political Science Association*. 1994. Posen, Barry. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // *Survival*. 1993. № 1.
5. Sekulic Dusko, Garth Massey, Randy Hodson. Who Were the Yugoslavs? Failed Sources of a Common Identity in the Former Yugoslavia // *American Sociological Review*. 1994. № 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/2096134> (дата обращения: 13.01.2012).
6. Bertsch Gary K. Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1977.
7. Flaherty, Diane. Plan, Market and Unequal Regional Development in Yugoslavia // *Soviet Studies*. 1988. № 1. С. 106–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/151746> (дата обращения: 13.01.2012).
8. Lang, Nicholas R. The Dialectics of Decentralization: Economic Reform and Regional Inequality in Yugoslavia // *World Politics*. 1975. № 3. URL: <http://www.jstor.org/stable/2010123> (дата обращения: 13.01.2012).
9. Dubravčić, Dinko. Economic causes and political context of the dissolution of a multinational federal state: The case of Yugoslavia // *Communist Economies and Economic Transformation*. 1993. № 3. С. 265. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14631379308427758> (дата обращения: 13.01.2012).

¹ Бошняки (боснийцы, боснийские мусульмане (нежелат.) и др.) — потомки сербов, принявших в период османского владычества ислам.

² Hashi, Iraj. The Disintegration of Yugoslavia: Regional Disparities and the Nationalities Question // *Capital & Class*. 1992. № 3. С. 51. URL: <http://cnc.sagepub.com/content/16/3/41> (дата обращения: 13.01.2012).

³ Ellingsen T. Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict during and after the Cold War // *The Journal of Conflict Resolution*. 2000. № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/174664> (дата обращения: 14.08.2008); Fearon, James D. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence / *Oxford handbook of political economy*. N.Y.: Oxford university press. 2006. С. 853–869.

⁴ Статистические исследования демонстрируют отношения между фрагментацией и конфликтами в виде обратного U-изгиба, т.е. высокий и низкий уровень фрагментации снижает уровень конфликтов.

- ⁵ Расчеты автора. Данные из: Hashi, Iraj. The Disintegration of Yugoslavia: Regional Disparities and the Nationalities Question // *Capital & Class*. 1992. № 3. С. 51. URL: <http://cnc.sagepub.com/content/16/3/41> (дата обращения: 13.01.2012).
- ⁶ Fearon D. Ethnic war as a commitment problem // Annual Meeting of the American Political Science Association. 1994. Posen, Barry. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // *Survival*. 1993. № 1.
- ⁷ Sekulic Dusko, Garth Massey, Randy Hodson. Who Were the Yugoslavs? Failed Sources of a Common Identity in the Former Yugoslavia // *American Sociological Review*. 1994. № 1. С. 85, 89. URL: <http://www.jstor.org/stable/2096134> (дата обращения: 13.01.2012).
- ⁸ Bertsch Gary K. Ethnicity and Politics in Socialist Yugoslavia // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1977. С.97. URL: <http://www.jstor.org/stable/1043230> (дата обращения: 13.01.2012).
- ⁹ Декларации о статусе и названии хорватского стандартного языка.
- ¹⁰ Flaherty, Diane. Plan, Market and Unequal Regional Development in Yugoslavia // *Soviet Studies*. 1988. № 1. С. 106–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/151746> (дата обращения: 13.01.2012); Lang, Nicholas R. The Dialectics of Decentralization: Economic Reform and Regional Inequality in Yugoslavia // *World Politics*. 1975. № 3. С. 332. URL: <http://www.jstor.org/stable/2010123> (дата обращения: 13.01.2012).
- ¹¹ Теория этнического соревнования предполагает, что этнические конфликты являются продуктом экономического соревнования между этнически дифференцированными сегментами классов или между этнически различными потребителями и поставщиками. Bonacich, Edna. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // *American Sociological Review*. 1972. № 5. URL: <http://www.jstor.org/stable/2093450> (дата обращения: 25.08.2011).
- ¹² Lang, Nicholas R. The Dialectics of Decentralization: Economic Reform and Regional Inequality in Yugoslavia // *World Politics*. 1975. № 3. С. 329. URL: <http://www.jstor.org/stable/2010123> (дата обращения: 13.01.2012). Flaherty, Diane. Plan, Market and Unequal Regional Development in Yugoslavia // *Soviet Studies*. 1988. № 1. С. 106–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/151746> (дата обращения: 13.01.2012).
- ¹³ За период с 1981 по 1990 г. через фонд было перечислено 4 млрд долл. США. Dubravčić, Dinko. Economic causes and political context of the dissolution of a multinational federal state: The case of Yugoslavia // *Communist Economies and Economic Transformation*. 1993. № 3. С. 265. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/14631379308427758> (дата обращения: 13.01.2012).
- ¹⁴ Flaherty, Diane. Plan, Market and Unequal Regional Development in Yugoslavia // *Soviet Studies*. 1988. № 1. С. 106–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/151746> (дата обращения: 13.01.2012). Hashi, Iraj. The Disintegration of Yugoslavia: Regional Disparities and the Nationalities Question // *Capital & Class*. 1992. № 3. С. 51. URL: <http://cnc.sagepub.com/content/16/3/41> (дата обращения: 13.01.2012).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УСТОЙЧИВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

К.А. Кузнецов, П.А. Щелин

В политической науке существует достаточно значительное число теорий, в той или иной степени касающихся вопросов существования и развития государств. Каждая из них, в свою очередь, базируется на определенной совокупности факторов, определяющих, по мнению авторов данных теорий, развитие государства. Среди исследователей, так или иначе занимавшихся проблематикой «национальная идентичность», можно отметить таких авторов, как Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель¹, Самюэль Хантингтон², Хосе Ортега-и-Гассет³, Френсис Фукуяма, Антони Д. Смит⁴, Русанна Габер⁵, Дуглас В. Блум⁶, К. Гаджиев⁷ и др. Обилие этих теорий привело к росту числа таких факторов, которые различаются от институциональных и структурных до культурных и процедурных, что затрудняет возможности синтеза всех этих факторов при анализе явлений и процессов, связанных с существованием и развитием государств.

Именно многообразие подходов к пониманию причин успеха или кризиса государственного развития стало одной из причин определенной хаотизации в области изучения государств и возникновения идей «несостоятельности» или «конца» государства в современном мире, традиционно связываемых с глобализацией. Кроме того, следует учесть, что происходящие в современном мире процессы, к числу которых можно отнести и упомянутую выше глобализацию, требуют переосмысления не только общего контекста мирового взаимодействия и анализа роли новых акторов мирового взаимодействия, но и определенного пересмотра вестфальских взглядов и на та-

кой традиционный институт, как государство.

В связи с этим авторы выдвинули альтернативную концепцию, объясняющую причины и принципы успешного существования и развития государства, в рамках которой ключевым для анализа выступает понятие национальной идентичности, рассмотрению которого в совокупности с основополагающими положениями данной теории и посвящена эта статья.

В силу крайне широкого использования понятия в различных научных дисциплинах от культурологии до теории международных отношений произошло существенное размывание концепта, ввиду чего в рамках теории было выработано иное определение понятия, отвечающее задачам исследования, лежащего в основе излагаемой теории. Здесь прежде всего следует обратить внимание на два аспекта, традиционно выделяемых в понятии: «идентичность» и «нация». Идентичность — понятие, широко употребляемое и имеющее множество трактовок, тем не менее объединенных общей идеей: идентичность — это самоидентификация индивида или группы людей с более значительной группой; кроме того, идентичность влияет на самосознание индивида, наделяя его пониманием того, что группа, с которой он себя соотносит, обладает особыми качествами, отличающими ее от других групп⁸.

Под понятием «нация» понимается высшая этническая общность людей, возникшая на основе общих исторических корней, культуры, территории, языка, менталитета и объединенных общим национальным самосознанием. Последний пункт представляется особенно

важным, так как национальное самосознание является одним из компонентов национальной идентичности. Говоря о понятии «нация», необходимо отметить, что в рамках теории оно совпадает с понятием «государство», несмотря на то, что существуют так называемые «народы без государства» и государства, которые нациями не являются. Именно совпадение этих понятий и определяет в значительной степени успешное существование того или иного государства или же, наоборот, его кризис. В рамках описываемой теории под национальной идентичностью понимается комплекс трех основных идей, постоянно присутствующих в сознании большинства населения государства: «общее прошлое/общий опыт государственности, позитивно воспринимаемое общественным сознанием», «набор общих ценностей для данного социума», и выступающая следствием вышеупомянутых факторов «общая ответственность за будущее страны».

Необходимо отметить, что данные компоненты следует рассматривать как систему, а не простую комбинацию факторов: только совокупно эти компоненты создают «национальную идентичность», которая, в свою очередь, является непременным условием успешного развития и самосохранения государства. Отсутствие любого из этих компонентов ведет к размыванию национальной идентичности в стране, к ее временной, а затем конечной потере, что неминуемо приведет к затяжному кризису государства или даже его распаду или превращению в «несостоявшееся государство» (failed state).

Именно система, образуемая этими тремя идеями, позволяет государству успешно сохраняться и развиваться. В рамках социума национальная идентичность создает и поддерживает внутреннюю целостность общества и государства. Другими словами, именно национальная идентичность дает ответ на ряд фундаментальных вопросов *«зачем развиваться в рамках данного государ-*

ства?», *«зачем соблюдать установленные законы?»*, *«зачем давать отпор агрессору в случае нападения на страну?»* и другие. Роль национальной идентичности является непременным фактором стабильного и устойчивого существования государства, а в критических ситуациях главным фактором, определяющим выживание той или иной страны. Напротив, при отсутствии сильной национальной идентичности наступает кризис в работе политических институтов (например, коррупция начинает принимать неконтролируемые размеры; местные элиты стремятся проводить политику, целью которой является достижение автономии или независимости; граждане стремятся эмигрировать из страны и т.д.), а более значимый вес начинают приобретать другие идентичности — клановые, религиозные, семейные, этнические. Как следствие, ослабляется внутренний суверенитет государства, что в свою очередь приводит к стагнации, а затем к кризису его развития.

Национальная идентичность будет рассматриваться как единственная идентичность, на основе которой можно создать стабильное и развитое государство, в силу того обстоятельства, что другие идентичности не обладают способностью обеспечить постоянное разделение какого-то определенного набора ценностей и идей подавляющим большинством населения страны на протяжении всей жизни.

Здесь следует сразу отметить, что принадлежность гражданина к нации определяется принятием индивидом всех трех компонентов национальной идентичности, а не его происхождением. Подобный критерий «гражданственности» представляется наиболее целесообразным при рассмотрении вопросов, связанных с понятиями «нация», «государство», «национальная идентичность» в рамках данной теории, поскольку именно такая интерпретация данного термина позволяет провести действительно чет-

кую грань, отделяющую граждан государства от тех, кто не разделяет общенациональных ценностей.

В развитых обществах с долгим опытом государственности национальная идентичность представляет собой весьма консервативное явление. Требуются серьезные изменения внутреннего либо внешнего характера для того, чтобы составляющие национальной идентичности были изменены. Подобное устойчивое сохранение содержательных компонентов национальной идентичности представляется вполне закономерным, так как в ее составных частях нет элементов, которые были бы подвержены постоянным изменениям. Таким образом, общее прошлое — его восприятие и оценка — представляет собой устойчивый набор ценностных оценок важнейших событий истории социума.

Первым компонентом национальной идентичности является наличие у социума общего опыта государственности, который также включает в себя оценку общего прошлого, являющуюся устойчивым набором ценностного восприятия важнейших событий истории социума. Бенджамин Франклин сказал, что «история — это не столько рассказ о том, что было, сколько рассказ о том, во что хотелось бы верить»⁹. Эта фраза метафорически выражает основную задачу общей исторической памяти, как составляющей национальной идентичности — оправдание нынешнего положения вещей (благосостояния, господства) или будущих притязаний (на завоевания, присоединение территорий).

Второй компонент национальной идентичности — определенный набор общих ценностей, разделяемых подавляющим большинством членов нации, также не является составляющей, которая при стабильной внешней среде стремится к изменениям. Здесь необходимо отметить, что в этот набор ценностей обычно состоит лишь из важнейших общественных установок. Сформирован-

ные, как правило, в ходе сложных исторических процессов, выявивших именно те аспекты деятельности и характера социума, которые являлись наиболее важными для успешного выживания нации, эти ценности и идеи являются настолько привычными для граждан государства, что воспринимаются ими на подсознательном уровне. Поэтому необходимость изменения этого ценностного набора или же дополнения его наступает лишь в случае возникновения вызова, на который существующие ценности ответить не в состоянии. В этой ситуации ценностная составляющая национальной идентичности изменяется, иногда достаточно радикально.

Третий компонент национальной идентичности — общая ответственность за будущее страны является наиболее устойчивым из всех компонентов, так как подобная ответственность не может подвергнуться изменению, она либо существует, либо отсутствует (ее отсутствие автоматически означает и отсутствие национальной идентичности). Таким образом, на основании вышеизложенных соображений можно с высокой долей вероятности сделать вывод, что национальная идентичность является достаточно стабильным явлением, чтобы быть предметом анализа.

Необходимо сразу отметить, что, несмотря на то, что сущность национальной идентичности подвержена различным колебаниям в очень слабой степени, это не означает, что ощущение социумом этой идентичности остается неизменным на всем протяжении существования нации. Напротив, со временем ощущение индивидами национальной идентичности может настолько ослабеть, что это поставит вопрос о создании новых ценностных ее компонентов или упрочнению старых с целью восстановления внутренней целостности общества.

Следует подчеркнуть, что национальная идентичность не монолитна, а ее устойчивость не означает, что при

необходимости в ее составные элементы не могут быть внесены значительные изменения. В моменты различных кризисов, и в особенности в период формирования нации, изменение и конструирование компонентов национальной идентичности происходят непрерывно. Кроме того, в процессе исторического развития даже наиболее развитое общество может столкнуться с новыми вызовами, требующими существенного изменения существующих компонентов идентичности. Следует, однако, отметить, что существует ряд структурообразующих компонентов национальной идентичности, например, ценности свободы, правового государства, прав человека в современных европейских демократических государствах, которые не должны быть подвержены модификациям. Поэтому имеет смысл рассматривать национальную идентичность как конструкт, который при определенных обстоятельствах может быть создан группой людей (национальной элитой) с целью формирования нового государства — нации. Разумно предположить, что главная роль на этапе построения данного типа государства отводится именно элите: как политической, так и интеллектуально-культурной, которая задает основные векторы развития государства и, используя существующие предпосылки, закладывает фундамент для будущего развития. Таким образом, национальная идентичность не является каким-то исключительным даром определенных государств: при определенных обстоятельствах любой народ или даже этнос может создать свою собственную уникальную национальную идентичность. В то же время данная задача очень сложна: прежде всего, из-за того, что помимо обязательного наличия определенных политических, культурных и социально-экономических предпосылок только в рамках образуемой ими системы эти компоненты создают «национальную идентичность».

Следующим свойством национальной идентичности является тот факт, что национальную идентичность можно как приобрести, так и потерять. В истории достаточно примеров стран, которые в силу ряда обстоятельств оказались неспособны поддерживать свою национальную идентичность — как правило, за этим следовало исчезновение государства с политической карты мира, по крайней мере, в ранее существовавшей форме. В качестве примера можно привести Китайскую империю начала XX в., провалы трансформации Турецкой империи, гибель в ходе трех разделов Речи Посполитой, а также крах Российской империи — с последующими трансформациями российской идентичностями.

Далее возникает вопрос об основном носителе национальной идентичности — о той группе людей, которые и являются нацией. Ранее уже было сказано, что решающую роль в формировании национальной идентичности играют национальные элиты, но элиты не являются главным носителем идентичности. В истории были примеры, когда элиты государства менялись довольно часто (пример: Китайская империя), в то время как национальная идентичность сохранялась практически в неизменном состоянии. Поэтому имеет смысл предположить, что главным носителем национальной идентичности является самая многочисленная группа населения страны (при более точном анализе — ее медианная выборка), имеющая общие представления о прошлом страны, разделяющая одинаковые политико-культурные ценности и ощущающая ответственность за будущее государства. Данное определение главного носителя идентичности является, с одной стороны, достаточно гибким, так как в зависимости от уровня развития государства — носители идентичности могут отличаться (крестьянство в аграрной или полуиндустриальной стране и средний класс в современном западном обще-

стве), и с другой стороны, оно включает в себя все существенные признаки определяемого понятия.

Именно национальная идентичность превращает народ или несколько народов, проживающих на определенной территории в нацию, путем создания или углубления общей культурной парадигмы мышления, общего набора ценностей, идеалов, общего мировоззрения; которые, в свою очередь, являются именно теми ключевыми и основополагающими факторами, которые в итоге определяют неразрывную связь общества и государства.

Кроме того, именно национальная идентичность отвечает за внутреннюю целостность общества, определяет всю существующую в государстве политико-экономическую систему. Функционирование политических, экономических, социальных институтов будет успешно лишь в том случае, когда они согласуются с существующей в стране национальной идентичностью; а реформы и изменения существующих институтов приведут к желаемому результату только в том случае, если будет параллельно происходить изменение компонентов

национальной идентичности, или же если реформы будут выражением уже прошедших изменений ценностной парадигмы данного социума.

Национальная идентичность может возникнуть в любом социуме, но для этого требуется ряд обстоятельств — определенный уровень социально-экономического развития и продуманная политика элит, направленная на преодоление центробежных и усиление центростремительных тенденций мировоззрения социума. Кроме того, для успешного создания государства-нации необходимо, чтобы его составные компоненты были подготовлены к объединению опытом предыдущего исторического развития. Попытка же объединения в единое целое составных частей, не обладающих подобным опытом, находящихся на крайне низком уровне политико-экономического развития, скорее всего, будет unsuccessful и приведет к постоянным внутрисоциальным кризисам и в конечном итоге к «несостоявшемуся государству». Поэтому в современном мире создание новых государств-наций представляется достаточно маловероятным.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : сб. / пер. с исп. / Хосе Ортега-и-Гассет. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. Башкирова А. М. : АСТ: АСТМОСКВА, 2008.
5. Blum, Douglas W. National Identity and Globalization Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
6. Gaber, Rusanna. National Identity and Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe // International Journal of Sociology. 2006. Vol. 36. № 3.
7. Hieronimus, Robert, Laura Cortner. Founding Fathers, Secret Societies Freemasons, Illuminati, Rosicrucians, and the decoding of the Great Seal Inner Traditions. Bear & Co, 2006.
8. Smith, Anthony D. National Identity. Penguin Books, 1991.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. [Inglehart R., Welzel K., Modernizacija, kulturnije izmenenija i demokratia: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija, M.: Novoje izdatel'stvo, 2011.]

- ² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А.М. Башкирова / АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. [Huntington S. Kto my?: Vizovi amerikanskoj nacionalnoj identichnosti / S. Hauntington; per. s angl. Bashkistrova A. M. : AST:ASTMOSKVA, 2008].
- ³ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : сб. / пер. с исп. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. [Ortega y Gasset J. Vosstanie mass. Degumanisazija iskusstva. Beshrebetnaja Ispanija: [sb.: per. s isp.] / Jose Ortega y Gasset. M.: AST: ASTMOSKVA, 2008.]
- ⁴ Smith, Anthony D. National Identity. Penguin Books, 1991.
- ⁵ Gaber, Rusanna. National Identity and Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe // International Journal of Sociology. 2006. Vol. 36. № 3.
- ⁶ Blum, Douglas W. National Identity and Globalization Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge University Press, 2007.
- ⁷ Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. [Gadzhiev K.S. Nazionalnaya identichnost': konceptual'nij aspekt // Voprosi filosofii. 2011. № 10].
- ⁸ Хантингтон С. Указ. соч. [Huntington S. Ibidem].
- ⁹ Hieronimus, Robert, Laura Cortner. Founding Fathers, Secret Societies Freemasons, Illuminati, Rosicrucians, and the decoding of the Great Seal Inner Traditions. Bear & Co, 2006. P. 5.

ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ БРИКС: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Г.Д. Толорая

БРИКС и современный мир

Межгосударственное объединение БРИКС, вопреки ожиданиям скептиков, набирает силу и становится все более весомым фактором международной жизни. В чем же секрет успеха БРИКС? В каком направлении он должен (и может ли) эволюционировать? Что толкает страны, относящиеся к разным континентам, к сближению? Носит ли эта группировка временный и конъюнктурный характер — или это новый активный игрок, способный предложить новые решения глобальных проблем?

Не погубят ли его противоречия между странами-«цивилизациями» и разнородность? Может ли объединение выработать долгосрочную стратегию собственного развития? И какую программу оно может предложить остальному миру?

Пока в БРИКС преобладают центристские тенденции. Поле совпадения интересов пяти стран шире, чем расхождения. На это работают такие факторы, как сопоставимый их «вес» в мировой политике и экономике и технологический уровень; представленность всех типовых представлений о мире, глобальных проблемах и путях их решения; значимая роль государства в экономике; стремление к изменению существующих порядков, примату международного права. БРИКС — по сути, первый межцивилизационный проект выработки норм глобального общежития.

Именно поэтому эта группа стран — на переднем крае начавшегося «пердела мира». Надо прямо сказать, что глобальные механизмы управления, созданные по итогам II мировой войны, в том числе

*Фото: REUTERS/Victor Ruiz.
Встреча лидеров БРИКС на Саммите G20
в Лос-Кабосе*

ООН, продолжают утрачивать свою эффективность. США, и особенно Еврозона, стали эпицентром кризисных явлений. Господству «атлантизма» все более серьезный вызов бросают новые силы в АТР. Уже достаточно давно звучит тезис о смене процесса «вестернизации» на процесс «истернизации». Однако перспективы именно такого развития события пока неясны, поскольку слишком много факторов противодействия этому процессу — начиная от технологической и социальной отсталости стран «Востока» и заканчивая сознательным противодействием Запада.

Однако ясно, что формируется полицентричная структура международных отношений, несмотря на попытки США и сил, привыкших к господству в мире, переломить эту тенденцию (свежий пример — события в Сирии). Глобальная экономическая модель, основанная на доминировании финансового капитала и рыночном фундаментализме, изживает себя. Историк из Йеля Пол Кеннеди убежден, что мы либо сейчас переходим,

или уже перешли «исторический водораздел», который выведет нас далеко за пределы однополярного мира «единственной сверхдержавы» времен холодной войны. Для этого, утверждает Кеннеди, есть четыре основные причины: медленное разрушение доллара США (ранее 85% мировых запасов, в настоящее время менее 60%), «паралич Европейского проекта», возрождение Азии (конец 500-летней западной гегемонии) и несостоятельность ООН¹.

В последние годы распространились мнения о том, что меняются представления о «полюсе силы» в многополярном мире — он может представлять собой группировку стран. Сможет ли и захочет ли БРИКС претендовать на роль лидера «истернизации» человечества и как относиться к такой перспективе?

Страны БРИКС уже заявили о себе не только как полюсы роста мировой экономики, но и как новые центры геополитического влияния. Сегодня они становятся союзом за реформирование механизмов глобального управления.

В рамках G-20 (своего рода «мирового правительства») сформировался блок этих стран, выступающий с консолидированных позиций. Со временем на повестку дня БРИКС, помимо экономики и экологии, неизбежно должны быть вынесены вопросы безопасности и международной стабильности.

Сегодня БРИКС — проект элитарный, основанный на политической воле, так как для всех членов этого «неформального клуба» основным источником технологий и инвестиций, а также рынком сбыта являются страны Запада, экономические связи между странами БРИКС (за исключением Китая) минимальны. Страны БРИКС очень разные с точки зрения политической системы, моделей экономического развития и цивилизованной принадлежности, причем Россия в этом контексте все-таки ближе к Западу, чем к партнерам по БРИКС.

В БРИКС звучат заклинания о том, что главный фактор сближения — экономика, хотя БРИКС — это небогатые страны с массой внутренних проблем. ВВП на душу населения в разы меньше, чем в развитых странах (США — 43 тыс. долл., Россия — 12 тыс., Бразилия — 11 тыс., ЮАР — 5 тыс., Китай — 4,5 тыс., Индия — 3,3 тыс. долл. в 2010 г.). Их доля в мировом ВВП около 15%, тогда как США 25%. Некоторые уточненные прогнозы говорят, что в 2015 г. три эти доли сравняются, а к 2040–2050 гг. ВВП стран БРИКС будет больше, чем стран «семерки».

Объективными сдерживающими факторами являются рыхлость БРИКС, (совокупность не слишком развитых проблемных стран, отличающихся политическими системами, моделями экономического развития, цивилизационной принадлежностью), политические и экономические противоречия между его членами (одни — производители сырья, другие — потребители), при том, что каждая из стран отдает приоритет собственному экономическому развитию, а не глобальной стабильности, а связи с Западом важнее связей друг с другом.

Вместе с тем исследования по 42 основным экономическим и технологическим показателям на середину 2000-х гг. показывает, что сходства между странами больше, чем различий. Средний показатель для инновационного сегмента в 2007 г. составил: Россия — 6,88 (из 10 возможных: США — 9,47), Бразилия — 6,19, Китай — 5,44, Индия — 4,15.

У стран БРИКС есть совместные глобальные интересы и точки соприкосновения — и в первую очередь это стремление к реформированию международной финансово-экономической архитектуры. Благодаря согласованному подходу стран БРИК в сентябре 2009 г. на саммите «двадцатки» в Питтсбурге удалось провести решение о перераспределении 5% голосов в МВФ и 3% голосов во Всемирном банке в пользу новых и развивающихся

экономик. Четыре страны — КНР, Россия, Бразилия и Индия — вошли в десятку крупнейших акционеров МВФ.

Страны БРИКС ориентируются на инновационную модель модернизации, которая предполагает обеспечение устойчивого развития за счет прогресса в высокотехнологичных отраслях промышленности. Формат БРИКС дает странам «пятерки» опираться на взаимодополняющие возможности друг друга. Россия в качестве приоритетных выделяет такие области, как энергетика, авиационное, мирное освоение космоса, здравоохранение, сельское хозяйство.

Сравнительные преимущества стран БРИКС в глобальной экономике, находящейся под доминированием Запада, включают растущий потребительский рынок, многочисленные трудовые ресурсы и рост их качества, крупные объемы накопленного капитала (до 70% мировых резервов).

В истории международных отношений был прецедент объединения развивающихся стран «третьего мира» в Движение неприсоединения, которое выдвинуло идею сотрудничества по линии «Юг — Юг», направленного на развитие взаимопомощи и обмена технологиями между развивающимися странами.

После окончания холодной войны Движение неприсоединения фактически оказалось в коме, сказалась зависимость его участников от более богатых и могущественных стран. Однако идея альтернативного пути развития, которую пытались реализовать страны движения, приобрела новый импульс в связи с тем, что у однополярной системы, установившейся после завершения блокового противостояния, нашлись противники.

Надо ли стремиться к тому, чтобы БРИКС занял политическую нишу, которая освободилась после фактического распада Движения неприсоединения? Можно ли сказать, что БРИКС — это вызов Западу в постбиполярном мире? Ведь дискуссии о новой «трехполярной» си-

стеме международных отношений, где Азия будет играть важную роль, ведутся.

Надо понимать генезис БРИКС как группировки. Предтечей БРИКС фактически была стратегическая «ось» Россия-Китай, позднее формат РИК. Китай и Россия пока остаются главными движущими силами БРИКС. Индия сейчас в БРИКС занимает достаточно сдержанную позицию, в том числе из-за противоречий с Китаем, хотя положение меняется, о чем свидетельствует инициативная позиция Дели в создании Банка развития БРИКС. Бразилия и ЮАР пока находятся в положении ведомого, видят в БРИКС главным образом инструмент для получения поддержки собственной финансово-экономической политики. Некоторые видят в БРИКС группировку стран Юга, которая призвана противостоять Северу. Но БРИКС может достичь целей развития только в сотрудничестве, а не в конфронтации с Западом. Миссия России — поиск общего знаменателя, выдвижение модернизационной повестки и организационное укрепление союза.

БРИКС — инкубатор новой глобальной экономической стратегии

На что же может быть направлена скоординированная долгосрочная стратегия БРИКС? Возможно, идеология устойчивого развития, официально принятая через механизмы ООН всем мировым сообществом, может стать такой «путеводной звездой» реформ. Эта концепция предполагает революционные изменения в жизни общества. Фактически устойчивое развитие — это новая страница в истории человечества, столь же значимая по своим особенностям, как общественные формации: ведь речь идет о новых закономерностях производства, потребления, социальных отношений и образа жизни.

В новой редакции Концепции внешней политики РФ указано: «Все больший вес приобретают вопросы обеспечения устойчивого развития, духовного и

интеллектуального развития населения, роста его благосостояния, повышения уровня инвестиций в человека»². Однако переходу к новой парадигме развития противится сам стержень западной цивилизации. Ведь она основана на безудержном росте производства, искусственном поощрении потребления. Сформировалась неестественная модель потребления, вовсе не соответствующая задачам удовлетворения реальных потребностей человека. Многие из потребностей просто выдумываются маркетологами. Продуктам искусственно задается (модой, рекламой, а то и технологическими решениями) «срок жизни» для того, чтобы как можно быстрее заставить потребителя приобретать новый. Невозобновляемые ресурсы, по сути, все с возрастающей скоростью перерабатываются в отходы, которые загрязняют планету и скоро сделают ее непригодной для проживания. Да и возобновляемые ресурсы сегодня можно назвать таковыми с большой натяжкой — вода, воздух, растительность отравляются современным образом жизни настолько, что скоро будут (а кое-где и уже) в дефиците.

Характерное для нынешней экономической науки возведение во главу угла темпов роста, количественных показателей, а не качества жизни, обожествление Цифры (роста, ВВП, показателей производства, валютных резервов и т.п.) обуславливают узость зрения, невозможность осознать и проанализировать ключевые вызовы, стоящие перед человечеством. Развитие — это не арифметика. В апреле 2011 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что «глобальный финансово-экономический кризис убедительно продемонстрировал невозможность выхода на путь устойчивого развития при опоре на идеи либерально-го капитализма»³.

Ясно, что устойчивое развитие в рамках воспроизведения в развивающихся странах экономической модели западного типа попросту невозможно: пары ав-

томобилей в каждой китайской или индийской семье, проживающей в большом доме, напичканном техникой по американскому образцу, планета Земля просто не выдержит. Преодоление пропасти между бедными и богатыми странами и регионами простой экстраполяцией западной модели на остальную часть мира не добиться. Да и продолжение ее применения в развитых странах имеет свои границы. Чрезмерный консюмеризм, хищническая эксплуатация ресурсов заводят человечество в тупик.

Рецепты, выработанные до сих пор международными организациями и форумами по тематике устойчивого развития, мало того что не выполняются, но и сами по себе обладают родовыми изъянами — прежде всего потому, что подгоняются под эгоистические интересы западных стран. Тот же (довольно умеренно ограничивающий выбросы углекислого газа) Киотский протокол не подписали ключевые эмитенты, включая США, которые дают 41% глобальных эмиссий. Сложившиеся в рамках международного дискурса понятийный аппарат и основные постулаты теории устойчивого развития, по сути, закрепляют привилегированное положение развитых стран, консервируют технологический разрыв, отказывая другим в достижении сопоставимых стандартов образа жизни.

Историческая миссия БРИКС как новой общности стран и цивилизаций — не противостоять Западу в рамках сложившейся системы, а предложить новую, отвечающую потребностям устойчивого развития парадигму. Эта концепция должна преодолеть нынешние противоречия исторически сложившейся модели, обеспечить справедливое распределение материальных благ между классами и территориями на основе параметров устойчивого развития. То есть принимать во внимание экологические и демографические лимиты, очередность решения социальных задач, необходимость пре-

дотворачивания конфликтов на экономической почве.

Возможно ли это? Идеи подобного рода давно и оживленно обсуждаются, но обычно «гасятся» или дискредитируются западным научным истеблишментом, по понятным причинам незаинтересованным в дискуссии на этот счет. Так не создать ли инфраструктуру такой дискуссии в рамках БРИКС? В качестве ядра — своего рода «клуб мудрецов» — порядка сотни мыслителей (самого крупного калибра) из стран БРИКС для обсуждения, как ни высокопарно это звучит, будущего человечества.

БРИКС сможет выполнить миссию «спасителя человечества» только при условии наличия единого видения и крепкой политической воли. Не надо рассчитывать, что нынешняя система глобального управления добровольно сдаст свои позиции, а новые идеи везде будут встречены аплодисментами, особенно в западных столицах и штаб-квартирах транснациональных корпораций.

Роль и задачи России в процессах становления и развития БРИКС

Исторически, культурно и цивилизационно Россия в большей степени принадлежит Европе, нежели Азии, и является скорее геополитическим Севером, а не Югом. Именно эти обстоятельства объясняют долгое отсутствие стремления РФ к реальной диверсификации внешней политики и к восприятию развивающихся стран глобального «Востока» и «Юга» в качестве преференциальных партнеров. Лишь в период ухудшения отношений с Западом возникали новации на этот счет, например, такие, как идея Е.М. Примакова о «стратегическом треугольнике» (Россия, Индия, Китай — РИК), которая позднее была дополнена «стратегическим партнерством» с Бразилией.

В июне 2000 г. была принята новая Концепция внешней политики Рос-

сии, в рамках которой отмечалось, что РФ будет «добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов». Там же декларировался приоритетный характер международного права и «демократизации международных отношений»⁴.

В редакции Концепции внешней политики 2008 г. была подчеркнута важность укрепления экономического потенциала «новых центров глобального роста, связанное в том числе с более равномерным распределением ресурсов развития». В Концепции 2008 г. дальнейшее развитие получило понимание того, что «традиционные громоздкие военно-политические союзы уже не могут обеспечить противодействия всему спектру современных вызовов и угроз, являющихся трансграничными по своему характеру». Взамен предлагался акцент на «сетевую дипломатию» и гибкие формы многосторонности. Качественно новым стало положение о том, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики».

Там же была констатирована «перспектива утраты историческим Западом своей монополии на глобализационные процессы» и «инерция политико-психологической установки на «сдерживание» России». Было заявлено, что «стратегия односторонних действий дестабилизирует международную обстановку, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь, создает угрозу безопасности других государств, ведет к росту напряженности в межкультурных отношениях». Обязательным атрибутом официальной

позиции России, как и ранее, была признана приверженность центральной роли ООН и международного права в мировой политике⁵.

По мере укрепления БРИКС формат начал получать растущее признание на уровне российских политических элит. Еще в 2006 г. президент В.В. Путин выступил с идеей более тесных связей в формате «четверки». Во время президентского срока Д.А. Медведева «клуб восходящих держав» получил путевку в жизнь на максимально высоком уровне: стартовали ежегодные встречи глав государств и правительств. В одной из статей В.В. Путина, опубликованных накануне президентских выборов 2012 г., было сказано, что Россия будет продолжать придавать «приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Эта уникальная структура, созданная в 2006 г., нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству⁶. Это положение было закреплено в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной распоряжением Президента РФ 9 февраля текущего года. Там подчеркивается, что БРИКС стало «одним из наиболее значимых геополитических событий с начала нового столетия», а также признано, что «данное объединение смогло за короткое время стать весомым фактором мировой политики»⁷.

Новое значимое положение БРИКС в системе внешнеполитических приоритетов России было закреплено в редакции Концепции внешней политики от февраля 2013 г. В ней указывается: «Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы... Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион...» В таких условиях, делается вывод в Кон-

цепции, развиваются процессы «децентрализации глобальной системы управления, укрепляется ее региональный уровень как основа — наряду с ООН — полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность. Новые центры экономического роста и политического влияния все чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Сетевые форматы и объединения, торговые пакты и иные экономические договоренности, усиление роли региональных резервных валют являются факторами укрепления безопасности и финансово-экономической стабильности... Все эти процессы имеют самое непосредственное отношение к деятельности БРИКС: «Россия придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. В этих целях Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как «Группа двадцати», БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), «Группа восьми», ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), РИК (Россия, Индия и Китай), а также с использованием других структур и диалоговых площадок»⁸.

Через участие в БРИКС Россия намерена:

- способствовать приданию международной валютно-финансовой системе более справедливого, стабильного и эффективного характера;
- обеспечивать мир и безопасность на основе уважения суверенитета и территориальной целостности других государств, невмешательства в их внутренние дела;
- укреплять многовекторный характер своей внешней политики;

- развивать привилегированные двусторонние отношения с партнерами по объединению;

- расширять свое языковое, культурное и информационное присутствие.

Данный механизм международно-го взаимодействия действительно может восприниматься в качестве новой модели глобальных отношений поверх тех старых барьеров, которые разделяют Восток и Запад, Север и Юг. БРИКС постепенно может трансформироваться в «многостороннее стратегическое партнерство по самому широкому спектру мировых экономических и политических вопросов».

Для России участие в БРИКС — это шанс занять достойное место в системе глобального управления и использовать этот фактор для собственной модернизации. БРИКС может стать для России геополитической альтернативой XXI в. (в противовес нисходящей тенденции конца XX в.). Россия может играть роль «моста» или посредника между «Севером и «Югом»: избежав ухудшения отношений с Западом, укрепить свои позиции во взаимодействии с ним.

Актуальные задачи российской политики (в том числе с учетом планов проведения в России саммита БРИКС в 2015 г.):

- укрепление взаимодействия «пятерки» в рамках G-20;

- совместная выработка и координация курса в реформировании глобальной финансово-экономической архитектуры;

- координация позиций по крупным вопросам в ООН и других международных организациях (особенно МВФ);

- наращивание связей внутри БРИКС, особенно в научно-технической области;

- приоритет этих стран во внешнеэкономической деятельности;

- продвижение идеи создания сети взаимодействующих региональных интеграционных объединений (в которых эти

страны выступают в роли лидеров) на четырех континентах;

- выдвижение инициатив для институализации БРИКС (секретариат, сеть межгосударственного и экспертного взаимодействия).

Долгосрочное видение

Каковы могут быть средне- и долгосрочные перспективы развития БРИКС?

Магистральное направление БРИКС на ближайшие три-четыре года — всемерное совершенствование взаимодействия нынешних участников объединения и укрепление его позиций на международной арене.

Перспективной целью государств-участников БРИКС, видимо, следует считать постепенную трансформацию объединения из неформального диалогового форума и инструмента координации позиций по ограниченному кругу проблем в полноформатный механизм стратегического и текущего взаимодействия по ключевым вопросам мировой политики и экономики.

При этом важно избежать искусственного форсирования процессов расширения и институализации, что обусловливается как национальными интересами нынешних государств — участников данного формата, так и интересами формирования надежных основ функционирования самого объединения. Новаторский характер БРИКС, заключающийся в «соединении различий», способен — при его последовательном воплощении в практическую деятельность объединения — изменить те парадигмы восприятия международной реальности, которые традиционно акцентируют межгосударственные разногласия и конфликты, содействовать гармонизации международных отношений.

Актуально формирование в БРИКС системы неформальных механизмов политического и рабочего уровня, призванных усиливать координацию на всех направлениях деятельности, обе-

спечивать преемственность работы при ротации председателей. Надо инициировать диалог о путях, темпах и конкретных формах возможной институализации БРИКС, включая вопрос о создании сначала виртуального, а затем и полноформатного секретариата. Важно развитие внешних связей БРИКС с акцентом на установление диалога с ведущими международными и региональными организациями, крупнейшими «новыми экономиками» и развивающимися странами, а также определения приоритетов по основным сферам взаимодействия.

На нынешнем этапе усилия стран БРИКС направлены на придание международной валютно-финансовой системе более справедливого, стабильного и эффективного характера в целях оптимизации условий для преодоления глобального кризиса, а также развития экономики и финансовых систем государств-участников.

В области реформирования международной валютно-финансовой системы актуальными задачами представляются создание более представительной, стабильной и предсказуемой системы международных резервных валют, а также содействие завершению нынешнего этапа реформы Международного валютного фонда в сроки и на условиях, которые были согласованы в рамках «двадцатки» и самого Фонда.

Важная инициатива — создание Банка развития БРИКС. Эта структура может стать своего рода аналитическим центром (по аналогии с инвестиционными банками), вырабатывающим рекомендации по ключевым вопросам развития экономик государств-участников с целью определения наиболее выигрышных областей поддержки. Ясно, что такая работа должна предшествовать реальным инвестициям, которые смогут играть серьезную роль в решении общих проблем и способствовать интеграции национальных хозяйств.

По мере углубления взаимодействия в БРИКС растет и его политическая составляющая. Для всех стран-участниц характерна приверженность построению полицентричной и мультицивилизационной международной системы, учитывающей интересы всех участников международного общения. Они рассматривают БРИКС в качестве значимого инструмента создания такой системы и декларируют решимость содействовать укреплению международного мира и безопасности на основе уважения принципов суверенитета и территориальной целостности других государств, невмешательства в их внутренние дела. Важным для решения задач БРИКС является развитие отношений стратегического партнерства государств-участников, позволяющего полнее задействовать их взаимодополняющие преимущества и возможности сотрудничества в различных сферах.

Во внешнеполитической сфере наиболее актуально активное взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций, сотрудничество в деле ее адаптации к современным международным реалиям. Кроме того, надо стремиться к продвижению диалога и согласованию позиций по вопросам стратегической стабильности, международной и региональной безопасности, нераспространения ОМУ, урегулирования региональных конфликтов и поддержания региональной стабильности.

Сотрудничество внутри самого объединения сейчас развивается по почти двум десяткам «треков» и охватывает почти все сферы экономической и социальной активности.

В торгово-экономической сфере следует стремиться к созданию более благоприятных условий для развития взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества, в том числе на многосторонней основе, с целью модернизации и диверсификации экспортных товаропотоков в интересах повышения

доли экспорта товара с добавленной стоимостью. Важно развивать сотрудничество в рамках международных организаций для совместного продвижения общих интересов в сфере международной торговли. В перспективе следует стремиться к созданию зон свободной торговли и торговых альянсов в рамках БРИКС, а также с внешними партнерами, содействовать формированию региональных интеграционных группировок вокруг стран БРИКС. Начато формирование национальных деловых советов БРИКС и Делового совета государств — участников БРИКС.

Важным представляется создание независимых рейтинговых агентств государств БРИКС, призванных способствовать более объективной оценке рыночного положения национальных компаний и банков. На перспективу можно задуматься о подготовке дорожной карты инвестиционного сотрудничества в рамках БРИКС, рассмотреть вопрос о заключении многостороннего соглашения о поощрении и защите инвестиций.

С формированием БРИКС у входящих в него государств появилась возможность развивать взаимное сотрудничество в сферах природопользования, освоения минеральных ресурсов, промышленности, науки, техники и инноваций, в том числе в ядерной энергетике и в освоении космоса. В связи с этим стоит задуматься о разработке совместных долгосрочных проблемно-ориентированных программ сотрудничества. Перспективным представляется взаимодействие в области обеспечения информационной безопасности.

В рамках экологического сотрудничества — одного из центральных элементов проблематики в БРИКС — важно способствовать обмену опытом в области зеленых технологий, взаимодействовать по проблематике изменения климата, «зеленого роста», добиваться обеспечения на основе сотрудничества продовольствен-

ной безопасности государств-участников БРИКС, а также международной продовольственной безопасности. Весьма перспективно сотрудничество в области здравоохранения, борьбы с чрезвычайными ситуациями.

Поскольку страны БРИКС представляют разные цивилизационные платформы, нельзя не учитывать насущную нужду расширения обменов в сферах культуры, образования, спорта, молодежных и региональных обменов, а также контактов по линии неправительственных организаций. Сотрудничество в рамках БРИКС сможет способствовать гуманизации международного общения на основе проведения скоординированной информационной политики, возвышающей духовные запросы человека и ценности «высокой» культуры. Можно задуматься о создании «этического кодекса БРИКС», акцентирующего ценности межцивилизационного взаимодействия, основанные на уважении к культурам, религиям и принципам государственного устройства всех стран и народов.

В практическом плане можно сконцентрировать усилия на формировании правовой и организационной базы многостороннего сотрудничества в сфере культуры, практике проведения многосторонних культурных мероприятий, приуроченных к саммитам БРИКС и другим крупным событиям в жизни объединения. Особенно перспективно сотрудничество в области образования, расширение научных, преподавательских и студенческих обменов с высшими учебными заведениями друг друга. Важно поощрять изучение государственных языков друг друга по линии вузов, национальных культурных центров государств — участников БРИКС, других общественных организаций. Позитивный эффект имело бы сотрудничество в сфере спорта и туризма, проведение совместных спортивных мероприятий (игры БРИКС).

В целях вовлечения в процессы становления и развития БРИКС ши-

роких масс новаторскую роль может сыграть сотрудничество по линии институтов гражданского общества, организация многосторонних мероприятий по линии молодежных организаций государств-участников БРИКС, включая «форум молодых лидеров». В перспективе многообещающим было бы

создание общего информационного пространства государств-участников. Полезны были бы контакты по линии традиционных религий, содействие развитию межконфессиональных общественных объединений, паломничества, религиозных образовательных учреждений.

Список литературы

1. Эскобар П. ТОП Неолиберальные драконы, Евразийские эротические сны и фантазии Робокора. 15.05.2012. URL: <http://www.imperiya.by/economics2-12975.html>
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F
3. Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова на приеме по случаю Православной Пасхи (Москва, 28 апреля 2011 г.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/E705981B-5C02505BC325788000585CF7
4. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000 г. URL: <http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3>
5. Концепция внешней политики Российской Федерации. 15.07.2008. URL: <http://kremlin.ru/acts/785>
6. Путин В. Россия и меняющийся мир. 27.02.2012. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>
7. Толорая Г. БРИКС: попытка согласования долгосрочной стратегии. 07.03.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1506&active_id_11=38#top
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

- ¹ Эскобар П. ТОП Неолиберальные драконы, Евразийские эротические сны и фантазии Робокора. 15.05.2012. URL: <http://www.imperiya.by/economics2-12975.html> [Escobar P. TOP Neoliberal'nye drakony, Evrazijskie eroticheskie sny i fanrazii Robokopa. 15.05.2012. URL: <http://www.imperiya.by/economics2-12975.html>]
- ² Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F [Contseptsya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F]
- ³ Стенограмма выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова на приеме по случаю Православной Пасхи (Москва, 28 апреля 2011 г.). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/E705981B-5C02505BC325788000585CF7 [Stenogramma vystuplenija Ministra inostrannykh del' Rossii S.V. Lavrova na prieme po sluchaju Pravoslavnoj Paskhi, Moskva, 28 aprelya 2011 goda. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/E705981B-5C02505BC325788000585CF7]
- ⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000 г. URL: <http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3>. [Contseptsya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. 2000 g. URL: <http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3>]
- ⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. 15.07.2008. URL: <http://kremlin.ru/acts/785>. [Contseptsya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. 15.07.2008. URL: <http://kremlin.ru/acts/785>]
- ⁶ Путин В. Россия и меняющийся мир. 27.02.2012. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> [Putin V. Rossiya i menyayuschijya mir. 27.02.2012. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>]
- ⁷ Толорая Г. БРИКС: попытка согласования долгосрочной стратегии. 07.03.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1506&active_id_11=38#top. [Toloraya G. BRICS: popytka soglasovaniya dolgosrochnoj strategii. 07.03.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1506&active_id_11=38#top]
- ⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F [Contseptsya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. 18.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslne/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F]

ДИАЛОГОВЫЙ ФОРМАТ БРИКС И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

А.В. Виноградов

У БРИКС очень короткая история, объединение еще ищет свое место в мире, не только в системе международных отношений, но и в социальной, экономической и политической истории. Появление БРИКС было вызвано глубокими изменениями в международной обстановке, но перспективы его развития в значительной степени зависят от его природы. Понять природу и определить миссию БРИКС — главная задача, которая стоит перед экспертным сообществом и политиками наших стран.

Очевидно, что, в отличие от другого диалогового формата — G7, страны БРИКС представляют не только разные социально-экономические модели, но и разные цивилизации. Именно цивилизации являются основными субъектами исторического развития, потому что они существуют дольше других социальных субъектов, а их влияние на мировой исторический процесс неизмеримо больше. Они также обладают самой высокой в истории мерой идентичности. На протяжении тысячелетий цивилизации имели локальный статус, развивались большей частью изолированно, внося свой, индивидуальный вклад в общую историю человечества. Глобализация привела их в соприкосновение и наделила новыми функциями, превратив их еще и в главных субъектов международных отношений. Неравномерность развития, которая раньше была скрыта их изолированным положением, стала фундаментом их взаимоотношений и позволила одних относить к мировому центру, в котором была сосредоточена вся значимая для мира история, а других к периферии, которая была предназначена только для того, чтобы воспринимать импульсы

транслируемые мировым центром. В такой конфигурации отношений неравномерность стала основанием для неравноправности, удовлетворив естественное желание более сильных управлять и эксплуатировать более слабых. Длительное время протест периферии не имел необходимых инструментов и форм для убедительного ответа. Но постепенно их усилия стали менять ситуацию. И тогда на развитой стадии глобализации стал виден недостаток и слабость механизмов регулирования отношений между ними. Восполнение их дефицита и разработка принципов межцивилизационного взаимодействия превратились в одну из центральных задач современности.

До сих пор в основе международных отношений лежат принципы отношений между европейскими государствами, которые распространились на остальной мир только благодаря материально-техническому превосходству Запада. Но модель отношений внутри одной цивилизации неизбежно имеет ограничения. Более того, она не является единственно возможной. На другом конце Земли, в Восточной Азии, в конфуцианском культурном ареале существовала своя система международных отношений, вполне удовлетворительно решавшая стоявшие перед ней аналогичные задачи, но которая так и не вышла за рамки региона и осталась достоянием истории. Сейчас, когда социально-экономические модели за пределами Евро-Атлантики доказали свою эффективность, а действующая Вестфальская система международных отношений переживает глубокий кризис даже в Европе, созрели предпосылки для формирования новой системы международных отношений. В ее основе будут

лежать отношения между гораздо более сложными и комплексными субъектами — цивилизациями. Создание БРИКС отразило эти две тенденции — увеличение роли новых субъектов в мировых делах и кризис системы международных отношений — и, безусловно, стало значительным шагом в направлении формирования новых принципов мирового порядка.

В чем отличие межцивилизационных отношений от межгосударственных? Прежде всего, в масштабе социально-экономической, исторической и культурной идентичности участников. У цивилизаций значительно больше мера ответственности в регионе, мире и перед историей, чем у других социальных субъектов, в том числе государств. Именно они обеспечивают непрерывность истории человечества и задают основные направления его развития, определяя пространство его возможной эволюции. Отношения между ними должны учитывать этот особый статус, при котором ни одна часть суверенитета не передается и не может быть передана другой цивилизации, за исключением жизненно важных для всего человечества ситуаций, потому что историческая ответственность цивилизации значительно выше политической ответственности, свойственной государствам. Это совмещение исторического и политического статуса предполагает очень высокую степень свободы и независимости, но и высочайшую степень ответственности.

Характерной чертой действующей системы международных отношений является добровольное ограничение суверенитета в разных формах через принятие международных обязательств, что закрепляется международными договорами и предусматривает равную или пропорциональную ответственность. В сложившейся первоначально в Европе Вестфальской системе оно было подчинено высокой цели — целостности и благополучию европейской цивилизации.

Но в современном мире существует и несколько форм ограничения обязательств во имя неделимости суверенитета. Например, статус постоянных членов СБ ООН, отвечающих за глобальную безопасность, или статус макроэкономических субъектов-членов G7, жизненно важных для функционирования всей мировой экономики. Членство в G7 гарантировало принадлежность к «золотому миллиарду», поэтому G7 обладала еще и статусом международного политического центра, определявшего внешнеполитическую повестку дня во имя сохранения статус-кво и обеспечивавшего высшую меру субъектности в вертикально интегрированном, иерархическом мире. Образование G20 признало за развивающимися странами и рынками жизненно важную для стабильного развития мира роль и, одновременно, создало предпосылки для формирования новых центров силы и соперничества за лидерство с G7. Однако наличие таких параллельных структур глобального управления и отсутствие единых стандартов и норм отношений имеет серьезный потенциал нестабильности и подрывает взаимное доверие.

Характерной чертой G7 является общая природа и система ценностей — либеральная экономика и демократия. В пространстве общих ценностей решающую роль играет физический размер, поэтому в G7 входили наиболее крупные экономики Запада. Общая природа G7 не только допускала, но и предполагала существование лидера. США, как самая мощная в военном, экономическом и политическом отношении держава, обоснованно претендовали на эту роль, потому что были лучшим, наиболее эффективным инструментом достижения общих целей. Общая природа предполагала также консолидацию перед лицом остального мира, что и привело на определенном этапе к включению в G7 посткоммунистической России, длительное время выступавшей самым принципи-

альным оппонентом «семерки» в мировой политике. Но даже эта гораздо более сложная модель оказалась не в состоянии решить возникшие в глобальном масштабе проблемы. Не случайно, что именно Россия стала инициатором новой диалоговой альтернативы, потому что по своему историческому опыту в XX в. понимала (вне зависимости от предпочтений ее политического класса) принципиальную возможность существования иного миропорядка.

Диалоговые форматы, таким образом, возникают в ситуации неопределенности, когда передача суверенитета неприемлема, а ответственность сторон еще не определена или неопределима в принципе. С точки зрения классической системы международных отношений такой формат свидетельствует о незрелости международной системы. Однако процесс появления новых субъектов и подобного рода объединений продолжается, а их роль в мире возрастает, что характеризует пограничное состояние мировой системы и востребованность архитектуры свободных форм с сочетанием жесткого суверенитета и индивидуальной ответственности, свойственных цивилизациям, с коллективными обязательствами, свойственными государствам одной цивилизации.

Растущая угроза утраты Евро-Атлантикой своего главного преимущества — экономического превосходства и лидерства в результате мирового кризиса открыла перспективы перед другими тенденциями. Ослабление недавнего мирового центра неизбежно ведет к реконфигурации мирового пространства и изменению мирового порядка. Появление БРИКС нашло этим мировым тенденциям позитивное продолжение, переместив глобальную инициативу на недавнюю периферию. И одновременно усилило опасения экспертов и политиков на Западе, что крупные развивающиеся экономики займут их место.

Перед развитыми странами Севера во главе с США остро встала задача сохранить нынешнее привилегированное положение, оттянуть его утрату или максимально сократить свои потери. Главный вызов этим планам они видят в росте Китая, который может, заняв место США в мировой экономике, воссоздать вокруг себя аналогичные структуры, построить еще одно иерархическое пространство в мировом масштабе. В таком контексте БРИКС воспринимается ими как инструмент конструирования нового мирового центра во главе с Китаем, возвышения Китая, утверждения китайского мирового порядка и не имеет самостоятельного значения. Другая точка зрения состоит в том, что в силу неразрешимых внутренних противоречий экономического порядка это объединение не имеет будущего. Одна из целей БРИКС — доказать, что это не так, и формат БРИКС способен взять ответственность на себя и предложить не только политическую альтернативу, но и историческую инициативу.

БРИКС не может превратиться в аналог G7 и создать однополярную или воссоздать биполярную структуру мира.

Во-первых, повторение диалогового формата «семерки», в котором ведущую роль играли США и вокруг которых консолидировались остальные члены G7, невозможно. Слишком велики отличия между странами БРИКС, слабы их экономические связи друг с другом по сравнению с их связями с ЕС и США, есть обширные зоны соперничества за ресурсы и рынки. Различий между странами БРИКС значительно больше, чем между странами G7.

Во-вторых, несмотря на масштабы экономик и их динамику, которые и легли первоначально в основу выделения этой группы, их социально-экономическая природа не едина. Разнообразие стран БРИКС, как фундамент многополюсного мира, сделало критерием участия в объединении не физический

размер, а качество и меру идентичности, что и подтвердило присоединение к объединению ЮАР. Общие ценности есть, конечно, и у стран БРИКС, но они качественно иного, по-настоящему исторического порядка: свобода в выборе путей развития, суверенность исторических традиций и культурное многообразие. Не случайно они впервые были зафиксированы на конференции афро-азиатских стран в Бандунге 1955 г. Количественные показатели — экономическая мощь и военная сила, измеряющие единообразие, неприменимы для их измерения и описания. Как диалоговый формат высшего уровня субъектности БРИКС представляет модель, приемлемую для всего мира, как развивающихся, так и развитых стран.

В-третьих, природа БРИКС зависит не только от состава участников, но и предполагает другую внутреннюю структуру объединения. В БРИКС нет и не может быть лидера. Претендовать на лидерство в БРИКС кроме промышленного гиганта Китая может, например, и Россия, которая, потеряв статус сверхдержавы и одновременно носителя влиятельного социально-исторического проекта, тем не менее, выступила с инициативой по созданию БРИКС. Она связала старый и новый мир и внесла в объединение мирополитическую субъектность и значимость. Без России БРИКС был бы еще одним объединением развивающихся стран Юга, регионального, а не глобального уровня. Только благодаря России БРИКС вышел на глобальную арену. К тому же каждая страна-участница представляет интересы большого геополитического региона и является его лидером.

В-четвертых, если многообразие — количественный показатель развития, то прежнее понятие лидерства уходит или, как минимум, приобретает другой смысл — привлекательность индивидуального интеллектуального проекта. Современный Китай, как и Россия в начале XX в., не достиг уровня развитых стран,

что не помешало ему предложить историческую альтернативу. Передача эстафеты мировой альтернативы Западу от России к Китаю означает, что БРИКС принципиально не иерархичен. В этом логика истории — по своей природе историческая инициатива не возникает на высшей стадии развития, она возникает на более низких стадиях, и только последующее успешное развитие выводит ее на вершину. Очевидный потенциал исторической инициативы в экономическом развитии и международном разделении труда, в частности, IT-секторе, есть у Индии и Бразилии. Демократические проекты и общественно-политическая организация Индии, Бразилии и ЮАР также имеют важное самостоятельное историческое значение.

В-пятых, БРИКС зафиксировал мировую тенденцию — перемещение экономического и политического центра мира из Евро-Атлантики в другие регионы, но не монополизировал ее. Вплотную к странам БРИКС приближаются другие страны и регионы. Важно понимать, что задача утвердиться в качестве ведущих экономических держав продиктована не природой БРИКС, а предшествующим развитием мира, поскольку, только заняв ведущие экономические позиции, можно подготовить условия и пространство для собственной инициативы. Историческая ответственность БРИКС заключается не столько в экономическом росте, сколько в выходе из цикла экономического доминирования, в предложении новых гуманитарных идей развития, учитывающих и интересы мирового Юга, который не исчез с появлением БРИКС.

В-шестых, отношения со старым полюсом. Страны БРИКС не станут новым оппонентом Западу. Экономически они слишком взаимосвязаны, научно-технически слишком зависимы. БРИКС — это принципиальная альтернатива западному мироустройству, в котором найдется место и Западу. G7 хотела

создать мир по своему образу и подобию и поэтому явилась источником глобализации в том виде, который мы хорошо знаем — с сильным вестернизаторским акцентом. БРИКС хочет сохранить существующее многообразие, потому что единообразие не соответствует природе БРИКС.

В-седьмых, природа БРИКС отражает новое качество мира и не предполагает повторение пути, проложенного Западом. В биполярном мире было возможно только движение по прямой между полюсами, в однополярном мире такое же движение было возможно только в одном направлении, что и определило содержание начального этапа глобализации. Таким образом, и в биполярной, и в однополярной структуре отсутствовало пространство для самостоятельного развития и творчества. Социально-экономические и политические модели БРИКС — это не просто центры силы или экономического влияния, а разные исторические проекты, сила которых измеряется не сравнением в реальном времени, а возможностями отвечать на вызовы времени в длительной перспективе. В многополярности впервые после объединения мира в результате глобализации появляется общее пространство для исторического творчества. Только в этом пространстве многообразия могут родиться пять больших идей, точнее, следуя природе БРИКС, направлений или измерений развития.

БРИКС может предложить инициативу по созданию нового мира.

В каком направлении, исходя из природы, будет развиваться БРИКС? Ни один новый проект не имеет шансов на успех, если не способен решить задачи, которые другие исторические проекты смогли решить до него — преодолеть бедность и голод, обеспечить охрану здоровья населения. Поэтому, во-первых, одним из главных направлений развития будут инновации в сельском хозяйстве, производстве продовольствия, биотех-

нологиях и общедоступной медицине. Во-вторых, инновации в индустриальной экономике, в первую очередь, в производстве и потреблении энергии, не только потому, что это отражает интересы растущих экономик стран БРИКС, но и потому, что повторение западного пути остальным миром невозможно — планета не выдержит антропогенной нагрузки. С решением этой задачи тесно связана проблема защиты окружающей среды. В-третьих, создание новой, более справедливой и надежной финансовой системы, обеспечивающей стабильность экономическому развитию. Это задачи, которые достались от предыдущего этапа, но должны быть решены и, если посмотреть на итоговые документы саммитов БРИКС, уже решаются по-новому.

Перед миром стоят и новые задачи, в решении которых БРИКС может предложить инициативу. Вступление мира в информационную эпоху повысило роль знаний и человеческого капитала в развитии. Поэтому, в-четвертых, необходимо повышение качества, разработка новых стандартов образования — начального и высшего, гуманитарного и естественно-научного.

В-пятых, в ближайшее десятилетие на фоне трудностей экономического роста основной мировой тенденцией станут проблемы экономической справедливости и, как следствие, распределения. БРИКС может предложить новую концепцию справедливости во всех сферах деятельности: в валютно-финансовой, обеспечении природными ресурсами, торговле, политических отношениях, гуманитарных связях. Общение между цивилизациями — это, прежде всего, гуманитарное общение, отношения между народами, народная дипломатия. Решение проблем международных отношений с точки зрения интересов культуры требует новой межкультурной этики. Формирование ее принципов — важнейшая практическая задача стран БРИКС, которая будет решаться как на государ-

ственном уровне, так и на уровне общественных организаций и индивидов.

Оценивая перспективы БРИКС в 2020 г., Россия как участник склонна исходить из оптимистического прогноза, но может быть и пессимистический сценарий. Какие угрозы могут возникнуть для БРИКС в ближайшие десять лет? Одна из главных — выбор направления роста, который лежит между институализацией и расширением. Для БРИКС как межцивилизационного объединения важно сохранить диалоговый формат, минимально ограничивающий субъектность и идентичность во внутреннем развитии и гарантирующий многообразие при способности согласовывать интересы и действия на международной арене.

Для решения этой задачи БРИКС неизбежно будет эволюционировать из экономической статистической группы в международное политическое и цивилизационное объединение. Об этом убедительно свидетельствует и вся его история.

Экономический рост в начале XXI в. и заметно увеличившийся масштаб экономик во всех этих странах дал им повод открыто заявить о своих амбициях на международной арене. Их практической реализации в тот момент препятствовали психологические барьеры и неготовность взять на себя ответственность в конструировании новых международных структур. Потребность в их создании с участием стран БРИК в тот период планомерно реализовывалась на региональном уровне. Первоначально в фундаменте нового формата лежало сотрудничество ослабленной России и растущего, но все еще слабого Китая. Присоединение к ним Индии и создание формата РИК, а затем конституирование аналогичной структуры в составе Индии, Бразилии и Южной Африкой (ИБСА) стало первым шагом к созданию нового объединения. В осно-

ве обоих форматов лежали общие, но, по мировым меркам, узкие, преимущественно региональные, интересы.

Кризис 2008 г. кардинально изменил ситуацию. Признанные экономические лидеры и старые международные финансово-экономические институты продемонстрировали системные пороки. Их кризис, в представлении развивающегося мира, углубил кризис старого миропорядка, положенного крахом биполярности. Размеры экономик, динамика роста, а главное — успехи в преодолении мирового кризиса дали странам БРИК веские основания осознать себя в новом качестве и, как следствие, право на изменение несправедливого экономического порядка. Перспектива превращения в локомотив мировой экономики открыла перед ними возможность преобразовать свой экономический потенциал в политический вес.

До 2011 г. БРИК оставался объединением крупных держав, входящих в число 12 ведущих экономик мира. Присоединение к объединению ЮАР, явно не соответствующей этим высоким экономическим показателям, показало, что объединение постепенно эволюционирует в международно-политическом направлении, а в его основе лежат уже не только общие экономические интересы, но и другие, быть может, менее очевидные, но не менее значимые задачи. Подключение ЮАР в первом приближении завершило цивилизационную картину незападного мира и подтвердило на практике, что объединение из экономического превращается в геополитическое, глобальное по значению и межцивилизационное по смыслу. Речь, таким образом, может идти о расширении или даже смене повестки дня БРИКС, приобретающей глобальный проблемный характер.

РОССИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И США: МИРОПОРЯДОК, БРИКС, ИНТЕГРАЦИЯ В АТР

С.М. Труш

Нарастание взаимозависимости в конфигурации США — Китай — Россия, понимаемой как чуткое реагирование любой из сторон трехстороннего формата на процессы «в» двух других и «между» ними, в последние годы очевидно. С одной стороны, существует макроэкономическая и финансовая связка, переплетение отраслей, взаимообусловленность моделей развития Китая и США, а с другой — схожесть многих пространственных интересов Китая и России, диктующая высокую степень внешнеполитической координации между ними.

Менее ощутимы импульсы взаимного тяготения между США и Россией. При наличии «комплекса страха» перед системно чужеродной, политически проблемной и при этом ядерной Москвой, при наличии ситуативного желания США решать с ее помощью проблемы в горячих точках или ядерно-пороговых странах отсутствует пока развитая структура «позитивных» интересов США в отношении России. И наоборот: российской элите, если говорить о ее нынешних целях, Соединенные Штаты нужны лишь, помимо ядерных гарантий, для легитимации ее собственного статуса внутри страны и «порядка» на постсоветском пространстве. Как показала негативная динамика отношений между РФ и США после российских выборов 2011/2012 гг., при отсутствии такой легитимации возникают острые двусторонние проблемы.

Между тем давно назрела необходимость новой, позитивной повестки дня между Соединенными Штатами и Россией перед лицом нарушения мирово-

го порядка, диффузии политической и военной силы, нарастающей дестабилизации Центральной Азии и Большого Ближнего Востока, обострения ресурсного и продовольственного голода, проблем планетарной экологии. Именно новая повестка дня, а не «перезагрузка» старой способна придать этим отношениям устойчивость и перспективу.

Идея китайско-американской «большой двойки», при всей ее иллюзорности, была многозначной. Она появилась не только как креативный компонент внешнеполитической программы Б. Обамы, но и как очевидное проявление «ревности» Белого дома в связи с нарастанием российско-китайского «братства». Элементы этой ревности очевидны даже в деталях. В подходе Б. Обамы к Китаю присутствует явное стремление соперничать с Россией в мягкой силе на китайской площадке. Многие из озвученных при Б. Обаме инициатив в отношении КНР явно навеяны аналогами в китайско-российских отношениях (Годом России в Китае в 2006 г., Годом русского языка в Китае в 2009 г. и т.п.). В ходе первого государственного визита Б. Обамы в Китай в 2009 г. было объявлено о перспективной программе научных, культурных и бизнес-обменов с КНР, ориентирующихся на присутствие в КНР 100 000 американцев. Акцент на всесторонности полифоничности отношений с КНР, включая сильный идеологический компонент, отличал Б. Обаму от М. Ромни в ходе их предвыборной полемики по «китайскому» вопросу в 2012 гг.

С другой стороны, успехи экономического взаимодействия Китая с Амери-

кой, почти полутриллионный товарооборот между ними, психологически давят на Россию. Москва гораздо сильнее Китая озабочена провисанием своей с ним торговли, ее архаичной структурой. Причем оргвыводы, которые из данного факта делаются московской бюрократией, пока мало коррелируют с глубинными российскими интересами. Планы довести оборот торговли до 200 млрд долл. к концу десятилетия, которые часто фигурируют в российско-китайских коммюнике с 2011 г., если и будут достигнуты, то, скорее всего, за счет российской энергосоставляющей и китайского экспорта, не оздоровив существующие для Москвы дисбалансы. В экспертных кругах резонно отмечают, что искусственная «накачка» товарооборота в условиях разнотемповых экономик РФ и КНР на руку в первую очередь китайской мировой «фабрике».

Мотивы для стратегической ревности Китая к Москве также существуют: он с настороженностью следит за диалогом Россия — НАТО, его резонно нервируют инициативы РФ по совместным с НАТО и США программам ПРО, хотя и малопродуктивным к настоящему времени. Китай с напряжением наблюдает за взаимодействием РФ, США и НАТО по логистике, транспортировке грузов и борьбе с наркотрафиком в Афганистане, пусть локально и ограниченно трактуемых Москвой. Внутри китайской элиты много и других сомнений: действительно ли уходит в прошлое «однополярность» или США справятся с временным ослаблением; какова глубина финансово-экономического кризиса в западном мире; уйдет ли Россия из тесного взаимодействия с КНР, «сдвинется» ли в сторону Запада; целесообразно ли Китаю идти на тесные партнерские отношения с Россией и ЕС, чтобы уравновесить свою позицию против Америки; применим ли марксистский метод для анализа современной международной действительности.

Трехсторонние «ревности» и сомнения — тривиальный факт дипломатической реальности. Более важными следует считать присущие Китаю и России как субъектам мирового хозяйства дисгармонии — по типу экономики, мотивам и темпам экономического роста, по композиции отраслей, уровню индустриальности и инновационному потенциалу, по методам управления, различной встроенности в мировой товарообмен и финансовую архитектуру, по различной ресурсно-сырьевой обеспеченности. Эти дисгармонии уже сейчас (или в перспективе) могут проявиться между Москвой и Пекином в их подходах к ключевым вопросам строительства нового мирового порядка, в трактовке ими США как ключевого элемента этого миропорядка.

Мировой экономический кризис актуализировал вопрос о механизмах, структурах и принципах мироуправления. Обещанный «конец истории» не состоялся. Элита США переосмысляет пределы своих возможностей и роль США в международной системе, уходит от не соответствующей этим возможностям «однополярности» и силовой дипломатии, развивает кооперационные начала и элементы «мягкой силы», по-иному интерпретирует действия других участников международных отношений. Вместе с тем США ничего не предпринимают для отхода от своей лидирующей, а где-то монопольно регулирующей роли в международной системе. Отказываться от этой роли, вопреки существующим у Америки огромным возможностям, эта страна не намерена.

Китай и Россия в числе других стран, не удовлетворенных уровнем своей влияния и включенности в мировые дела, являются наиболее активными критиками «однополярности». Их обоих не устраивает блоковое структурирование интересов средних и малых стран (будь то НАТО или американоцентричные альянсы Азии), несовершенства мировой экономической и финансовой архитектуры,

закрепляющие интересы «старых» индустриальных стран, доминирование европоцентричных концептов и моделей социального устройства, развития, духовной культуры.

Москва и Пекин демонстрируют стойкую связку в альтернативных «восьмерке» форматах — группе БРИКС и «двадцатке», хотя устойчивость этих форматов, их способность обрасти дееспособными механизмами мирорегулирования — тема дискуссионная.

Китай — это динамично развивающаяся, индустриализующаяся страна. В силу своих демографических параметров и необходимости «восходящего» обслуживания растущей человеческой массы он запрограммирован на ускоренный экономический рост. Суммарные темпы роста ниже 7–8% при нынешних социально-экономических характеристиках китайского социума, уровне эффективности многоукладной экономики суицидальны для его стабильности. Этот высокий рост реализуется на базе экспорториентированной модели развития: на экспорт приходится до 40% китайского ВВП. Стране жизненно необходимы выгодные для внутреннего производства условия обмена с внешним миром и растущие объемы сырья при высокой ресурсоемкости экономики. Выдвинутая в последние годы задача перехода КНР к новой парадигме роста с опорой на внутреннее потребление, во-первых, долгосрочная задача, во-вторых, не менее ресурсоемка, в-третьих, не может осуществляться «в чистом виде», с отказом от массивного экспорта.

Сложившиеся в прошлом политико-стратегические конфигурации, условия ценообразования и режим контроля над ключевыми сырьевыми зонами мира коренным образом не устраивают Китай. Это делает его очевидным разрушителем глобального *status-quo*, энергичным реформатором международной системы. На волне западного кризиса и ползущей рецессии Китай активнее выдвигает

свои критерии «гармоничного» мира и «ответственного» поведения. Подобная активность прослеживается практически во всех направлениях китайской внешней стратегии: в растущем присутствии на рынках и финансовых биржах США, ЕС и Японии, в валютном споре с США, в завоевании приоритетного партнерства с АСЕАН, в энергичной экономической дипломатии в других регионах мира (в Центральной Азии, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке), в амбициозной космической программе, в расширении китайского культурно-гуманитарного присутствия в мире, в территориальных спорах по периметру своих границ.

Россия — в силу своих геоэкономических особенностей (обширной территории, достаточных сырьевых ресурсов, евразийского расположения, уровня индустриального развития и композиции своей, преимущественно «советской», экономики), в силу проевропейской ментальности нынешней российской элиты — разделяет частично некоторые реформаторские начинания Китая в отношении мирового порядка, однако имеет здесь и свои собственные мотивации.

Не будучи жестко мотивирована демографией, безальтернативной потребностью форсированного роста и экспорториентированного производства, Россия в меньшей степени зависима от мирового экспортного рынка и не так сосредоточена на глобальных условиях товарообмена, его валютно-финансовых измерениях, в силу чего китайско-американский спор о валюте для нее малоактуален. Ее встроенность в мировую экономику пока определяется экспортом энергоносителей, где условия ценообразования носят более сбалансированный характер и зависят от глобально взвешенных циклов производства и потребления.

Ставя задачу не индустриальной, а смешанной, индустриально-постиндустриальной модернизации, учитывая все замедления и потери в

промышленном производстве в постсоветский период, Россия испытывает стойкую потребность в сохранении и поддержании конструктивных отношений с США, ЕС и Японией, которые, при лучших сценариях, могут выступать в качестве интеллектуального и материального ресурса такой модернизации. Китай, при всех своих материальных активах, пока в меньшей степени обладает инновационным ресурсом. Он, в лучшем случае, может инвестировать в российскую модернизацию, что делает до сих пор весьма дозированным.

В силу этих обстоятельств для России неорганично и стратегически деструктивно идти в фарватере радикальных, цивилизационно антизападных настроений в реформировании мирового порядка, присущих и части китайской элиты. Россия должна иметь не радикальную, но эволюционную, ориентированную на ее собственные интересы повестку дня в кардинальных вопросах миропорядка (институтах управления, условиях глобального товарообмена и ценообразования, принципах валютного регулирования, роли, статусе и составе СБ ООН, в региональных интеграционных структурах — с полнокровным и сбалансированным участием в них и США и Китая).

Участие России в многосторонних форматах по типу БРИКС необходимо для реализации ее базовых интересов и не имеет разумной альтернативы. Именно в данных форматах могут найти свое отражение и опору ее интересы, особенно та их часть, которая не совпадает с американскими: адекватное развитие военного потенциала РФ; продуктивные отношения со странами СНГ; законные интересы РФ в ключевых регионах мира; справедливые, с точки зрения Москвы, условия экономического обмена; регулирующая роль международных институтов типа МВФ. Вместе с тем не в интересах России будет использование этих форматов (Китаем либо другими участниками) против Соединенных Штатов или для

выдавливания США из региональных и функциональных подсистем.

Россия также должна быть готова к тому, что наряду с многими общими ключевыми интересами стран БРИКС (многополярностью, демократизацией глобального управления, перестройкой экономического порядка, уходом от «монополизированной глобализации», реформой глобальных финансовых институтов), между Москвой и другими участниками группировки проявятся и диссонансы интересов. Как и в случае с Китаем, эти диссонансы могут происходить из различия геоэкономических характеристик, разных типов экономик (по композиции отраслей, уровню индустриальности, методам управления), различной встроенности в мировой товарообмен и финансовую архитектуру, различной ресурсно-сырьевой обеспеченности, из различий цивилизационного характера. Будучи единственной страной традиционного индустриального Севера в числе наиболее динамичных и самодостаточных «южных» стран в составе БРИКС, Москва может оказаться в изоляции, а Китай, как самая мощная экономика и успешная модель развития, приобретет в БРИКС положение «первого среди равных». Эти диссонансы могут привести к тому, что, опираясь на поддержку нероссийской части БРИКС, Китай на каком-то этапе сможет активно лоббировать традиционно существующие на мировом Юге идеи и концепты, противоречащие российским интересам, например тезис о «планетарно справедливом» использовании сырьевых и биоресурсных кладовых планеты, включая регионы Сибири, Дальнего Востока и северной Арктики; идею о первоочередном разоружении наиболее «смертоносных» стран — США и России; другие концепты глобально-популистского, «антиглобалистского» характера. В случае активного разворачивания БРИКС в антиглобалистском направлении Россия без поддержки

США окажется в затруднительном, изолированном положении.

Говоря о сценариях «выдавливания» США из отдельных регионов или функциональных подсистем, следует особо остановиться на сюжете, имеющем ключевое значение для российских интересов. Это проблема индустриального и постиндустриального развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, встраивание этих регионов в зону ускоренного развития АТР. В этом регионе Россия реально может столкнуться с необходимостью выбирать из двух потенциальных интеграционных форматов. Центральным государством одного из таких формирований в АТР может стать Китай на базе соглашений «АСЕАН–Китай» и «АСЕАН плюс», а другого — США на базе активно продвигаемого в последнее время формата Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹. Перспектива такого «двухъядерного», по сути блокового, интеграционного сценария в АТР в корне противоречит интересам России, которые, если говорить о главном, заключаются в многостороннем инвестиционном участии главных акторов региона в программах развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и в том, чтобы это участие не сдерживалось никакими блоковыми ограничителями. Этот тезис являлся основным смысловым ядром позиции России, озвученной в ходе саммита АТЭС в сентябре 2012 г. во Владивостоке.

Перспектива быстрой реализации Россией задачи ускоренной индустриализации Сибири и Дальнего Востока отсутствует. Деграция восточносибирской и дальневосточной части России носит системный характер и вряд ли преодолима в течение одного-двух поколений.

В экспертном сообществе существует точка зрения, что для существенных геоэкономических сдвигов в данной области России нужны прорывные неортодоксальные решения, например предоставление региону высокой степени

экономической, административной и хозяйственной самостоятельности, вплоть до придания ему статуса «особой идентичности», подобно дэнсяопиновской формуле «одна страна — две системы».

Но понятно и другое. При нынешней степени стабильности Российского государства, устойчивости его политической и деловой элиты социальная цена для такого пути развития Дальнего Востока может быть запредельной. Она может поставить под вопрос выживаемость и самодостаточность России в ее нынешних евразийских границах. Подобный путь приемлем лишь для сильной страны, находящейся в социально-политической гармонии. В России на данный момент нет институционального фактора (по аналогу с Коммунистической партией Китая), который смог бы сработать на удержание балансов в политической системе, нет гомогенной социально-политической элиты, нет структурированного среднего класса с адекватными политическими интересами и способностью их защищать. Поэтому Россия должна, скорее, склоняться к паллиативным, эволюционным формам решения проблемы развития Дальнего Востока в рамках приоритетов, уже обозначившихся за последние два десятилетия. К таким приоритетам относятся: 1) догоняющая индустриализация и совершенствование местной инфраструктуры; 2) развитие ресурсно-сырьевой базы с ориентацией на внешние инвестиции; 3) преодоление социальной и демографической деграции региона; 4) поиск ниш для встраивания Дальнего Востока в «новую экономику» АТР.

Проблема российского Дальнего Востока, при всех отмеченных выше «отягчающих» обстоятельствах, входит, хотя и с разной долей приоритетности, в повестку дня всех ключевых держав региона. В первую очередь, она значима для КНР, США и Японии. Каждая из стран имеет на эту проблему свои проекции. Каждая из них отдает себе отчет в том,

что Россия, при всех своих региональных экономических проблемах, является и крупным, и перспективным, и специфическим (евразийским, трансконтинентальным, богатым ресурсами) игроком на политической карте Восточной Азии. Все эти страны логикой своих прагматических интересов готовы политически и экономически «вкладываться» в эту проблему — разумеется, в определенной мере и на определенных условиях. Связующий их интерес (в силу высокой приоритетности этой темы для России) заключается в том, чтобы не уступить другим региональным конкурентам России в качестве важного потенциального партнера и попутчика, максимально успешно «продать» свое участие (и самой России) и в интеграционных конфигурациях АТР, и в глобальной раскладке сил. Фактор такой конкуренции — действенность, которую не стоит ни переоценивать, ни игнорировать, — разумеется, благоприятствует российским интересам.

Китай — ближайший и наиболее динамичный сосед РФ, рассматривающий прилегающие к нему обширные пустынные, ресурсно-перспективные зоны России в качестве экономических пространств, естественно тяготеющих к китайскому ядру. Как минимум, Китай на нынешнем этапе своей эволюции хотел бы видеть себя в этой зоне России в качестве доминирующего хозяйственного игрока, потребителя по льготным ценам основной доли производимых здесь ресурсов, в качестве ключевого экспортера и привилегированного инвестора. Как максимум, Китаю хотелось бы сформировать стойкое геоэкономическое тяготение этого региона в сторону КНР, придав этому тяготению преимущественно ресурсно-сырьевую направленность, с отсутствием конкурентных производств, с проницаемыми для экономической эмиграции границами, с существенной степенью хозяйственной и административной автономии ДВ от европейского центра России.

США борется в регионе с КНР и старается контролировать также Японию. Не рассматривая регион российского ДВ столь же приоритетно, как Китай, с точки зрения своей геоэкономики, США, тем не менее, не склонны следить за его судьбой безучастно и готовы направить «под российскую проблему» определенные финансовые ресурсы. Геоэкономический и стратегический интерес США заключается в недопущении бесконтрольного расширения юаневой зоны в АТР, тем более в таком ее регионе, где присутствие китайцев не является ни исторически, ни этнически бесспорным, а условия конкуренции — примерно равными.

США готовы пойти, просчитав необходимые затраты, на создание регионального «концерта интересов» в геоэкономическом развитии российского ДВ, максимально сковывая, замедляя или блокируя китайскую инициативу в угоду своим общестратегическим интересам. В отличие от КНР, США готовы вкладываться, дозируя свое участие и выбирая наиболее перспективные системообразующие проекты, не только в сырьевые сектора и в первичную переработку сырья, но и в транспортную и энергетическую инфраструктуру, относительно современные и конкурентоспособные с КНР производства — предположительно в химической, автомобильной, микробиологической и электронной промышленности. Американский бизнес уже сейчас проявляет интерес к таким транспортным и инфраструктурным проектам, как увеличение грузоподъемности российских портов на Тихом океане, содействие строительству российских железных дорог (Северного Транссиба, «Трансполярной магистрали», «Берингова моста»). Его интересует создание зон свободной торговли на Беринговом море, между Аляской и Чукоткой.

Япония, в силу территориальных противоречий с РФ и неурегулирован-

ности политических отношений, давно переориентировала свои региональные экономические приоритеты, в первую очередь сырьевые, в иных направлениях (ЮВА, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка). Для японского бизнеса зона российского ДВ в инвестиционном плане не является первоначально привлекательной, хотя после Фукусимы ее приоритетность заметно повысилась. Японская экономика испытывает трудности, сокращение внутреннего спроса. Она испытывает жесткое давление китайских товаров на азиатских и глобальных экспортных рынках, хотя во многих товарных и экспортных нишах, в первую очередь в наукоемких и высокотехнологичных продуктах, позиции японских производителей чрезвычайно сильны.

В таком контексте мотивов и интересов Япония не способна выступать на российском Дальнем Востоке в качестве опорного для России игрока, но в целом она могла бы подключиться к определенным проектам развития дальневосточной экономики в русле «концерта интересов». Япония могла бы участвовать здесь в проектах, гармоничных для ее интересов, и конкурировать с китайским капиталом за счет сильных сторон японского бизнеса — высокой и современной технологичной базы, гибких условий по локализации производства, опоры на местную рабочую силу, развитой товаропроводящей сети, — которые не всегда готов предложить Китай. В отличие от последнего, Япония может создавать на территории РФ производства, способные составить конкуренцию ки-

тайским производителям на российском рынке и рынках АТР.

Отмеченные выше обстоятельства позволяют говорить о том, что в настоящий момент конфигурация стран и мотивация ключевых игроков в АТР имеют благоприятные для России стороны, и их необходимо использовать. Ситуация, когда никто из ключевых игроков — ни Китай, ни США, ни Япония — не заинтересованы в превалировании своего партнера-оппонента по АТР на российской локальной площадке, создает возможность для России использовать эти противоречия в своих интересах. При всей ограниченной приоритетности дальневосточных проектов для этих стран, интерес к проектам нельзя назвать полностью нулевым. Идея «концерта экономических интересов» этих стран в российских проектах, основанная на недопущении чьего-либо внешнего доминирования в развитии российского Дальнего Востока, должна быть максимально отработана российским руководством. Ситуативно, исторически такая внешнеполитическая обстановка может быстро измениться — в силу динамики основных контрагентов, крупного международного кризиса (например, вокруг ситуации на Корейском полуострове или потенциального кризиса вокруг Тайваня) или ухудшения глобальной макроэкономической ситуации.

Россия должна придерживаться четкой, рационально выверенной траектории движения между складывающимися полюсами будущего миропорядка сообразно всей гамме своих интересов, ресурсов и открывающихся возможностей самодостаточного развития.

¹ Переговоры о создании ТТП ведут США, Австралия, Малайзия, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Вьетнам и Перу. Планы подключения к ТТП, находящиеся в разной степени проработанности, озвучили Канада, Мексика и Япония.

РОЛЬ СТРАН БРИКС В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Е.В. Колдунова

В последнее время феномен стран БРИКС широко обсуждается в экспертном сообществе. Одна из точек зрения заключается в том, что БРИКС представляет собой группу стран, довольно-таки искусственно объединенных в целях анализа современных процессов в международных отношениях. При этом обоснованием выделения такой группы являются в первую очередь экономические показатели. Следовательно, согласно этой точке зрения, не существует достаточных оснований для скоординированных действий этих стран на глобальном уровне. Противоположный подход заключается в том, что БРИКС как объединение имеет возможности стать новым механизмом глобального управления. Несмотря на различия в моделях развития, каждая из входящих в эту группу стран отличается позитивной динамикой экономического развития и сильны-

ми позициями в тех регионах, к которым относится географически.

В данной статье рассматриваются различные подходы к роли стран БРИКС в трансформации системы глобального управления, анализируются перспективы и вызовы увеличения такой роли и оцениваются возможные последствия для международных отношений на глобальном и региональном уровнях.

В 2001 г., анализируя экономическую ситуацию в мире, эксперт компании Голдман Сакс Джим О'Нил объединил Бразилию, Россию, Индию и Китай в одну группу с помощью акронима БРИК². Эти страны были сгруппированы аналитически в связи с тем, что в их экономическом развитии и моделях экономического роста предположительно имелись некоторые общие черты. В докладе компании Голдман Сакс четыре страны были охарактеризованы как «крупные ра-

Таблица 1

Рост ВВП в странах «Большой семерки» и БРИК (1999–2002)

%	ВВП			
	1999	2000	2001	2002
США	4.1	4.1	1.0	-0.2
Зона евро	2.6	3.4	1.6	0.6
Великобритания	2.1	2.9	2.2	1.4
Канада	5.1	4.4	1.3	0.8
Япония	0.8	1.5	-0.7	-0.9
Китай	7.4	8.0	7.2	6.8
Индия	6.4	5.2	4.2	5.0
Бразилия	0.8	4.2	1.4	2.0
Россия	5.4	8.3	5.5	4.0

Источник: Building Better Global Economic BRICs/ Global Economics, Paper No.66, 30th November 2001, P. 6.

ствующие рыночные экономики», которые в то время, как ожидалось, должны были продемонстрировать более высокие показатели экономического роста, чем страны «Большой семерки» (см. табл. 1). Однако сам лишь факт более-менее общей траектории экономического роста совсем не обязательно означал, что перечисленные страны могли сформировать сообщество, способное на консолидированные действия на международной арене.

С политической точки зрения траектория сотрудничества России, Китая, Индии и Бразилии складывалась несколько иначе. Идея объединения новых центров экономического роста и потенциального политического влияния уходит корнями в трехсторонний диалог России, Индии и Китая. Встречи в четырехстороннем формате с участием Бра-

зилии стали проходить с конца 2000-х гг. В 2008 г. первый саммит БРИК состоялся в Екатеринбурге (Россия). За ним последовали саммиты и в других странах-участниках объединения. В 2010 г. к группе присоединилась Южная Африка и уже на следующий год принимала участие в мероприятиях БРИКС в полном масштабе.

Таким образом, спустя десятилетие после того, как был создан акроним БРИК, Россия, Бразилия, Индия и Китай смогли конвертировать эту идею в международный опыт многостороннего сотрудничества. Группа смогла запустить работающий механизм ежегодных саммитов, консультации по нескольким трекам (включая второй, экспертный, трек³) и начала обсуждение возможностей дальнейшей институционализации. Эти изменения позволили ряду аналити-

Таблица 2

Ключевые экономические показатели стран БРИКС (2009–2012 гг.)

	2009	2010	2011	2012 (est.)
ВВП, текущие цены (долл. США, млрд)				
Бразилия	1,600.841	2,090.314	2,421.637	2,576.244
Россия	1,222.330	1,456.079	1,894.473	2,197.710
Индия	1,268.878	1,537.966	1,704.063	1,858.969
Китай	4,990.528	5,878.257	6,515.861	7,209.418
Южная Африка	283.977	357.259	383.124	402.493
ВВП на душу населения, текущие цены (долл. США)				
Бразилия	8,360.327	10,816.487	12,422.942	13,108.904
Россия	8,614.026	10,437.490	13,542.891	15,764.533
Индия	1,058.226	1,264.839	1,382.402	1,488.031
Китай	3,738.952	4,382.136	4,833.292	5,321.148
Южная Африка	5,757.843	7,157.801	7,584.990	7,873.962
ВВП (по паритету покупательной способности), доля в валовом мировом продукте (%)				
Бразилия	2.867	2.944	2.943	2.932
Россия	3.018	2.996	3.001	2.998
Индия	5.156	5.400	5.617	5.803
Китай	12.902	13.610	14.316	15.004
Южная Африка	0.719	0.708	0.703	0.699

Источник: International Monetary Fund World Economic Outlook Database, April 2011.

ков сделать вывод о том, что «дипломатия БРИКС представляет собой пример, когда Россия выступает в качестве командного игрока в международной сети инновационного типа и выдвигает разумные требования реформирования международных институтов»⁴.

Используя обновленную терминологию Джима О'Нила, можно отметить, что страны БРИКС за прошедшее десятилетие превратились из «растущих экономик» в «растущие рынки»⁵. Некоторые количественные изменения в экономическом развитии стран БРИКС представлены в табл. 2. Она показывает, например, что в 2012 г. страны БРИКС по совокупному ВВП превосходят США (19.1%) и Европейский союз (19.5%) (предварительные оценочные данные).

В настоящее время основные сферы координации, определенные в ходе саммитов БРИКС, включают в себя финансовое и экономическое сотрудничество, банковскую сферу, международную безопасность с акцентом на новые угрозы и вызовы (наркотрафик и терроризм). Цель, которая определенно объединяет все вовлеченные страны, — это желание стимулировать дальнейшую трансформацию мировых финансовых институтов, в первую очередь МВФ. Все страны БРИКС также сталкиваются с вызовами дальнейшей экономической модернизации. Однако преждевременно утверждать, что все страны БРИКС разделяют единые позиции относительно будущего развития этой структуры.

Российский подход к БРИКС заключается в том, чтобы постепенно трансформировать это объединение в новый центр политического влияния. В данном случае БРИКС может стать форумом для дискуссий по широкому кругу вопросов, включая взаимодействие на региональном, трансрегиональном и глобальном уровнях. Китайские партнеры рассматривают БРИКС в основном как способ формирования консолидированной позиции в международных организаци-

ях и институтах глобального управления и взаимодействия с ними на этой основе. Бразилия ожидает, что БРИКС может стать площадкой для обсуждения торговых и экономических вопросов в целом, актуальных проблем развития стран объединения, связанных с территориальным фактором (региональные экономические диспропорции, отношения центр-периферия и т.д.).

Исследовательские позиции по поводу будущего БРИКС можно условно объединить в две группы — «оптимистическую»⁶ и «пессимистическую». Аргументы, обосновывающие дальнейшее позитивное развитие объединения, в целом вытекают из того, что уже было сказано ранее. Пессимистический же подход основывается на том, что БРИКС по-прежнему ставит в первую очередь тактические, а не стратегические задачи⁷. Отношения между самими странами БРИКС также не безоблачны. Так, например, определенные противоречия существуют между Китаем и Индией по пограничным вопросам, между Россией и Бразилией в сельскохозяйственной сфере и т.д.

На глобальном уровне эффективность БРИКС в ближайшем будущем в значительной степени будет также зависеть от их возможностей скоординировать свои действия в рамках «Большой двадцатки» и других институтов, а также от того, смогут ли они создать эффективный механизм принятия решений по глобальным и региональным вопросам. Главным вопросом в данном случае остается вопрос о том, сможет ли БРИКС определить свое место в системе глобального управления.

В исследовательской литературе уже предпринимался ряд попыток представить всеобъемлющее объяснение функционирования системы глобального управления. Наиболее разработанными на данный момент являются следующие концепции: «1) концепция формирования системы глобального управления по

аналогии с национальными структурами, но в глобальном масштабе; 2) представление о том, что глобальное управление осуществляется системой международных институтов (ООН, МВФ, Всемирный банк, «Большая семерка», «Большая двадцатка»); 3) концепция глобального управления, в основе которой лежит однополярная модель (например, подкрепленная экономической и военной мощью самого влиятельного государства в международной системе), 4) концепция полицентричной системы глобального управления, основанной на сочетании межгосударственных институтов и региональных блоков»⁸.

Последняя упомянутая концепция перекликается с аналитическими подходами, рассматривающими проблемы межрегиональных отношений и институционализированных взаимосвязей между различными региональными блоками⁹. Некоторые исследователи разделяют понятия межрегиональных и трансрегиональных связей (*inter-regionalism*, *trans-regionalism*), исходя из того, что первое подразумевает более узкие формы сотрудничества в конкретной сфере (в основном в торговле), в то время как второе включает более широкие взаимосвязи между различными региональными организациями и их участниками.

Трансрегионализм также рассматривается некоторыми экспертами в качестве одного из этапов на пути к глобальному полицентричному единству мира. Однако в такой модели центрами являются не великие или региональные державы, а региональные кластеры. Трансрегиональные ассоциации могут создавать постоянно действующие площадки для дискуссий по различным вопросам до того, как они будут представлены на глобальном уровне¹⁰. В этом смысле они могут быть даже более эффективными, чем группы интересов в рамках различных глобальных форматов. Ведь участники таких ассоциаций уже пришли к консенсусу о необходи-

мости сотрудничества, наметили планы дальнейшего развития своих форматов и договорились о методах принятия решений.

Учитывая отмеченные концептуальные подходы, БРИКС может рассматриваться в качестве прототипа трансрегиональной структуры с высоким потенциалом участия в процессах глобального управления. Возможная роль стран БРИКС в системе глобального управления связана с особенностями этих стран. Все они относятся к категории крупных и сверхкрупных региональных держав, стремящихся структурировать региональное политическое и экономическое пространство и взять на себя ответственность за региональное развитие. С точки зрения структуры системы международных отношений все страны БРИКС могут рассматриваться как державы статус-кво. Следовательно, их более активное включение в глобальное управление не будет носить конфронтационный характер. Маловероятно, что эти государства будут стремиться предложить радикально альтернативные модели. Скорее они будут стараться занять более равноправное положение в международной системе.

Учитывая сказанное, можно представить два сценария участия стран БРИКС в глобальном управлении.

Первый сценарий предполагает, что страны БРИКС будут продолжать сохранять положительные темпы экономического роста, однако по-прежнему не смогут полностью сравняться со странами Запада, оставаясь в группе сверхкрупных полупериферийных государств. Их политическая координация будет ограничена в основном консультациями. При этом страны объединения будут в первую очередь решать тактические задачи.

Второй сценарий предполагает более стратегически-ориентированное развитие БРИКС, что позволит группе интегрироваться в существующую систему глобального управления неконфронта-

ционным путем и при этом обеспечить реализацию национальных интересов на глобальном уровне¹¹. В этом случае их сотрудничество в различных сферах будет вносить вклад в их экономический рост

и модернизацию. В то время как первый сценарий в настоящее время представляется более вероятным, второй несет странам БРИКС и их регионам больше стратегических выгод.

Список литературы

1. O'Neill J. Building Better Global Economic BRICs / Global Economics, Paper No.66, 30th November 2001.
2. Roberts C. Building the New World Order BRIC by BRIC / The European Financial Review, February-March 2011.
3. Goldman's O'Neil: Time to Move Beyond BRICs. Market Pulse. 21.11.2011. URL: <http://www.marketwatch.com/story/goldmans-oneill-time-to-move-beyond-brics-2011-11-21> (accessed June, 3 2012).
4. Ларионова М. БРИКС в системе глобального управления / М. Ларионова // Международная жизнь. 2011. № 6 (июнь).
5. Луков В. БРИКС — фактор глобального значения / В. Луков // Международная жизнь. 2011. № 6 (июнь).
6. Мартынов Б. БРИКС — заря новой эры или business as usual? / Б. Мартынов // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98).
7. Глобальные регионы мира / под ред. А.Д. Воскресенского (в печати).
8. Gilson J. Asia Meets Europe: Interregionalism and the Asia-Europe Meeting, Cheltenham: Edward Elgar, 2002.
9. Reiterer M. Asia-Europe Meeting (ASEM): Fostering the Multipolar World Order through Inter-regional cooperation / Asia Europe Journal. 2009. No.7.
10. Voskressenski, A. The Three Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage. 2012. Eurasian Review, Vol. 5, November.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-03-00538а.

² O'Neill J. Building Better Global Economic BRICs/ Global Economics, Paper No.66, 30th November 2001.

³ Все страны БРИКС сформировали национальные исследовательские комитеты, основной целью которых является формулирование новых идей для сотрудничества объединения.

⁴ Roberts C. Building the New World Order BRIC by BRIC / The European Financial Review, February-March 2011. P. 4.

⁵ Goldman's O'Neil: Time to Move Beyond BRICs. Market Pulse. 21.11.2011. URL: <http://www.marketwatch.com/story/goldmans-oneill-time-to-move-beyond-brics-2011-11-21> (accessed June, 3 2012).

⁶ Оптимистический взгляд на будущее БРИКС, в частности, отражен в следующих публикациях: Ларионова М. БРИКС в системе глобального управления // Международная жизнь. 2011. № 6 (Июнь). С. 2—14; Луков В. БРИКС — фактор глобального значения/Международная жизнь. 2011. № 6 (Июнь). С. 30—37 [Larionova M. BRICS v sisteme global'nogo upravleniya/Mejdunarodnaya jizn'. 2011. No. 6 (Iyun'), s. 2-14, Lukov V. BRICS — faktor global'nogo znacheniya // Mejdunarodnaya jizn'. 2011. No.6 (Iyun'). S. 30—37].

⁷ Мартынов Б. БРИКС — заря новой эры или business as usual? // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98). С. 161—168. [Martynov B. BRICS — zarya novoy ery ili business as usual? // Index bezopasnosti. 2011. No. 3 (98). S. 161—168].

⁸ Глобальные регионы мира / под ред. А.Д. Воскресенского (в печати). [Global'nye region mira. Pod red. A.D. Voskressenskogo (v pechati)].

⁹ См., напр.: Gilson J. Asia Meets Europe: Interregionalism and the Asia-Europe Meeting, Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

¹⁰ Reiterer M. Asia-Europe Meeting (ASEM): Fostering the Multipolar World Order through Inter-regional cooperation / Asia Europe Journal. 2009. No.7. P. 179—196.

¹¹ Voskressenski, A. The Three Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage. 2012. Eurasian Review, Vol. 5. November, P. 10.

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА В ФОРМАТЕ БРИКС И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР¹

С.И. Лунев

Со стороны может показаться парадоксальным активное участие некоторых стран в формате БРИКС, прежде всего Индии. Происходит заметное индийско-американское сближение, и взаимосвязи с единственной сверхдержавой стали важнейшим направлением внешней политики Индии. Был провозглашен «стратегический диалог» между двумя странами, а эксперты заговорили о возможности создания четырехугольника Вашингтон — Канберра — Токио — Дели (получившего название «союза крупнейших демократий»). В его рамках стали проводиться чрезвычайно масштабные совместные военно-морские учения «Малабар». Обращают на себя особое внимание американо-индийские военные учения в Ладакхе и Мизораме (рядом с границами Китая). Были приданы дополнительные импульсы американо-индийскому сотрудничеству в военно-политической сфере: созданы двусторонние координационные комитеты между видами войск, начались американские поставки Индии новейшего военного оборудования, регулярно осуществлялись встречи совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом, проводятся и совместные консультации по Афганистану. В 2006 г. было подписано соглашение 123 по атомной энергетике. Весьма позитивны для Индии перемены во внешнеполитическом курсе США в Южной Азии. Вашингтон перестал поддерживать Пакистан в индийско-пакистанских противоречиях, и его нынешняя позиция, скорее, является проиндийской.

Особое значение для индийско-американских взаимоотношений имеют, безусловно, экономические успехи южноазиатской страны и расширение ее связей с США. В течение последних 20 лет происходил почти постоянный рост индийско-американского торгового оборота (за исключением 2008—2010 финансовых годов, когда сокращение внешней торговли было характерно практически для всех стран). До 2008 г. США оставались главным коммерческим партнером Индии. Лишь в 2010—2011 финансовом году на первое место в экспорте Индии вышел Китай².

Индия считается одним из главных потенциальных получателей прямых иностранных инвестиций. Уже в 2004 г. она считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США)³, а в 2005 г., в соответствии с Индексом инвестиционного доверия А.Т. Керни, — второй (правда, в 2010 г. она вновь слегка уступила позиции США, но в 2012 г. опять вернулась на второе место⁴)⁵. Прямые иностранные инвестиции в Индию резко возросли в первой половине десятилетия (с 7 млрд долл. в 2004 г.⁶ до 42 млрд долл. в 2008 г.⁷), но вновь упали до 35,6 млрд долл. в 2009 г. и 24,6 млрд в 2010 г.⁸ (в 2011 г., правда, произошел рост до 31,6 млрд⁹). Если Китай в привлечении зарубежных капиталовложений ориентируется на обрабатывающую промышленность, товары которой предназначаются на экспорт, то Индия предпочитает заку-

пать технологии для использования в системе импортозамещения.

Соединенные Штаты (наряду с Маврикием, который выполняет для Индии роль Кипра для России) являлись и основным инвестором в индийскую экономику (на их долю приходились 20–25% всех прямых инвестиций). Однако в первой половине 2000-х гг. доля США упала до 14,4%, а во второй половине десятилетия — до 7,3% (соответствующие цифры для Маврикия были 38,8% и 49,6%)¹⁰.

Однако роль Соединенных Штатов как главного поставщика высоких технологий и получателя программного обеспечения из Индии сохранилась. Уже в 1980-е гг. выявилась крайняя заинтересованность южноазиатской страны в получении высоких технологий. Особо следует выделить колоссальный скачок, который осуществила Индия в сфере информационных технологий. В 2010–2011 финансовом году валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила почти 90 млрд долл. Был выбран экспортно-ориентированный путь, и Индия вывезла ПО на сумму 59 млрд долл.¹¹ Соответствующие цифры для 2011–2012 финансового года — 101 млрд долл. и 68,7 млрд долл.¹² Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20% в 2011 г., а в валовом внутреннем продукте — 6,4%¹³. А именно на США и Великобританию приходится 67% всего индийского экспорта ПО и СУ¹⁴.

При этом для индийско-китайских отношений, напротив, характерно наличие очень большого количества проблем. На развитии индийско-китайских отношений негативно сказывались следующие факторы:

а) *Пакистанский вопрос.* Индия позитивно отнеслась к проводимому Китаем в «постбиполярный период» курсу на постепенное выравнивание отношений с Индией и Пакистаном. В июне 1999 г. премьер-министр Пакистана Наваз Шариф сократил свой визит в КНР, при-

чиной чему стал отказ Пекина публично выступить на пакистанской стороне по вопросу начавшихся крупномасштабных столкновений в Каргиле (Кашмир). Но Индия по-прежнему считает Китай союзником Пакистана. Особое недовольство в Дели вызывает, естественно, взаимодействие Китая и Пакистана в осуществлении ядерной и ракетной программ.

б) *Сопредельные страны.* Индия и КНР в целом негативно реагируют на военно-политическое сотрудничество своего партнера в «чужом регионе». Китай стал главным поставщиком вооружения в Бангладеш. В Индии крайнее беспокойство вызывало развитие КНР военной инфраструктуры в зоне Индийского океана, особенно то, что Китай активизировал военное сотрудничество с Мьянмой (Бирмой), получил прямой доступ к Бенгальскому заливу и возможность пользоваться станциями электронного слежения на побережье. Пекин, в свою очередь, проявляет недовольство по поводу попыток Дели развивать военно-политическое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии. Китай также озабочен усилением военно-политических связей между Индией и Японией. За последние несколько лет очень быстрое развитие двусторонних связей заметно именно в этой подсистеме, наряду с экономической сферой. Резко возросло количество визитов военных делегаций, началось проведение совместных военных учений.

в) *Военные проблемы.* Каждая из стран в высшей степени опасается, что военный потенциал соседа (прежде всего, ядерно-ракетный) будет направлен против нее. Конечно, Индию не может не беспокоить размещение ядерных ракет в Тибете (в настоящих условиях, как полагают индийские эксперты, они могут быть нацелены исключительно на юг, а их число составляет 50–60 штук¹⁵), совершенствование ядерного оружия и вооруженное строительство в Китае.

В свою очередь, в Китае чрезвычайно негативно отреагировали на испытание ядерных устройств Индией в мае 1998 г. (первый раз это произошло в 1974 г.). В сообщении агентства «Синьхуа» Республика сразу была названа «южноазиатским гегемонистом»¹⁶. Пекинские власти, объявив испытания серьезнейшей угрозой всему региону, призвали **Индию подписать Договоры о нераспространении ядерного оружия и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и прекратить свою ядерную программу, приостановить планы по созданию баллистических ракет**¹⁷. В Китае справедливо полагают, что программа создания баллистических ракет в настоящих условиях может быть нацелена исключительно против КНР (в 2012 г. Индия осуществила успешные испытания ракеты «Агни-5», с дальностью полета в 5 тыс. км).

г) *Пограничная проблема*. Еще во время индийско-китайских переговоров на высшем уровне в 1991 г. и 1993 г. был принят комплекс мер по стабилизации ситуации, недопущению военных инцидентов и по сокращению войск и вооружения на границе, и начался диалог двух стран по территориальной проблеме. Однако переговоры продвигаются крайне медленно. По центральному и восточному секторам границы разногласия между двумя странами невелики (хотя и здесь существуют несколько вариантов прохождения линии действительного контроля) и могут быть решены. В 2005 г. Китай официально дал согласие признать статус индийского штата Сикким (в 1975 г. Индия присоединила эту гималайскую территорию, имевшую статус протектората), а Индия впервые подписала документ, в котором Тибет назывался «Тибетским автономным районом»¹⁸. Гораздо серьезнее обстоит ситуация с западным сектором, где Индия не соглашается с контролем КНР над территорией Аксай Чина. Не урегулирован и вопрос о принадлежности индийского штата Аруначал Прадеш (официальные представи-

тели Пекина прямо заявляют о неправомерности его принадлежности Индии).

д) *Американо-индийское сотрудничество*. Администрация США отрицает, что развитие американо-индийских связей нацелено на сдерживание Китая, однако, бесспорно, это стремление присутствует у Вашингтона. Как отмечала ведущий эксперт США по Южной Азии Т. Шаффер, «хотя резко укрепившиеся индийско-китайские отношения являются фактором мира и стабильности в Азии... подъем Китая определяет необходимость для США расширять сеть за пределами своей традиционно сильной опоры в Восточной Азии»¹⁹. Американские военные демонстрируют гораздо больше откровенности. В феврале 2006 г. Министерство обороны США в опубликованном ежеквартальном Обзоре, по сути, объявило своей целью превращение Индии в «фактического» союзника в целях завершения процесса окружения Китая. Министерство иностранных дел КНР заявило, что Обзор является «серьезным искажением» фактов²⁰.

Внешнеполитический курс США во многом предопределяет подход азиатских гигантов к двусторонним связям. Китайское руководство не может не опасаться перспективы образования «антикитайского блока», что прервет позитивное экономическое развитие и воспрепятствует реализации внешнеполитических целей КНР в Восточной и Юго-Восточной Азии. Индийские лидеры довольно умело маневрируют в сложившихся условиях, пользуясь опытом 1960-х гг. (когда Индия была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии одновременно и от США, и от СССР) и учитывая опыт 1970-х гг., когда крен в сторону одной из сверхдержав (СССР) негативно сказался на международных позициях Индии.

е) *Слабость контактов в культурно-идеологической и научно-технологической сфере*. Эти связи остаются минимальными. Большой успех достигнут лишь в об-

ласти гуманитарной науки, но и здесь речь идет лишь о спорадических конференциях и командировках отдельных ученых. Более того, крайне ограничено количество синологов в Индии и индологов в Китае.

Следует подчеркнуть, что большинство факторов, негативно сказывавшихся на индийско-китайском взаимодействии, является просто производным от базового — *соперничества двух государств*. Китай, и особенно Индия, в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире. Большая часть индийской элиты полагает, что в более далекой перспективе азиатские гиганты могут вступить в прямое противоборство. При этом принципиальных противников совместных действий в ближайшее время немного.

Противоречивость позиции Индии: стремление расширять сотрудничество в рамках БРИКС, с одной стороны, и взаимосвязи с США — как главное направление внешней политики на фоне весьма напряженных отношений с Китаем — с другой, можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, необходимо отметить весьма позитивную динамику развития двусторонних отношений между Индией и Китаем в экономической сфере. Еще не так давно эксперты говорили об экономической конкуренции двух стран. Индийские предприниматели били тревогу в связи с ростом поставок более дешевой китайской продукции (в Китае значительно выше производительность труда и намного лучше развита инфраструктура) на индийский рынок²¹. По мнению многих ведущих индийских экономистов, со вступлением КНР в ВТО ситуация для Индии должна была еще ухудшиться²². Следует также отметить, что два азиатских гиганта конкурировали и на мировой арене по целому ряду товарной номенклатуры. Однако сейчас, по мере большей адаптации индийских

предпринимателей к мировой конкуренции, ситуация резко изменилась. Чрезвычайно быстрыми темпами развивается торговый оборот двух стран. Если в 1999–2000 финансовом году он составил около 2 млрд долл.²³, то в 2006–2007 — 25,8 млрд, в 2010–2011 — 63,1 млрд, а в 2011–2012 — уже 75,6 млрд долл. (9,5% общего торгового оборота Индии)²⁴. КНР превратилась в главного импортера и экспортера Индии. Стали появляться совместные предприятия, начала обсуждаться возможность соединения потенциала Индии по разработке программного обеспечения и возможностей Китая по производству аппаратуры и оборудования. Нью-Дели даже попытался использовать КНР как плацдарм для расширения сотрудничества в сфере информационных технологий со странами Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, существуют эндогенные параметры, которые негативно влияют на индийско-американские отношения. Основная оппозиционная партия Индии — «Бхаратия Джаната Парти» — стала занимать более критические позиции в отношении США, как и большинство правых националистических организаций мира. Естественны и антиамериканские настроения левоцентристов. Правящий Индийский национальный конгресс осознал, что Вашингтон не рассматривает ни одну страну как равноправного партнера, а в Индии пребывание на положении младшего партнера считается недопустимым.

В-третьих (и это самое главное), процесс улучшения двусторонних индийско-американских отношений сопровождается рост (пока латентный) конфликтного потенциала на глобальном уровне между двумя странами, связанный с весьма существенными расхождениями по вопросам геополитики и геоэкономики.

Гегемония Севера отвергается Индией по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для нее независимый внешнеполитический курс

всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в ее планы. Не случайно, что при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других государств на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку стран, имеющих наименьшее количество расхождений с итогами голосования КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; по вопросам национальной безопасности только Россия голосует одинаково с Китаем чаще, чем Индия.

Идею о создании тройственного союза Россия — Китай — Индия впервые (в постбиполярном мире²⁵) открыто озвучил премьер-министр РФ Е.М. Примаков в ходе официального визита в Индию в декабре 1998 г. Ускоренное развитие Китая и Индии привело к их постепенному превращению в самостоятельные центры силы, что существенно меняло конфигурацию всей системы МО. Предложение Е.М. Примакова свидетельствовало о начале смещения интересов России в сторону Азии. Однако потребовалась смена власти, чтобы произошла реальная активизация российской внешней политики на этом направлении. Развитые страны, в свое время не пожелавшие активного партнерства с Россией, практически сами вынудили ее изменить внешнеполитическую линию и искать новых партнеров, прежде всего, среди крупных стран «Юга». В 2000 г. было объявлено о «стратегическом партнерстве» РФ с Индией, в 2001 г. — с Китаем.

Индийское руководство (как и китайское) крайне осторожно, если не ска-

зать холодно, отреагировало на идею Е.М. Примакова. Однако после агрессии НАТО против Югославии в марте 1999 г. премьер-министр Индии А.Б. Ваджапай призвал вернуться к обсуждению данной идеи²⁶. Подобные же предложения выдвигались и в китайской прессе. В начале 2000-х гг. китайское руководство стало практически открыто заявлять о необходимости разрабатывать концепцию РИК самым серьезным образом. После вторжения США в Ирак в 2003 г. трехсторонние отношения получили новое развитие.

С 2002 г. начались встречи министров иностранных дел трех стран. Первоначально они были ограничены рамками Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке, а в июне 2005 г. состоялась трехсторонняя встреча на уровне глав МИД во Владивостоке, впервые проведенная как отдельное мероприятие. В июле 2006 г. в рамках саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге была проведена первая встреча руководителей России, Китая и Индии. С 2005 г. во время двусторонних переговоров лидеров трех держав стала подчеркиваться важность упрочения трехсторонних отношений. Так, в Совместной декларации Республики Индия и Китайской Народной Республики, подписанной 21 ноября 2006 г. в ходе официального визита в РИ председателя КНР Ху Цзиньтао, указывалось, что «две стороны позитивно оценивают механизм трехстороннего диалога между Индией, Китаем и Россией и согласны с тем, что взаимосвязи и сотрудничество в его рамках должно и дальше укрепляться»²⁷. В свою очередь, в Совместном заявлении по итогам официального визита В.В. Путина в Индию в январе 2007 г. отмечалось: «Трехстороннее взаимодействие способствует развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества Индии, России и Китая, укрепляет международное сотрудничество в деле противодействия новым вызовам и угрозам, особенно в борьбе с терроризмом, и вно-

сит вклад в укрепление мира и стабильности в Азии и во всем мире»²⁸.

Рост исламистского экстремизма и радикализма подталкивает сближение трех держав. «Мусульманская дуга» тянется от северо-запада Африки до юго-востока Азии. Индию (с ее 150-миллионным мусульманским населением), Россию (с мусульманским населением на Кавказе и в Поволжско-Уральском регионе) и Китай (с мусульманским населением в Синьцзяне) будут объединять сходные проблемы и задачи. Сейчас для крупнейших стран Евразии (прежде всего, для России и Индии) на первый план выходят единые задачи по выстраиванию взаимосвязей с исламским миром.

Китай также опасается угрозы со стороны исламского мира. В последнее время резко активизировались мусульманские экстремисты в Синьцзяне, что может дать толчок сепаратистским настроениям и в других национальных округах, которые в целом составляют более половины площади КНР. Не случайно, что оба азиатских гиганта всегда «твердо поддерживали» позицию Москвы по Чечне и давали самые позитивные оценки «второй чеченской кампании».

Явно объединяет три страны и неприятие возможности формирования однополярного мира. Уже в ходе переговоров в Индии премьера Госсовета КНР Ли Пэна с индийским руководством в декабре 1991 г. (первый визит в Индию китайского премьера после 1960 г.) обе стороны выразили готовность активизировать контакты в случае проявления гегемонии одной страны в глобальной системе международных отношений. Для Китая и Индии независимость внешнеполитического курса всегда являлась приоритетом. За полную нормализацию двусторонних отношений стали выступать даже правые партии Индии: это заметно, например, по резолюциям находившейся в 1998–2004 гг. у власти «Бхаратия Джаната Парти», ранее всегда критично оце-

нивавшей политику КНР. С 2003 г. стал также функционировать «Форум диалога Индия — Бразилия — ЮАР». Именно Индия во многом способствовала объединению этих стран в рамках Форума.

В сентябре 2006 г. прошла первая совместная встреча министров иностранных дел России, Китая, Индии и Бразилии, первая встреча четырех глав государств состоялась в июле 2008 г. (после встречи «Большой восьмерки» в Японии), а полномасштабный саммит БРИК был проведен в Петербурге в мае 2009 г. На третьем саммите БРИК в Китае в апреле 2011 г. в состав организации официально была принята Южная Африка, которая участвовала в саммите БРИКС, прошедшем в марте 2012 г. в Дели.

В Индии все партнеры по БРИКС воспринимаются в качестве реальных или потенциальных мировых центров силы. Интересно, что их можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относится очень небольшое количество стран. К этой группе можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени Мексику, а также Южную Африку и Нигерию (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX в. ряды региональных держав пополнила Россия. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло.

Пока концепция развития связей между державами и в РИК, и в БРИК, и в БРИКС не имеет четкого наполнения, не ясны ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность деятельности. Однако нельзя отрицать, что есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения стран и одна из них — неприятие и Индией, и Китаем

возможности установления однополярного мира. Именно в целях недопущения однополярного мироустройства Индия еще в прошлом веке начала прорабатывать возможности сближения не только с Китаем и Россией, но и с Японией, Европейским союзом²⁹ (правда, участие европейских стран в агрессии против Югославии в 1999 г. вызвало сомнения в южноазиатской стране по поводу реальной независимости Западной Европы) и странами Юго-Восточной Азии.

Особо следует учитывать, что страны БРИКС пытаются сопротивляться и тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане БРИКС мог бы стать для его участников ключевым партнером и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов. БРИКС может быть полезным для тех направлений двусторонних отношений, которые являются «сквозными» для всех участников клуба. Однако особо следует выделить экономические отношения в рамках треугольника Россия — Китай — Индия, реализация которых облегчается соседством стран в Евразии. Учитывая как серьезные опасения Пекина по поводу вхождения Индии в создаваемое США «окружение Китая», так и начавшееся сотрудничество России, Китая и Индии в рамках БРИКС, следует предложить КНР проекты по активизации экономического сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай.

Очень важны и культурно-цивилизационные моменты. С одной стороны, страны БРИКС отличаются друг от друга. Для них характерна различная цивилизационная парадигма. Цивилизационное поле, на котором осуществляется общественное развитие, очень обширно — от индивидуализма (т.е. признания приоритета личных интересов), основы западного общества, до коллективизма (т.е. приоритета групповых интересов

над индивидуальными), свойственно-го традиционному восточному обществу. Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, свойственен путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Для индийской и российской цивилизации свойствен *срединный путь* — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов. При этом если путь Индии был достаточно четким, то для России было характерно зигзагообразное развитие, особенно в XX в.: после Октябрьской революции была попытка встать на коллективистский путь, а после развала СССР — на индивидуалистский.

С другой стороны, многое объединяет страны БРИКС. Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Китая и Индии на мировое лидерство, следует учитывать, что в этих странах нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства в Индии, ни в начальные годы после достижения независимости, тогда одной из беднейших стран мира, ни в период полуколониального положения Китая и расчленения его территории на зоны влияния, ни в период зависимости от Советского Союза, когда И.В. Сталин был в состоянии диктовать кадровые перемены в китайском руководстве. В азиатских гигантах отсутствует осознание приниженности, и как следствие этого — проявления подобострастности или, напротив, агрессивности. Индия и Китай — две величайшие цивилизации мира, и они (вместе с Древним Египтом и некоторыми другими) олицетворяли человеческое развитие в течение четырех тысяч лет, что никогда не забывалось в азиатских государствах. Не следует забывать, что гегемония Севера насчитывает не более 300 лет, и в Азии не воспринимают европоцентричный взгляд на мир и его историю. Индийцы и особенно китайцы относились к диктату Севера как

к временному явлению (понятие времени отличается от европейского у китайцев в корне, а у индийцев — в некоторой степени).

По существу подобная ситуация стала складываться и во многих других странах Юга, в том числе в Бразилии и ЮАР. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афганская и др. войны), изменили отношение афроазиатских народов к европейской цивилизации. В экономическом плане они продемонстрировали способность конкурировать на чужих рынках и поддерживать более высокие темпы роста, в том числе и душевого дохода. С военно-политической точки зрения превосходство европейской цивилизации оказалось далеко не бесспорным: в лучшем случае европейско-американским силам удалось сохранить лицо. В техническом плане они показали способность не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования: самостоятельное создание ядерного оружия в Китае и Индии — наглядный тому пример. В данных условиях прежняя приниженность и преклонение перед европейцами исчезли. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран является базой для появления даже определенного комплекса превосходства над европейской цивилизацией.

Российская цивилизация, с культурологической точки зрения, всегда была более близка к западной, но отличалась исключительным своеобразием. На первом этапе существования государственности у восточных славян Русь была составной частью европейской цивилизации и была практически изолирована от Юга. Не случайно в древней русской литературе фактически нет сюжетов, заимствованных с Востока. Татаро-монгольское нашествие и необъятный крестовый поход Римской католической церкви против Руси привели

к раздроблению последней и возникновению враждебной польско-литовской унии, которая отрезала Москву от Запада. На три столетия были прерваны практически любые связи. На Руси стала формироваться своя, совершенно особая цивилизация, отличная и от западной, и от восточной. Активное развитие контактов с Югом и Востоком привело к превращению Руси в евразийскую державу. Насильственная модернизация и вестернизация, осуществленная в начале XVIII в. императором Петром I, приблизила Российскую империю к другим европейским державам с точки зрения формы. Но эта попытка привела к появлению двух разнородных и часто противоречащих друг другу культур в России — верхов и низов, что сыграло самую негативную роль в дальнейшем. Одним из частных проявлений этого культурологического разлома и некритически проводимой вестернизации стала тенденция идентифицировать себя исключительно по отношению к западному стандарту, который неизбежно признавался за эталон. Такое отношение и было одним из факторов, приведших в начале века к победе марксизма (не надо забывать, что марксизм — западное явление), а в конце века — к строительству «дикого капитализма», основанного на крайнем индивидуализме, культе потребления и силы (и одна, и другая концепция были доведены в российских условиях до крайности).

При обосновании цивилизационных претензий Китая и Индии на лидерство нельзя не отметить и расовый фактор, на который постоянно обращают внимание, прежде всего, в Индии (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая исто-

рия и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Южная Африка, Индонезия и т.д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

В принципе по этому параметру положение России выглядит предпочтительнее, чем у других стран Севера. Россия всегда в корне отличалась от любой другой империи — от Римской до Британской. В ней никогда не существовало народа-эксплуататора, а русские не имели больших прав, чем неславянские национальности. Российская периферия не грабилась, зачастую дотировалась, а местные элиты целиком включались в общероссийскую. Если и была определенная дискриминация, то — практически исключительно по религиозному принципу. В советский период страна неизменно поддерживала Юг в его противостоянии Западу (другое дело, по каким мотивам). Все это предопределяет достаточно доброжелательное отношение к России и русским в зоне Юга, что показывают все социологические опросы.

Культурно-цивилизационные особенности китайского, индийского и российского обществ способствуют укреплению позиций гигантов и в том плане, что ряд школ их философии издавна придавал большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для индийского и китайского обществ в целом никогда не были характерны избыточная агрессивность и нетерпимость, свойственная некоторым другим восточным цивилиза-

циям (по-видимому, данное обстоятельство не берется в расчет при регулярно появляющихся прогнозах о возможном в будущем начале Пекином мировой войны). Для Китая на определенных этапах истории было свойственно стремление к самоизоляции и достаточно презрительное отношение к окружающему миру, но представляется, что в настоящий момент, после всех уроков XX в., этот культурологический пласт не оказывает серьезного воздействия. Соответственно, и в Индии колониальный период «растворил» ощущение своего превосходства и восприятие других как «варваров». Сейчас индийцы и китайцы с готовностью воспринимают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта.

Очень важным представляется всестороннее развитие культурной подсистемы, прежде всего, сотрудничества в образовательной сфере (массовое привлечение китайских и индийских студентов на учебу в Россию, укрепление связей в сфере высшей школы и науки). В США студенты из Китая и Индии занимают первое место по численности среди иностранных студентов. В СССР получили образование десятки тысяч индийцев и китайцев, а сейчас они, по существу, не представлены на российском образовательном поле. Приоритетные направления — медицина и естественные науки.

Следует также резко расширить культурно-пропагандистскую деятельность, включая возможности лоббирования российских экономических интересов в Китае и Индии (в том числе и частных компаний). Электронные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России: в освещении ее политики практически нет позитива. Подобные же подходы характерны и для западной печати. Вся эта информация переправляется в Индию и Китай, как и в целом в Азию, в которой в связи с этим также ухудшается отношение к России. Дискредитация РФ опасна не

только в политическом плане (очевидно, что доброжелательность населения является той базой, на которой можно развивать отношения). Это — один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запада. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же азиатских гигантах, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

В связи с этим представляется необходимым:

- увеличение масштабов деятельности «РИА Новости» в Китае и Индии, причем упор должен быть сделан на формировании позитивного имиджа России, а не на псевдообъективности, т.е. критической подаче образа России (это достаточно активно делают другие государства); постоянная публикация российских материалов в китайской и индийской прессе;
- расширение объемов вещания «Голоса России» на азиатские гиганты;
- предложение КНР и Индии видеоматериалов, рисующих российскую действительность с позитивной стороны, и введение ограничений на передачу негативной информации;
- целенаправленное продвижение идеи об угрозе со стороны создания однополярного мира и необходимости нашим странам идти на сближение в целях противостояния данному процессу;
- активизация сотрудничества между учеными, которые дают рекоменда-

ции властям в качестве экспертов (т.е. имеют возможность воздействовать на принятие решений) и регулярно выступают в СМИ (т.е. направляют в определенную сторону общественное мнение). Возможные мероприятия: круглые столы, семинары, конференции, совместные публикации, дискуссии в журналах и т.д.;

- регулярное проведение конференций экспертов по внешнеполитической и военно-политической тематике на двусторонней и многосторонней основе.

- на всех уровнях необходимо подчеркивать и определенную схожесть трех стран в культурной сфере. При всех колоссальных различиях наших цивилизаций, есть одно общее: духовность, им имманентно присущая, которая противостоит материализму и духу потребления развитых стран.

Для лучшего понимания друг друга целесообразно было бы предложить нашим азиатским партнерам регулярно проводить крупномасштабные фестивали культуры в соседних странах.

Активизация политических, экономических, военно-политических и культурных связей трех стран вдохнет новое содержание в деятельность БРИКС и позволит Индии, как и ее партнерам по организации, подорвать монопольное положение Севера. Страны БРИКС не заинтересованы в радикальной ломке международных политических и экономических отношений, но обязаны способствовать резкому укреплению своих позиций в мировой системе.

Список литературы

1. World Investment Report. 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations: New York and Geneva. 2009.
2. Foreign Direct Investment (FDI) Confidence Index. URL: <http://www.atkearney.com/index.php/Publications/foreign-direct-investment-confidence-index.html>
3. World Investment Report. 2011. Non-Equity Modes of International Production Development. United Nations: New York and Geneva. 2011.
4. World Investment Report. 2012. Towards a New Generation of Investment Policies. United Nations: New York and Geneva. 2012.
5. Chalapati Rao K.S. and Biswajit Dhar. India's FDI Inflows Trends and Concepts. Delhi: Research and Information System for Developing Countries. 2011.

6. Information Technology. Annual Report. 2010–2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology. 2011.
7. Electronics and Information Technology. Annual Report. 2011–2012. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology. 2012.
8. Kondapalli Srikant. India-China Relations: Time to Consolidate? Institute of Peace and Conflict Studies. URL: <http://www.ipcs.org/ipcs/issueIndex2.jsp?action=showView&kValue=1706&issue=1009&status=article&mod=b>
9. Cherian J. Worldwide condemnation // Frontline (New Delhi). Vol. 15. №. 11. May 23 — Jun 05. 1998.
10. Joshi M. The Big Chill // India Today (New Delhi). 24.08.1998.
11. Mitra P., LeFevre F. India & China: Rivals or Partners? // South Asia Monitor, Centre of Strategic and International Studies (Washington), № 80. 05.03.2005.
12. President Bush trip to India. Press Briefing. Centre of Strategic and International Studies, Washington, 24.02.2006, Federal News Service, Inc., Washington, 2006. P. 5.
13. Cherian J. The China Factor // Frontline. Vol. 23, № 4. Feb. 24 — Mar. 10. 2006.
14. Bhaumik T.K. Facing the Chinese Competition // Economic Times (New Delhi). 01.11.2000. P. 10.
15. Aiyar V. Sh. and Saran R. Chinese Goods // India Today. 11.12.2000.
16. Malik A. Trade Against Terror // India Today. 09.10.2000.
17. Официальный сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnt.asp>

- ¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 12-03-00538а.
- ² Официальный сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnt.asp>
- ³ World Investment Report. 2005 Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations: New York and Geneva. 2005. P. 34.
- ⁴ См.: Foreign Direct Investment (FDI) Confidence Index. URL: <http://www.atkearney.com/index.php/Publications/foreign-direct-investment-confidence-index.html>
- ⁵ World Investment Report. 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations: New York and Geneva. 2009. P. 34. На четвертое и пятое места после Китая, США и Индии ЮНКТАД поставила Бразилию и Россию (P. 38).
- ⁶ World Investment Report... 2005. P. 51.
- ⁷ World Investment Report... 2009. P. 51.
- ⁸ World Investment Report. 2011. Non-Equity Modes of International Production Development. United Nations: New York and Geneva. 2011. P. 189.
- ⁹ World Investment Report. 2012. Towards a New Generation of Investment Policies. United Nations: New York and Geneva. 2012. P. 171.
- ¹⁰ Chalapati Rao K.S. and Biswajit Dhar. India's FDI Inflows Trends and Concepts. Delhi: Research and Information System for Developing Countries. 2011. P. 28.
- ¹¹ Information Technology. Annual Report. 2010–2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology. 2011. P. 1.
- ¹² Electronics and Information Technology. Annual Report. 2011–2012. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology. 2012. P. 1.
- ¹³ Information Technology. Annual Report. 2010–2011... p. 2.
- ¹⁴ Ibid. P. 9.
- ¹⁵ Kondapalli Srikant. India-China Relations: Time to Consolidate? Institute of Peace and Conflict Studies. URL: <http://www.ipcs.org/ipcs/issueIndex2.jsp?action=showView&kValue=1706&issue=1009&status=article&mod=b>
- ¹⁶ Cherian J. Worldwide condemnation // Frontline (New Delhi). Vol. 15. №. 11. May 23 — Jun 05. 1998.
- ¹⁷ Joshi M. The Big Chill // India Today (New Delhi). 24.08.1998.
- ¹⁸ Mitra P., LeFevre F. India & China: Rivals or Partners? // South Asia Monitor, Centre of Strategic and International Studies (Washington), № 80. 05.03.2005.
- ¹⁹ President Bush trip to India. Press Briefing. Centre of Strategic and International Studies, Washington, 24.02.2006, Federal News Service, Inc., Washington, 2006. P. 5.

- ²⁰ Cherian J. The China Factor // Frontline. Vol. 23, № 4. Feb. 24 — Mar. 10. 2006.
- ²¹ Bhaumik T.K. Facing the Chinese Competition // Economic Times (New Delhi). 01.11. 2000. P. 10.
- ²² Aiyar V. Sh. and Saran R. Chinese Goods // India Today. 11.12. 2000.
- ²³ Malik A. Trade Against Terror // India Today. 09.10.2000.
- ²⁴ Официальный сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecmt.asp>
- ²⁵ Об этом упоминали, правда, вскользь, еще В.И. Ленин и И.В. Сталин — сразу после крушения надежд большевиков на осуществление социалистических революций в Европе.
- ²⁶ Независимая газета (Москва). 30.03.1999. С. 8.
- ²⁷ Joint Declaration by the Republic of India and the People's Republic of China. 21.11.2006 // Сайт МИД Индии. URL: <http://meaindia.nic.in/declarestatement/2006/11/21jd01.htm>
- ²⁸ Joint Statement on the outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin, President of the Russian Federation to the Republic of India. 25.01.2007 // Сайт МИД Индии. URL: <http://meaindia.nic.in/>
- ²⁹ Ряд экспертов рассматривают Европейский союз как экономического гиганта и политического карлика, чья единственная внешнеполитическая задача — всемерное поддержание устремлений США (речь идет не о конкретных европейских странах, а о ЕС как организации).

СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ КРИЗИС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕЗОЛЮЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

А.В. Ильин, О.Ю. Курныкин

Вводные данные

Нарушение режима ядерного нераспространения Корейской Народно-Демократической Республикой стало одной из самых серьезных международных проблем начала XXI в. Американский политолог Параг Ханна признал, что эта проблема является «наиболее опасной в смысле нагнетания напряжения и сложной для урегулирования»¹. Северокорейские ядерные разработки попали в поле зрения экспертов Организации Объединенных Наций и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в начале 1990-х гг. Первая резолюция Совета Безопасности ООН по данному вопросу была принята в 1993 г. (резолюция 825). С тех пор власти Северной Кореи успели разорвать практически все договоренности с США, Республикой Корея и ООН, провести три испытания ядерного оружия и разработать собственную баллистическую ракетную технологию. ООН ответила принятием еще семи резолюций, постепенно ужесточая экономические санкции и политическое давление на северокорейское правительство.

Восьмого марта 2013 г. власти КНДР денонсировали Договор о перемирии 1953 г., и юридически два государства на Корейском полуострове вновь оказались в состоянии войны. Боевая готовность войск с обеих сторон демаркационной линии достигла предела, что создает риск начала боевых действий. В прессе и аналитических изданиях встречаются самые различные интерпретации происходящего. Одна из полярных позиций — полное отрицание возмож-

ности начала боевых действий. Так, Сукджун Юн утверждает, что испытание северокорейской баллистической ракеты и взрыв третьего ядерного устройства — это способ консолидации и повышения морального духа голодного и обездоленного народа, а также — политический сигнал для США и их союзников, призывающий изменить политическую стратегию в отношении КНДР². Дженнифер Линд, Кейр Либер и Дэрил Пресс в статье в журнале *Foreign Affairs* рассматривают ядерное испытание КНДР именно как испытание — т.е. способ проверки работоспособности новых технологий, а не как политический шаг³.

Член-корреспондент РАН Василий Михеев объясняет провокационные действия Северной Кореи желанием получить новые уступки со стороны США и Южной Кореи и добиться предоставления очередного пакета экономической помощи⁴. Однако в той же самой статье он утверждает, что в случае усиления давления мирового сообщества на КНДР последняя может применить военную силу (пусть и с небольшой долей вероятности). Эксперт Брукингского института Ричард Буш считает, что «в ближайшее время самым опасным сценарием являются ограниченные боевые действия с применением обычного оружия»⁵. Далее в беседе со своим коллегой Джонатаном Поллаком он заявляет следующее: «Мы можем сообщить правительству в Сеуле и правительству в Токио, что, если эти страны будут атакованы Северной Кореей, мы будем готовы применить ядерное оружие как средство обороны». Из чего следует, что любое применение ядер-

ного оружия КНДР (как вариант — даже в результате сбоя или влияния человеческого фактора) автоматически будет означать начало ядерной войны. Мнение исследователя основано на выступлении госсекретаря США Джона Керри, который обозначил эту стратегию как «*продвинутое сдерживание*» (*оригинал. — extended deterrence*)⁶. Озабоченность вероятностью начала ядерной войны вследствие техногенной катастрофы в КНДР — стране с невысоким уровнем развития технологий выражает также научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Константин Асмолов⁷.

Еще одну полярную позицию представляет политолог Александр Птицын, полагая, что разрыв перемирия неизбежно приведет к военной победе Севера над Югом, и в конечном итоге — к значительному усилению позиций Китая в Северо-Восточной Азии⁸. Столь широкий разброс мнений свидетельствует о том, что ни один эксперт сейчас не может точно предугадать дальнейший ход развития событий на Корейском полуострове. В работах с прогнозами по данной проблеме наиболее популярными методами являются системный и сравнительный анализ, конкретно-исторический подход, а также ретроспективный анализ. Преобладание качественных методов демонстрирует, что сценарии развития событий сильно различаются в зависимости от позиции автора, что, впрочем, не приближает нас к истине и не позволяет наглядно просчитать вероятность возобновления Корейской войны.

Целью данной статьи является вычисление траектории развития северо-корейского ракетно-ядерного кризиса в ближайшем будущем (приблизительно два-три года).

Основные задачи:

1. Наглядная демонстрация политического вектора Совета Безопасности ООН в отношении КНДР в период с 1993 по 2013 г. с помощью графиков.

2. Прогностическое продолжение этой траектории на период ближайшего будущего.

Основой исследования послужили два количественных метода: контент-анализ и ивент-анализ. Вместе с тем методологическая база не ограничивается этими двумя методами. Для объяснения, доказательства и дополнения результатов, полученных количественными методами, мы используем метод построения и анализа циклов, а также приведенные выше качественные методы. Объектом анализа стали восемь резолюций Совета Безопасности ООН, принятые с 1993 по 2013 г. с целью сдерживания северо-корейской ракетно-ядерной программы (резолюции: 825, 1695, 1718, 1874, 1985, 2050, 2087, 2094). Также для сравнения доступны резолюции 82 и 83, относящиеся к 1950 г. — времени начала Корейской войны. Полный список резолюций с датами принятия доступен в Приложении 1.

В качестве объекта контент-анализа были выбраны именно резолюции Совета Безопасности ООН, поскольку эти документы отражают консолидированную позицию главных политических игроков в динамичном изменении, начиная с момента первого обострения северо-корейского ядерного кризиса, и заканчивая событиями первого квартала 2013 г. Кроме того, резолюции Совбеза являются «зеркалом» политики самой Северной Кореи, так как в текст всегда вносятся слова осуждения наиболее деструктивных внешнеполитических актов, а в некоторых случаях — и одобрения шагов по сближению в рамках многостороннего переговорного процесса. Из большого числа документов ООН по разоружению и ядерному нераспространению используются именно восемь конкретных резолюций — только эти документы имеют прямое отношение к КНДР и ее политике. Наконец, стандартизация, функциональность и сжатость изложения позиции Совбеза официально-деловым

языком резолюций позволяет четко проследить динамику упоминаний определенных тем в текстах этих резолюций.

Из шести официальных языков ООН для анализа был выбран английский. Выбор обусловлен относительно несложным грамматическим строем данного языка, что упростило подсчет единиц анализа с помощью компьютерных программ *QDA Miner* (версия 4.0.12) и *SimStat* (версия 2.5.8).

Единицей анализа выбрано слово. Обработке подлежали тексты всех восьми резолюций с 1993 по 2013 г., плюс резолюций 82 и 83 (1950). Тексты анализировались без приложений. Отбор слов происходил в три этапа. Во-первых, программа *SimStat* отсеивала слова, не несущие смысловой нагрузки (служебные части речи), большую часть глаголов и существительных общего употребления, оценочные прилагательные. Для каждого слова программа высчитывала процент упоминаний. Во-вторых, отсеивались все слова с упоминанием ниже порога частотности. Этот параметр зависел от объема текста и устанавливался в программе вручную. В самой длинной резолюции 2094 порог был равен 6, в резолюциях 1985 и 2050 было достаточно одного упоминания. В-третьих, авторы вручную исключали из получившегося списка слов те, которые не имели отношения к теме, группировал однокоренные слова, и возвращал в список слова, которые были отсеяны программой, однако несли в себе значительную смысловую нагрузку, либо были синонимичны уже вошедшим в список единицам анализа. Готовый список включал от 26 до 37 самых упоминаемых слов, которые и составляли окончательную выборку.

Единицы анализа были разделены на шесть групп:

1. Упоминания Северной Кореи и Корейского полуострова: *North Korea, DPRK, Korea, Korean*.

2. Упоминания, связанные с оружием и темой ядерного нераспространения.

3. Слова и термины экономической тематики, а также имеющие отношение к мерам, которые были приняты членами Совета Безопасности в ответ на действия КНДР (в том числе санкции): *assets, funds, provisions* и др.

4. Упоминания времени: *April, days* и др.

5. Слова юридической тематики.

6. Упоминания слова *peace* (мир) и производных от него.

В случае если принадлежность слова к определенной группе невозможно было определить однозначно, смысл уточнялся из контекста.

Следует заметить, что все восемь резолюций сильно отличаются друг от друга по объему в печатных знаках. Поэтому отслеживать динамику упоминаний на основании чисто количественных подсчетов было бы необъективно. Программа *SimStat* рассчитывала для каждого слова процент из формируемой выборки. Если суммарная доля слов из шести обозначенных групп (*total percentage*), а также выборки в 26–37 слов (*preselection percentage*) незначительно отличалась от 100%, результаты вносились в итоговую таблицу. Если же расхождения были значительными, применялся повышающий либо понижающий коэффициент. Итоговые таблицы слов по шести группам находятся в Приложении 2. В силу того что слова-единицы анализа относятся к английскому языку, таблицы были выполнены на этом же языке для удобства пользования.

Статистика доли слов определенной группы в выборке была отражена на графиках. Колебания показателей позволяют отследить во времени изменения в политике Совета Безопасности ООН, и прежде всего — его пяти постоянных членов, по вопросу ядерной программы КНДР. Выводы о траектории развития этой политики в ближайшем будущем также были сделаны на основе полученных количественных данных.

Вторым методом исследования является инвент-анализ. В данном случае бы-

ло произведено два подсчета. Во-первых, были измерены промежутки между принятием каждой предыдущей и последующей резолюции (в днях) — всего 7 промежутков. Во-вторых, была рассчитана «скорость реагирования» Совбеза в ситуациях обострения кризиса. Из большого числа событий, имевших место в период течения кризиса, наиболее значимые были выбраны как *сигнальные* (т.е. те, которые послужили сигналом к разработке и принятию резолюции). Так, сигнальным событием к принятию резолюции 1718 (14.10.2006 г.) стало первое испытание ядерного устройства в Северной Корее (09.10.2006 г.). Таким образом, Совбез отреагировал за 5 дней. Параметр был рассчитан в шести случаях, за исключением резолюций 1985 и 2050, которые в большей степени имеют отношение не к реакции на действия КНДР, а к работе экспертной группы. Список основных и сигнальных событий приведен в Приложении 1.

Тексты резолюций Совета Безопасности 82 и 83 были проанализированы по вышеописанной схеме. Однако

ключевые слова были объединены только по трем темам:

1. Военная тематика и ответные меры.
2. Юридические термины.
3. Тематика времени.

Промежуточные результаты анализа доступны в Приложении 2 в виде таблиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Все результаты контент- и ивент-анализа были систематизированы в виде графиков.

Начнем с упоминаний Северной Кореи.

График на рис. 1 показывает, что уровень упоминания КНДР как государства и территории не совершал резких колебаний на всем временном отрезке. Исключение составляют резолюции 1985 и 2050, однако в этих текстах рассматривается работа экспертной группы, а ссылки производятся не на действия КНДР, а на предыдущие резолюции Совбеза и решения самой экспертной группы. Результат этой части исследования говорит,

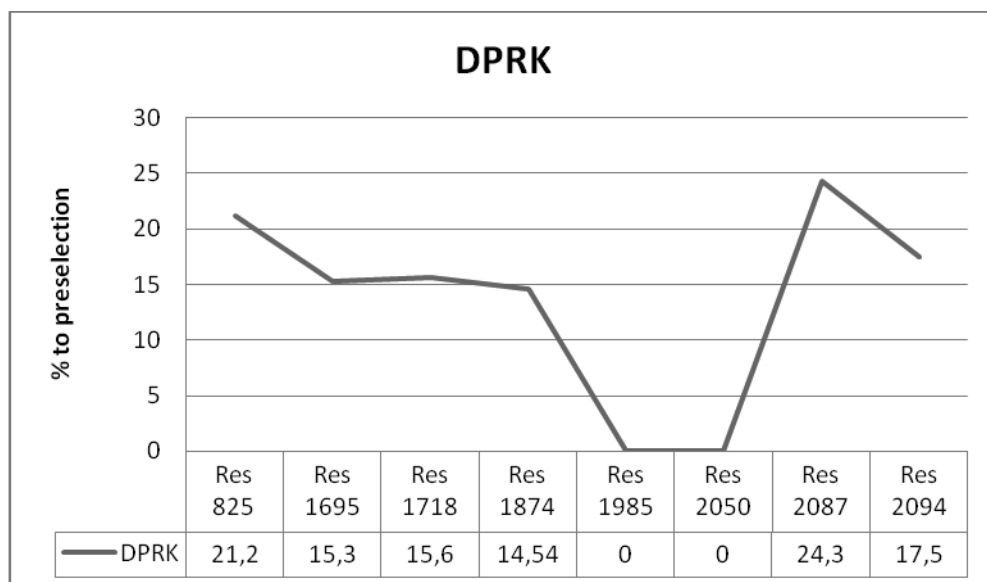

Рис. 1. Упоминания северокорейской тематики

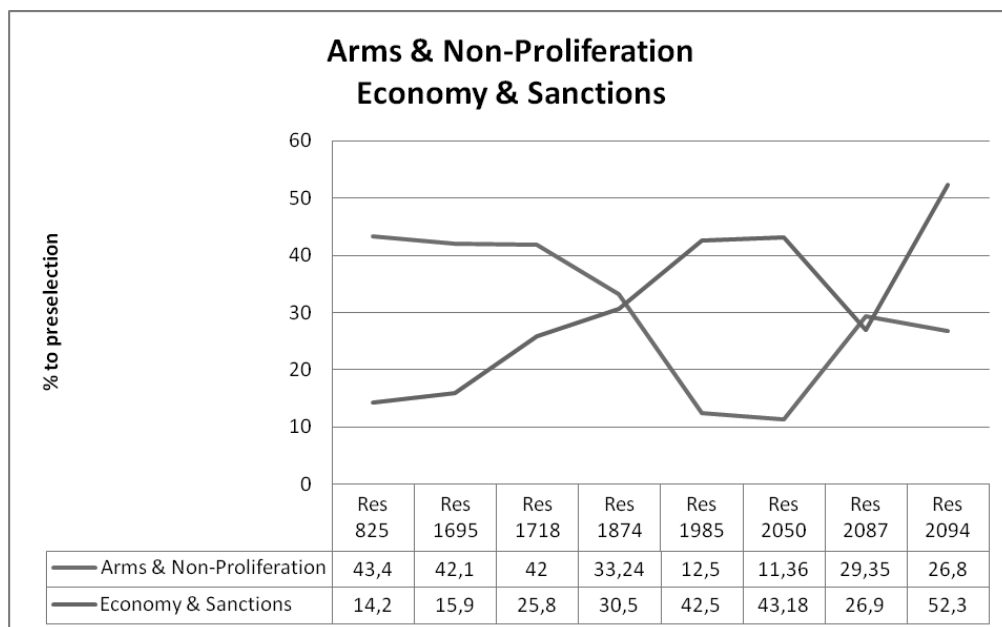

Рис. 2. Упоминания тематики оружия, ядерного нераспространения, экономики и санкций

что политический вес Пхеньяна остается достаточно стабильным, а акции демонстрации силы в лучшем случае позволяют поддерживать его на прежнем уровне. Кривая показывает, что скачок упоминаний в резолюции 2087 (22 января 2013 г.) был кратковременным явлением. Военный и политический престиж КНДР начал проявлять черты мыльного пузыря: будучи слишком сильно раскачанным в течение трех плотно следовавших друг за другом событий (пуск ракеты Ынха-3 12 декабря 2012 г., третье ядерное испытание 12 февраля 2013 г., денонсация Договора о перемирии 8 марта 2013 г.), он пошел на спад. Это подтверждает и другой факт. По прошествии полутора месяцев с момента разрыва перемирия Совет Безопасности так и не осудил данный шаг, рассчитанный на безусловную эскалацию конфликта. Это определенно означает, что *Ким Чен Ын утратил способность привлекать внимание мировой политической элиты тогда, когда ему это требуется*.

Второй график (рис. 2) показывает значительные колебания двух наиболее важных показателей. В первых трех резолюциях доля военно-ядерной тематики доминировала, и составляла более 40% выборки. Однако с установлением режима финансово-экономических санкций в 2006 г. ООН стала работать над повышением их эффективности. К моменту принятия резолюции 1874 шок от осознания обретенного Северной Кореей ядерного статуса стал спадать, а доли военной и экономической тематики сравнялись. Совет Безопасности перешел к планомерной работе с экспертной группой, понимая, что успешное выстраивание политики санкций — сложный процесс. Эта прагматичная позиция находит подтверждение в словах Ричарда Буша: «...санкции начинают оказывать ощутимый эффект только по прошествии длительного периода времени» (оригинал. — Sanctions require a long period of time to “bite”)⁹. И здесь необходимо перейти к рассмотрению категории времени.

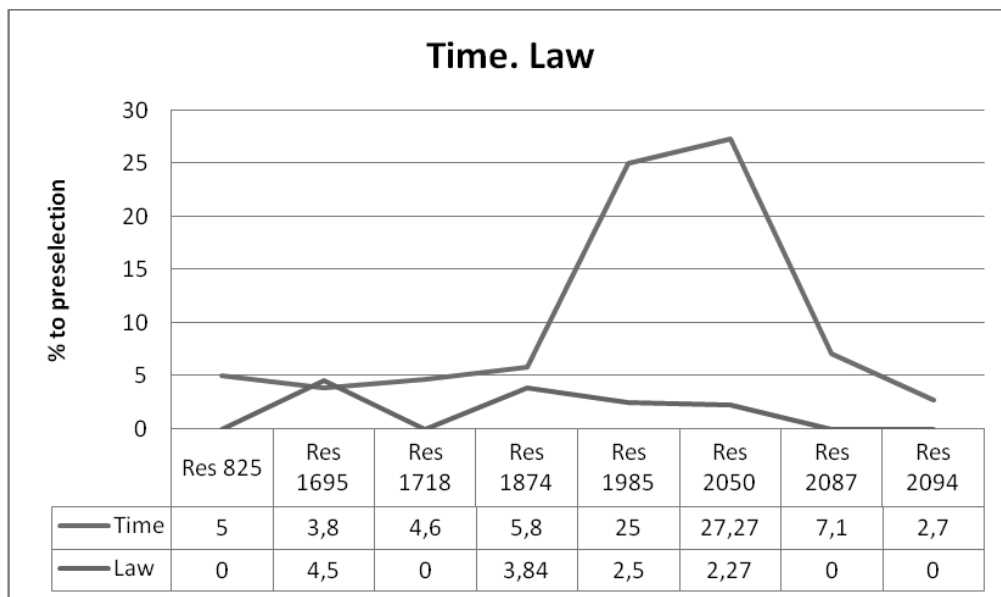

Рис. 3. Упоминания времени и юридической тематики

Частое упоминание слов, имеющих отношение к течению времени, может свидетельствовать о том, что страны-члены Совбеза ощущают необходимость скорейшего принятия мер по нейтра-

лизации корейской ракетно-ядерной угрозы, а также стремлении выполнить разработанные планы точно в срок. Последнее заметно в резолюциях 1985 и 2050 — в данном случае их тоже можно

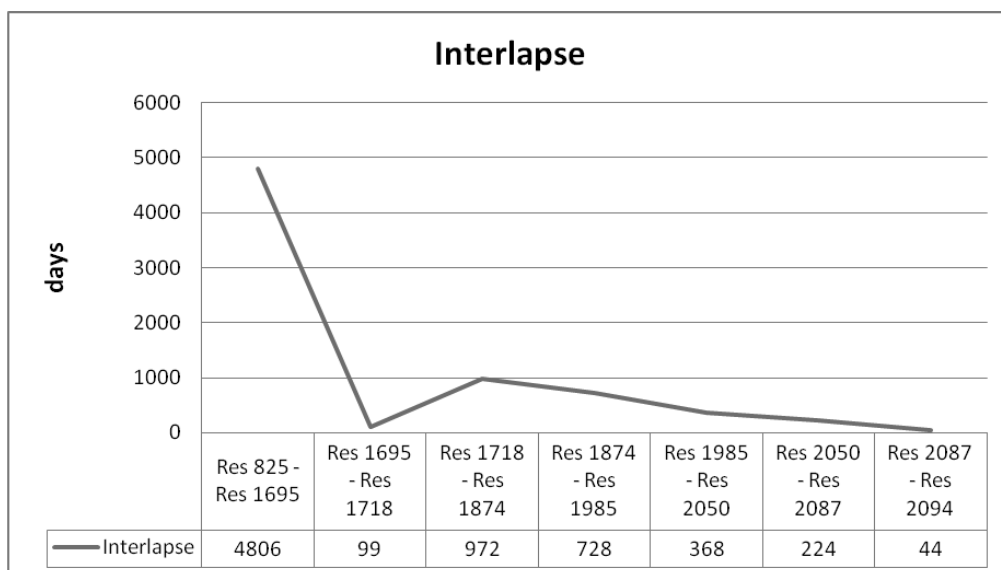

Рис. 4. Промежуток между принятием резолюций (в днях)

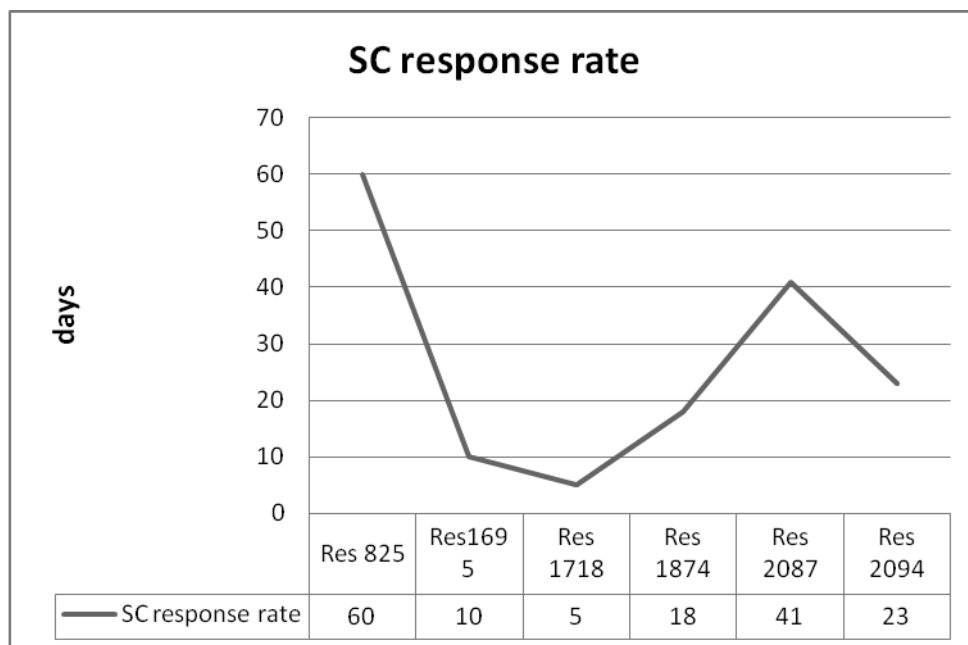

Рис. 5. Скорость реагирования Совета Безопасности на сигнальные события

относительно исключений. В то же время снижение частоты упоминания показывает, что страны-члены Совета Безопасности перестают чувствовать себя запертыми в узких временных рамках, и осознают, что в краткосрочной перспективе значительного усиления угрозы региональной и международной безопасности не предвидится. Иными словами, ощущение «времени, которое работает против Совбеза» тоже меняется от резолюции к резолюции. На отрезке между двумя последними резолюциями 2087 и 2094 показатель значительно снижается. Напрашивается вывод, что члены Совбеза почувствовали большую уверенность в наличии у них запаса времени. Тем не менее, рассмотрев результаты инвентаризации, можно заметить, что они противоречат этому умозаключению. Итак, посмотрим на рис. 4 и рис. 5.

С 2006 г. интервал между каждой предыдущей и последующей резолюцией постоянно сокращается. Это свидетельствует о сжатии времени приме-

нительно к северокорейской ядерной проблеме и сопутствующим переговорам. Получается, что Совбез вынужден все чаще обращать внимание именно на данный конкретный аспект международной безопасности. Как уже было сказано, эта реакция достаточно просто поддается количественному анализу. Самый быстрый оклик получили события 2006 г.: массовый запуск северокорейских ракет с последующим падением в море (5 июля 2006 г.) и первое испытание ядерного заряда (9 октября 2006 г.). 10 и 5 дней соответственно. Однако даже эта реакция не соответствует стандартам военного времени, поскольку резолюция 82 была принята в тот же самый день, когда началась Корейская война (25 июня 1950 г.). После 2006 г. времени на подготовку каждой новой резолюции уходило больше. Снижение скорости реакции можно было бы объяснить наличием труднопреодолимых разногласий в ходе переговоров. Вместе с тем единогласное голосование за каждую из резолюций

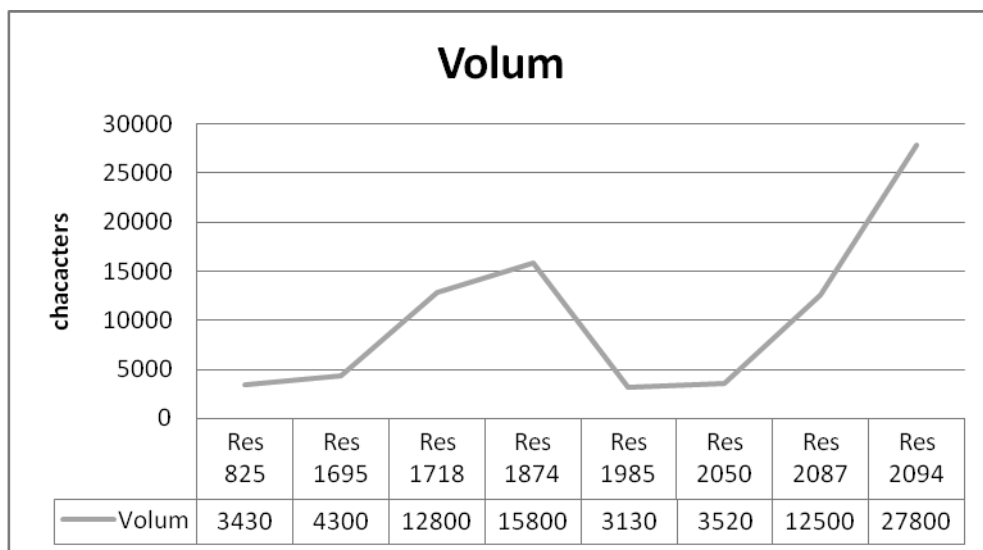

Рис. 6. Объем резолюций СБ ООН по КНДР (в печатных знаках)

опровергает этот тезис. Следовательно, данные графика на рис. 5 подтверждают другой тезис: *наибольшее беспокойство по поводу северокорейской ядерной угрозы мировое сообщество испытало в 2006 г.*

К 2009 г., когда руководство КНДР решило провести второе испытание ядерного устройства, ООН и Совет Безопасности уже смогли пережить первоначальный шок, который никогда более не повто-

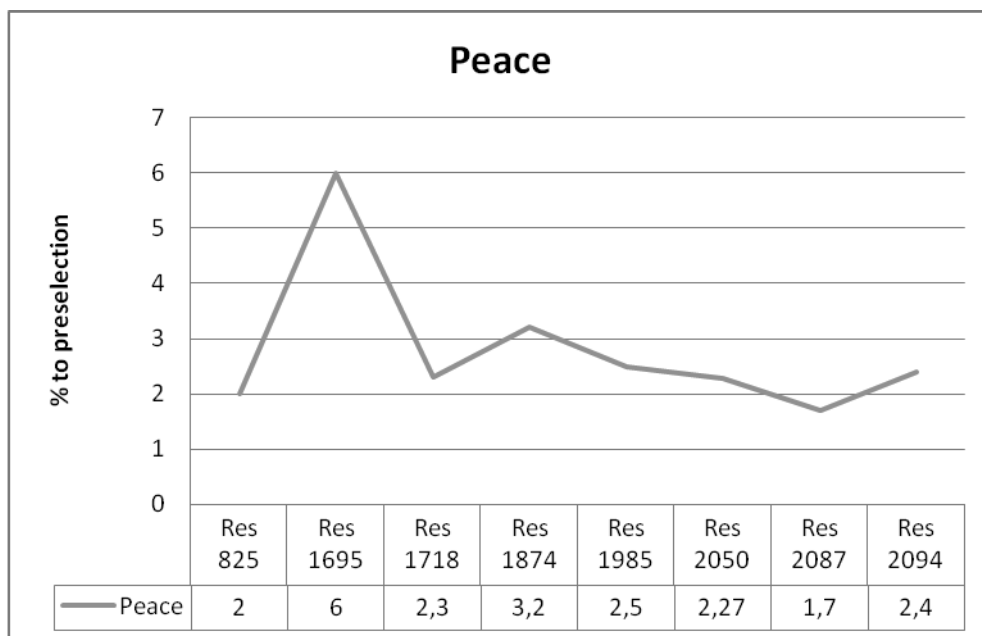

Рис. 7. Упоминания слова *peace* и производных от него

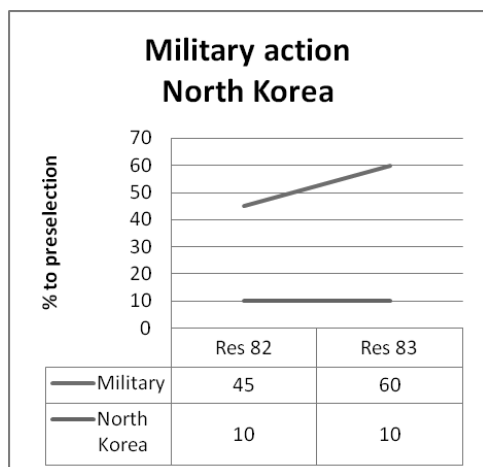

Рис. 8

рялся с прежней остротой. По этой причине скорость отклика в остальных случаях составляла от 18 до 41 дня. Развитие событий после 8 марта 2013 г. можно рассматривать как замедление реакции Совбеза, поскольку по прошествии более одного месяца он так и не отреагировал на разрыв КНДР Договора о перемирии 1953 г. Объем текстов самих резолюций также возрастал: для последней резолюции 2094 он стал рекордным (см. рис. 6). Значит, члены Совета Безопасности отчетливо осознают, что на данном этапе кризиса (следует отметить — весьма затянувшегося) северокорейское правительство не осуществляет непосредственных приготовлений к активной фазе конфликта, и его действия не будут выходить за рамки словесных угроз. Следовательно — есть достаточно времени, чтобы продумывать ответные шаги, оценивать эффективность предыдущих санкций, тщательно выверять новые и включать все это в объемные тексты резолюций.

Рассмотрим оставшиеся группы анализа: упоминания юридической тематики, а также темы мира и мирного разрешения конфликтов (*peace*) — рис. 3 и рис. 7, соответственно. Частота упоминания этих двух категорий сама по себе невысока. Более того, из последних двух резолю-

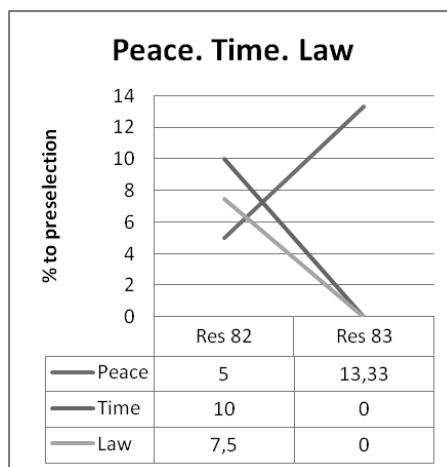

Рис. 9

ций (2087 и 2094) юридические термины исчезают практически полностью (их заменяют ссылки на предыдущие резолюции). Вывод здесь один: эти группы слов несут сравнительно небольшую смысловую нагрузку. Совбез сосредоточился на борьбе с ракетно-ядерной угрозой путем экономических санкций, и отстаивание неких международно-правовых идеалов в его резолюциях получает чисто процедурный характер.

Для общего сравнения полученных результатов можно использовать графики, полученные при анализе резолюций 82 и 83, относящихся к моменту начала Корейской войны (1950), — рис. 8 и рис. 9.

Здесь можно заметить, что крупнейшая доля слов в выборке относится к военной тематике. Сопоставляя данные анализа резолюций 82 и 83 (1950), и восьми резолюций 1993–2013 гг., мы рассчитали пороговый показатель упоминаний военной и ядерной тематики. В группе «резолюций мирного времени» его максимальное значение равняется 43,4%, в «военной» резолюции 82 (25 июня 1950 г.) — 45%, и на следующий день в резолюции 83 возрастает до 60%. Исходя из этого, пороговый показатель можно принять равным в 44%. Зна-

чит, пока доля упоминаний темы оружия и ядерной программы не превышает 44% от выборки, перехода конфликта в вооруженную фазу ожидать не следует. Особенно в ситуации, когда доля таких упоминаний в текстах резолюций постепенно снижается.

Выводы и прогноз

Произведя вычисления количественных показателей в текстах резолюций и дав им качественную оценку, а также оценив общую политико-экономическую ситуацию в Северо-Восточной Азии, мы можем построить прогноз развития северо-кореянского ракетно-ядерного кризиса на обозримую перспективу. В процессе анализа были выявлены четыре наиболее значительные категории: *престиж КНДР* на мировой арене, *тематика оружия и ядерной программы*, *тематика финансово-экономических санкций* и *тема времени*. Основные выводы таковы:

1. Наличие у КНДР военной ядерной технологии и разработок баллистических ракет средней дальности и не очень высокой надежности — свершившийся факт, трезво воспринимаемый мировым сообществом. Внимание Совета Безопасности ООН к этой теме ослабевает, поскольку демонстрация Северной Кореей военной силы все больше оценивается как политический инструмент.

2. Совет Безопасности избрал метод финансово-экономических санкций как основу стратегии давления на КНДР, и останется ему верен.

3. Слишком быстрое развитие событий вызывает все меньше опасений. Какие бы жесткие угрозы и требования ни выдвигал Пхеньян к США и их союзникам, последние тяготеют к тому, чтобы давать взвешенные и продуманные ответы.

4. Развитие событий по военному сценарию маловероятно. Вектор развития кризиса направлен в противоположную сторону.

Если перечисленные выводы обобщить в одном простом предложении, оно будет звучать так: *время работает против Северной Кореи*. Исследователи отмечают, что траектория развития ядерной проблемы циклична. Об этом, в частности, писали Илья Дьячков¹⁰ и Георгий Толорая¹¹. Здесь следует сделать два уточнения. Во-первых, в политике и экономике не существует идеальных замкнутых циклов. То, что внешне кажется циклом, на самом деле является спиралью, причем с изменчивым радиусом, который расширяется и сужается в зависимости от охваченных кризисом территорий и круга участников процесса. Кривая движется вверх или вниз в зависимости от роста или падения потенциала конфликтности. Во-вторых, в схему цикла-спирали вписывается и экономическое развитие КНДР.

С момента распада СССР экономика Северной Кореи развивалась по следующему сценарию: спад — попытки реформ — неудача — наказание виновных (чаще всего посредством смертной казни) — решение проблемы за счет внешней среды (займы, привлечение инвестиций, гуманитарной помощи). Через некоторое время, когда кризисные явления в закрытой рыночной экономике снова возрастали, а источники внешней помощи приближались к точке истощения, руководство страны опять начинало искать способы оживления национального хозяйства. Заново запускались механизмы мягкого (экономическая привлекательность — сюда можно включить выделение специального промышленного региона Кэсон, развитие которого финансируется южнокорейскими компаниями) или жесткого (прямой политический шантаж и военные угрозы с целью добиться возобновления сотрудничества на более выгодных для КНДР условиях) привлечения иностранных ресурсов. Вместе с тем короткие всплески обновления вновь сменялись продолжи-

тельными периодами застоя и упадка. К тому же радиус спирали сужается — пусть экономические санкции и не оказывают решающего воздействия на экономику КНДР, они все же ограничивают ее возможности. Более того, присоединение Китая к последним решениям Совбеза свидетельствует о растущем дистанцировании Пекина от Пхеньяна.

Отчеты международных правозащитных организаций говорят о том, что страна вновь сталкивается с событиями, аналогичными жестокому голоду 1990 г.¹², который унес жизни около 2 млн человек¹³. История повторяется, и теперь северокорейские власти вынуждены признавать рост зарегистрированных актов каннибализма¹⁴. Если сравнивать циклические развития КНДР с судьбой ее «покойного старшего брата» СССР, то можно заметить, что периоды кризиса и лишений в Советском Союзе сменялись периодами возрождения и роста. Нэп после Гражданской войны, массовые жилые застройки Хрущева, освоение целины — все это давало не только моральную поддержку, но и приносило реальный продукт, который потребляло население СССР. Ничего подобного в КНДР мы не видим. Можно предположить, что население там деморализовано сильнее, и режим держится только за счет противостояния «образу врага». Последняя серия угрожающих внешнеполитических жестов Ким Чен Ына — это попытка быстро и решительно переломить ситуацию в свою пользу. Суть сегодняшнего противостояния также и в том, что активные и затратные действия КНДР вызывают пассивную реакцию Запада. Ведь, в сущности, санкции — это пассивное средство борьбы, меры с частицей НЕ: не торговать, не допускать, не взаимодействовать. Они далеко не так затратны, как военные программы КНДР, потребляющие до половины бюджета страны.

Время работает против Северной Кореи. Анализ показывает, что санкции ста-

ли основным методом в северокорейской политике Совбеза. Некоторые исследователи полагают, что ядерное испытание 12 февраля 2013 г. — это повод для мирового сообщества сменить стратегию и перейти к фазе активной дипломатии¹⁵. Возможно, на это рассчитывал и сам Ким Чен Ын. Однако его решение о денонсации 8 марта 2013 г. Договора о перемирии с Республикой Кореей было опрометчивым, и окончательно подтвердило впечатление о КНДР как о стране, которая не чтит старые договоренности и с которой бесполезно заключать новые.

Второе и третье ядерные испытания — это своего рода точки отсчета на витках спирали северокорейского кризиса. В среднем между ними проходило 3,5 года. Но в последние месяцы правительство КНДР предприняло еще два шага, равнозначных по силе воздействия на США и страны антисеверокорейской коалиции. Что, в общем-то, уплотнило течение времени, но не возымело ожидаемого эффекта. Вполне возможно, что к 2016 г. (окончание предполагаемого четвертого цикла) руководство КНДР рассчитывает сообщить своему народу об успешном получении компактного и более мощного ядерного заряда, который можно будет установить на новейшую межконтинентальную баллистическую ракету, чтобы окончательно защитить себя от угрозы «американских империалистов». По всей видимости, этого не произойдет. Кризис идеологии чужде очевиден уже много лет, а методика жесткого привлечения внешних ресурсов перестает работать. Вероятнее всего, **коллапс северокорейского правящего режима случится к концу апреля 2015 г.** — в середине четвертого цикла. Страна в очередной раз отпразднует день рождения Вечного президента Ким Ир Сена (15 апреля), на что будут потрачены значительные ресурсы. В то же самое время скудные запасы продовольствия, истощенные в зимне-весенний период, полностью иссякнут.

Заключение

Сделав выводы, авторы не смогли обойти стороной вопрос о выдвижении собственных рекомендаций. Что же следовало бы предпринять мировому сообществу, дабы избежать как боевых действий, так и хладнокровного слома северокорейского режима методом экономической блокады? Ответ довольно прост. Поскольку власти Северной Кореи активно отстаивают свое право на обладание ядерным оружием в целях «защиты суверенитета страны и достоинства нации» от вторжения США¹⁶, необходимо лишить Пхеньян этого основания. То есть не отвечать на военные угрозы наращиванием собственных вооружений, снять все санкции, но также свернуть все программы экономической помощи, предоставив адептам чучхе возможность жить в соответствии со своими собственными возможностями. Да, Северная Корея сможет таким образом освободиться от давления извне. Тем не менее никто не защитит ее от нее самой. Никто и ничто не станет осаждать крепость, кроме ее собственных глухих стен. Клан Кимов давно осознал, что закрытая экономическая система ущербна и придать ей импульс развития можно только путем расширения контактов с внешним миром. Однако опыт СССР показал,

что это будет стоить правящей верхушке ее властных полномочий. Поэтому режим санкций в значительной мере остается выгодным и для руководства КНДР.

Разумеется, за введением в действие сценария «*корейского ноля*» последует экономический спад в самой КНДР, и Пхеньяну придется пересматривать свою внутреннюю и внешнюю политику. Вся проблема в том, что такая Северная Корея никому не интересна. По словам Константина Асмолова, «*демонизированная КНДР является хорошим поводом для американского военно-политического присутствия в регионе*»¹⁷. И сдерживают США уже не Корею, а Китай. Сам же Китай еще меньше заинтересован в болезненной трансформации КНДР, что неизбежно приведет к экономической и гуманитарной нестабильности на его границах. Но даже если Корея воссоединится под знаменем юга, это не будет окончанием политического кризиса. Не важно, существует северокорейский режим или нет. Территория Корейского полуострова вновь превращается в арену большой игры США, Китая, России и Японии за господство в Северо-Восточной Азии. И судьба бедного государства с ВВП в \$33 млрд вряд ли сможет стать ключевым звеном в этом сюжете.

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ

Список резолюций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР

В таблице отражены номера резолюций, даты принятия и статистика голосования (указано количество голосов за, против и воздержавшихся). Также приводится объем каждой резолюции в печатных знаках.

Резолюция	Дата	Голосование			Объем, знаков
		За	Воздерж.	Против	
S/Res/82	25.06.1950	9	1	0	2250
S/Res/83	26.06.1950	7	0	1	1100
S/Res/825	11.05.1993	13	0	0	3430
S/Res/1695	15.07.2006	15	0	0	4300
S/Res/1718	14.10.2006	15	0	0	12800

S/Res/1874	12.06.2009	15	0	0	15800
S/Res/1985	10.06.2011	15	0	0	3130
S/Res/2050	12.06.2012	15	0	0	3520
S/Res/2087	22.01.2013	15	0	0	12500
S/Res/2094	07.03.2013	15	0	0	27800

Список основных событий Северокорейского кризиса

В таблицу включены основные события северокорейского военно-политического кризиса. Символом * отмечены так называемые «сигнальные события» — действия руководства КНДР, которые стали главной причиной принятия Советом Безопасности ООН ответной резолюции. Более подробно механизм действия сигнальных событий описан во введении.

Дата	Событие	Ответ СБ ООН
25.06.1950	Начало Корейской войны	
27.07.1953	Подписание Договора о перемирии	
12.03.1993	Заявление КНДР о выходе из ДНЯО*	S/Res/825
10.01.2003	Выход КНДР из ДНЯО	
10.02.2005	Правительство Северной Кореи объявило страну ядерной державой	
05.07.2006	Массовое ракетное испытание с территории КНДР*	S/Res/1695
09.10.2006	Первое ядерное испытание*	S/Res/1718
30.01.2009	Разрыв всех соглашений с Южной Кореей	
25.05.2009	Второе ядерное испытание*	S/Res/1874
12.12.2012	Успешное испытание ракеты Ынха-3*	S/Res/2087
12.02.2013	Третье ядерное испытание*	S/Res/2094
08.03.2013	Денонсация Договора о перемирии 1953 г.	

* — сигнальное событие.

Приложение 2

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Здесь представлены таблицы со списками слов-единиц анализа, объединенных в группы в соответствии с их смысловой нагрузкой. Механизм отбора единиц анализа описан во введении. Для каждой резолюции указан объем в печатных знаках (characters, ch.), и минимальное количество упоминаний в тексте для единицы анализа (min).

Security Council Resolution 825 (1993)

3430 characters min=2

North Korea			Measures			Arms & Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	18	16.1	consultations	2	1.8	IAEA	12	10.7
Korea(n)	3	2.7	efforts	2	1.8	treaty	8	7.1
Total	20	18.8	implementation	2	1.8	nuclear	7	6.3
			obligations	2	1.8	safeguards	6	5.4

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Security	7	6.3	required	2	1.8	agreement	5	4.5
Peace	2	1.8	resolving	2	1.8	proliferation	3	2.7
		2	solution	2	1.8	weapons	2	1.8
			Total	14	12.6	Total	43	38.5
Time								
April	3	2.7	Total percentage			rate= 1.13	T	5
March	2	1.8	Preselection per-		88.8	DPRK 21.2	M	14.2
Total		4.5	centage			A&NP 43.4		

Security Council Resolution 1695 (2006)

4300 ch. min=2

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	15	11.5	missile(s)	13	10	nuclear	9	6.9
Korea(n)	5	3.8	weapon(s)	7	5.4	proliferation	5	3.8
Total	20	15.3	launch(es/ed/ing)	7	5.4	atomic	2	1.5
			ballistic	4	3.1	biological	2	1.5
Security	6	4.6	Total	31	23.9	chemical	2	1.5
Peace(ful)	8	6	Total A&NP	55	42.1	materials	2	1.5
P&S	9	6.9				safeguards	2	1.5
						Total	24	18,2
Law			Economy			Measures		
law	2	1.5	stability	3	2.3	efforts	3	2.3
legal	2	1.5	goods	2	1.5	implementation	3	2.3
legislation	2	1.5	Total	5	3.8	exercise	2	1.5
Total	6	4.5	Total Sanctions	21	15.9	maintaining	2	1.5
						moratorium	2	1.5
Total percentage		93.8	Time	5	3.8	prevent	2	1.5
Preselection per-		99.1				solution	2	1.5
centage						Total	16	12.1

Security Council Resolution 1718 (2006)

12 800 ch. min=5

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	30	12	weapon(s)	19	7.6	nuclear	21	8.4
Korea(n)	4	1.6	missile(s)	8	3.2	proliferation	10	4
Total	34	13.6	ballistic	6	2.4	treaty	8	3.2
		15.6	test	6	2.4	IAEA	5	2
			Total	31	15.6	materials	5	2
			Total A&NP	84	36.8	technology	4	1.6

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

					42	Total	53	21.2
Economy			Measures			Time		
assets	6	2.4	measures	11	4.4	October	6	2.4
financial	6	2.4	provision(s)	7	2.8	days	4	1.6
resources	6	2.4	Total	18	7.2	Total	10	4
economic	5	2	Total Sanctions	56	22.4			4.6
entities	5	2			25.8			
funds	5	2	Total percentage		86.2	Security	15	6
goods	5	2	Preselection per- centage		86.4	peace	5	2
Total	38	15.2				rate = 1.15		2.3

Security Council Resolution 1874 (2009)

15 800 ch. min=5

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	29	11.7	weapons	11	4.4	nuclear	18	7.3
Korea(n)	4	0.4	arms	7	2.8	NPT	11	4.4
Total	33	12.1	missile(s)	6	2.4	IAEA	5	2
		14.52	test	6	2.4	proliferation	5	2
			Total	30	12	Total	39	15.7
			Total A&NP	69	27.7			
			33.24					
Economy			Measures			Time		
financial	11	4.4	measures	16	6.5	April	6	2.4
transfer	6	2.4	implementation	7	2.8	days	6	2.4
cargo	5	2	efforts	6	2.4	Total	12	4.8
export	5	2	provisions	5	2			5.8
sale	5	2	Total	34	13.7	Law:		
services	5	2	Total Sanctions	76	30.5	obligations	8	3.2
supply	5	2			36.6	Security	11	4.4
Total	42	16.8	Total percentage		81	peace	7	2.8
			Preselection percentage		85.5	rate=1.2		3.2
						Law 3.84	Sec	5.28

Security Council Resolution 1985 (2011)

3130 ch. min=1

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
Total	0	0	biological	1	2.5	nuclear	1	2.5
Economy	0	0	chemical	1	2.5	proliferation	1	2.5
Law			weapons	1	2.5	Total	2	5
Charter	1	2.5	Total	3	7.5	Total A&NP	5	12.5
Measures						Time		

mandate	4	10	implementation	1	2.5	June	3	7
program	3	7.5	mechanisms	1	2.5	days	2	5
measures	2	5	monitoring	1	2.5	November	2	5
sanctions	2	5	supplying	1	2.5	April	1	2.5
termination	2	5				December	1	2.5
Total	17	42.5				October	1	2.5
						Total	10	25
Security	5	12.5	threat	1	2.5			
peace	1	2.5	Peace & Security	7	17.5			

Security Council Resolution 2050 (2012)

3520 ch. min=1

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
Total	0	0	biological	1	2.27	nuclear	1	2.27
Economy	0	0	chemical	1	2.27	proliferation	1	2.27
Law			weapons	1	2.27	Total	2	4.54
Charter	1	2.27	Total	3	6.8	Total A&NP	5	11.36
Measures						Time		
mandate	5	11.36	action	1	2.27	June	3	6.8
programme	3	6.8	implementation	1	2.27	April	2	4.54
measures	2	4.54	mechanisms	1	2.27	days	2	4.54
sanctions	2	4.54	monitoring	1	2.27	November	2	4.54
termination	2	4.54	supplying	1	2.27	July	1	2.27
Total	19	43.18				December	1	2.27
						October	1	2.27
Security	5	11.36	threat	1	2.27	Total	12	27.27
peace	1	2.27	P&S	7	15.9			

Security Council Resolution 2087 (2013)

12 500 ch. min=5

North Korea			Arms			Special		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	36	15.1	missile(s)	12	5	technology	11	4.6
Korea(n)	16	6.7	ballistic	11	4.6	space	7	2.9
Pyongyang	6	2.5	weapons	8	3.4	machinery	5	2.1
Total	58	24.3	conventional	6	2.5	Total	23	9.6
			launch(es/ing)	10	4.25			
			Total	47	19.75	Total A&Sp	70	29.35
Economy			Measures			Time		
corporation	14	5.9	measures	12	3.1	April	12	5

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

bank	11	4.6	provisions	7	2.9	December	5	2.1
financial	7	2.9	Total	19	6	Total		7.1
trading	7	2.9	Total Sanctions		26.9			
goods	6	2.5				peace(ful)	4	1.7
exporter	5	2.1	Total percentage		86	Security	5	2.1
Total	50	20.9	Preselection per-centage		97			

Security Council Resolution 2094 (2013)

27 800 ch. min=6

North Korea			Arms			Non-proliferation		
	N	%		N	%		N	%
DPRK	47	14.2	ballistic	13	3.9	nuclear	23	7
Korea(n)	11	3.3	missile(s)	13	3.9	NPT	6	1.8
Total	58	17.5	test	9	2.7	proliferation	5	1.5
			weapons	8	2.4	Total	34	10.3
			aircraft	7	2.1			
			arms	5	1.5	Total A&NP	89	26.8
			Total	55	16.5			
Economy			Measures			Time		
financial	15	4.5	measures	39	11.8		9	2.7
entities	13	3.9	prohibited	15	4.5			
cash	7	2.1	apply	13	3.9	Security	11	3.3
contribute	7	2.1	individuals	12	3.6	Peace(ful)	8	2.4
supply	7	2.1	sanctions	12	3.6			
transfer	7	2.1	evasion	8	2.4			
goods	6	1.8	prevent	7	2.1	Total percentage		105
Total	62	18.6	provision	6	1.8	Preselection per-centage		100
Total Sanctions	174	52.3	Total	112	33.7			

Security Council Resolution 82 (1950)

2250 ch.

Measures	N	%	Military	N	%	Law		
execution	2		forces	3		independence	1	
control	1		armed	2		jurisdiction	1	
refrain(ed)	2		action	1		lawfully	1	
Total	5	12.5	attack	1		Total	3	7.5
			conflict	1				
Security	4	10	hostilities	1		Time		

Peace, safety	2	5	menaces	1		October	2	
North Korea	4	10	military	1		temporary	2	
			withdraw(al)	2		Total	4	10
Mes & military		45	Total	13	32.5			

Security Council Resolution 83 (1950)

1100 ch.

	N	%		N	%
North Korea	3	10	Security	4	13.33
Military	14	46.66	Peace	4	13.33
Measures	4	13.33			
furnish	1		War (total)	18	60
measures	1				
repel	1				
secure	1				

Список литературы

1. Ханна П. Как управлять миром / П. Ханна. М. : Астрель, 2012.
2. Sukjoon Yoon. Why Was North Korea In Such a Hurry with its Missile and Nuclear Tests? The Challenges for 2013 and Beyond // Pacific Forum CSIS. 06.03.2013.
3. Lind J., Lieber K.A., Press D.G. Pyongyang's Nuclear Logic. // Foreign Affairs. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138933/jennifer-lind-keir-a-lieber-and-daryl-g-press/pyongyangs-nuclear-logic> (access date: 20.04.2013).
4. А если пульт? Ядерная угроза, исходящая от Северной Кореи, становится реальной // Московские новости. 18.02.2013. URL: http://mn.ru/politics_foreign/20130218/337794070.html (дата обращения: 20.04.2013).
5. Bush III R.C. UN Sanctions, North Korean Threats. Brookings Institute. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/03/07-un-sanctions-bush> (access date: 20.04.2013).
6. N. Korea Warned US, as Kerry Faces First Crisis. Global Post. 20.04.2013. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/afp/130212/n-korea-warned-us-kerry-faces-first-crisis> (access date: 20.04.2013).
7. Асмолов К.В. Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии / К.В. Асмолов // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.
8. Птицын А.В. Выстрелов еще нет, но формально на Корейском полуострове уже война / А.В. Птицын // Око планеты. 09.03.2013. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/170847-articyn-vystrelov-esche-net-no-formalno-na-koreyskom-poluostrove-uzhe-voyna.html> (дата обращения: 20.04.2013).
9. Дьячков И.В. Влияние ядерной проблемы КНДР на безопасность в Северо-Восточной Азии / И.В. Дьячков // Вестник ТГУ. 2012. № 5 (109).
10. Толорая Г.Д. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика / Г.Д. Толорая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5.
11. Mass-Starvations in North Korea. North Korea Now: A Global Awareness Program for Human Rights in North Korea. URL: <http://www.northkoreanow.org/the-crisis/mass-starvations-in-north-korea/> (access date: 20.04.2013).
12. Sakiko Fukuda-Parr and Richard Ponzio. Governance: Past, Present, Future. Setting the Governance Agenda for the Millennium Declaration. Draft Paper for Fourth Global Forum: Dialogue and Partnerships for the Promotion of Democracy and Development. December, 2002, Morocco.
13. Fisher M. The Cannibals of North Korea. // The Washington Post. 5.02.2013. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/02/05/the-cannibals-of-north-korea/> (access date: 20.04.2013).
14. Мусич Е. Зачем КНДР новое ядерное испытание? / Е. Мусич // Modern Politics. 26.02.2013. URL: <http://modernpolitics.ru/2013/02/zachem-kndr-novoe-yadernoe-ispytanie/> (access date: 20.04.2013).

15. N Korea Statement on Nuclear Test // BBC News. 03.10.2006. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/5402292.stm> (access date: 20.04.2013).

16. Асмолов К.В. Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.

¹ Ханна П. Как управлять миром. М.: Астрель, 2012. С. 173 [Khanna P. Kak upravlyat' mirom. M.: Astrel'. 2012. P. 173].

² Sukjoon Yoon. Why Was North Korea In Such a Hurry with its Missile and Nuclear Tests? The Challenges for 2013 and Beyond // Pacific Forum CSIS. 06.03.2013.

³ Lind J., Lieber K.A., Press D.G. Pyongyang's Nuclear Logic. // Foreign Affairs. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/138933/jennifer-lind-keir-a-lieber-and-daryl-g-press/pyongyangs-nuclear-logic> (access date: 20.04.2013).

⁴ А если пухнет? Ядерная угроза, исходящая от Северной Кореи, становится реальной // Московские новости. 18.02.2013. URL: http://mn.ru/politics_foreign/20130218/337794070.html (дата обращения: 20.04.2013) [A chto esli pul'net? Yadernaya ugroza, iskhodyashaya ot Severnoj korei, stanovitsya real'noj // Moscovskie novosti. 18.02.2013. URL: http://mn.ru/politics_foreign/20130218/337794070.html (access date: 20.04.2013)].

⁵ Bush III R.C. UN Sanctions, North Korean Threats. Brookings Institute. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/03/07-un-sanctions-bush> (access date: 20.04.2013).

⁶ N. Korea Warned US, as Kerry Faces First Crisis. Global Post. 20.04.2013. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/afp/130212/n-korea-warned-us-kerry-faces-first-crisis> (access date: 20.04.2013).

⁷ Асмолов К.В. Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. [Asmolov K.V. Osnovnye perspektivy razitiya v Severo-Vostochnoj Azii // Problemy Dal'nego Vostoka. 2008. № 5]

⁸ Птицын А.В. Выстрелов еще нет, но формально на Корейском полуострове уже война. Око планеты. 09.03.2013. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/170847-apticy-n-vystrel-ov-esche-net-no-formalno-na-koreyskom-poluostrove-uzhe-voyna.html>. (дата обращения: 20.04.2013) [Ptitsyn A.V. Vystrel-ov esche net, no formal'no na Koreyskom poluostrove uzhe vojna. Oko planet. 9.03.2013. URL: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/170847-apticy-n-vystrel-ov-esche-net-no-formalno-na-koreyskom-poluostrove-uzhe-voyna.html>. (Access date: 20.04.2013)].

⁹ Bush III R.C. UN Sanctions, North Korean Threats. Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2013/03/07-un-sanctions-bush> (access date: 20.04.2013).

¹⁰ Дьячков И.В. Влияние ядерной проблемы КНДР на безопасность в Северо-Восточной Азии // Вестник ТГУ. 2012. № 5 (109) [Djyachkov I.V. Vliyaniye yadernoj problem KNDR na bezopasnost' v Severo-Vostochnoj Azii // Vestnik TGU. 2012. № 5 (109)].

¹¹ Толорая Г.Д. Очередной цикл корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. [Toloraya G.D. Ocherednoj tsikl korejskogo krizisa (2008–2010). Rossijskie interesy i perspektivy vykhoda iz korejskogo tupika. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 5].

¹² Mass-Starvations in North Korea. North Korea Now: A Global Awareness Program for Human Rights in North Korea. URL: <http://www.northkoreanow.org/the-crisis/mass-starvations-in-north-korea/> (access date: 20.04.2013).

¹³ Sakiko Fukuda-Parr and Richard Ponzio. Governance: Past, Present, Future. Setting the Governance Agenda for the Millennium Declaration. Draft Paper for Fourth Global Forum: Dialogue and Partnerships for the Promotion of Democracy and Development. December, 2002, Morocco. P. 7.

¹⁴ Fisher M. The Cannibals of North Korea. // The Washington Post. 05.02.2013. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/02/05/the-cannibals-of-north-korea/> (access date: 20.04.2013).

¹⁵ Мусич Е. Зачем КНДР новое ядерное испытание? // Modern Politics. 26.02.2013. URL: <http://modernpolitics.ru/2013/02/zachem-kndr-novoe-yadernoe-ispytanie/> (access date: 20.04.2013) [Musich E. Zachem KNDR novoe yadernoe ispytanie? // Modern Politics. 26.02.2013. URL: <http://modernpolitics.ru/2013/02/zachem-kndr-novoe-yadernoe-ispytanie/>. (access date: 20.04.2013)].

¹⁶ N Korea Statement on Nuclear Test // BBC News. 03.10.2006. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/5402292.stm> (access date: 20.04.2013).

¹⁷ Асмолов К.В. Основные перспективы развития ситуации в Северо-Восточной Азии (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6 [Asmolov K.V. Osnovnye perspektivy razitiya v Severo-Vostochnoj Azii (okonchanie) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2008. № 6].

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹

М.А. Троицкий

Отсутствие содержательной дискуссии в российском и американском внешнеполитических сообществах о влиянии Китая на отношения между Россией и США не может не вызывать удивление. Несколько влиятельных книг и статей на эту тему, вышедших в 2008–2011 гг., сформировали устойчивое восприятие растущего взаимодействия Москвы и Пекина как краткосрочной тенденции, определяемой тактическими интересами сторон. Большинство наблюдателей не верят в возможность полноценного российско-китайского альянса из-за существующих между сторонами разногласий по ряду вопросов. По этой логике, Вашингтону не нужно беспокоиться о последствиях российско-китайского сближения для политики США в отношении России. Тем не менее перемены в стратегиях поведения Москвы и Пекина на международной арене, а также в самой среде международной безопасности наводят на мысль о необходимости пересмотра прежних выводов и оценок.

В последние два года Китай и Россия перешли к более тесной координации позиций по международным проблемам, имеющим значение для США, включая войну в Сирии и иранскую ядерную программу. Некоторые аналитики указывают на то, что формулировки российских официальных заявлений по ряду ключевых вопросов международных отношений в Азии практически идентичны китайским формулировкам.

Крупнейшая российская государственная нефтяная компания «Рос-

нефть» имеет серьезные обязательства перед китайскими кредиторами. В 2009 г. она получила от Банка развития Китая кредит в размере 25 млрд долл. на строительство нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». В июне 2013 г. между «Роснефтью» и китайскими государственными нефтяными компаниями было достигнуто соглашение о значительных поставках нефти в Китай на протяжении следующих 25 лет. В качестве авансового платежа за эти поставки «Роснефть» получила от Китая 60 млрд долл. В том же месяце Китайская национальная нефтегазовая корпорация приобрела 20-процентную долю в «Ямал-СПГ» — проекте по добыче природного газа, контролируемом компанией «НОВАТЭК» — второй по размеру российской газодобывающей компанией и потенциальным экспортером сжиженного газа. Впервые в истории китайская компания была допущена в акционерный капитал совместного предприятия по добыче газа в России.

На протяжении последнего десятилетия Россия и Китай совместно проводят все больше полномасштабных военных учений как на суше, так и на море (некоторые из этих учений прошли под эгидой Шанхайской организации сотрудничества). Российско-китайские военно-морские маневры, состоявшиеся в июле 2013 г., стали для Китая самыми крупными в истории совместными учениями с иностранным партнером.

Эти и другие события и тенденции со всей очевидностью указывают на необходимость нового раунда дискуссии о влиянии КНР на российско-американские

отношения, несмотря на то, что до сих пор Москва и Вашингтон такую необходимость не признавали.

Причины невнимания

Китайский фактор в отношениях России и США не привлекает достаточное внимание аналитиков в Москве и Вашингтоне по нескольким причинам. Влиятельные представители российского внешнеполитического сообщества, возможно, опасаются открыто обсуждать риски, связанные с подъемом Китая, чтобы избежать негативных последствий ярко выраженной дилеммы безопасности, которая могла бы в этом случае сформироваться в российско-китайских отношениях. Она возникла бы как самосбывающийся прогноз о том, что любой игрок, чьи ресурсы возрастают, представляет собой угрозу. Лица, принимающие решения в России, полагают, что лучшим подходом к отношениям с мощным соседом является «стратегическая неопределенность». Пекин мог бы указать на то, что обсуждение Россией и США действий КНР на международной арене противоречит духу российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного в 2001 г. По этому договору Москва и Пекин должны провести между собой консультации в случае, если одна из сторон заявит о возникновении угрозы своей безопасности. Наконец, хотя российские специалисты по международным отношениям традиционно с большой охотой используют в своем анализе концепции «геополитических треугольников», круг конкурентоспособных экспертов, одинаково хорошо разбирающихся в проблемах российско-китайских и российско-американских отношений, крайне ограничен.

В свою очередь, американские политики и эксперты стараются не раздражать Китай слабо завуалированными попытками уравновесить китайское влияние в мире в момент, когда уязви-

мость США к недружественным действиям со стороны Пекина, возможно, достигла исторического максимума, а растущий китайский национализм (отчасти контролируемый властями КНР) принимает антиамериканскую направленность. Слабое внимание к «китайскому фактору» в США может также объясняться тем, что формирование политики Вашингтона в отношении России и постсоветского пространства, с одной стороны, и Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона, с другой, происходит раздельно. В подобных условиях представители внешнеполитического сообщества не мотивированы к выявлению причинно-следственных связей между двумя различными комплексами двусторонних отношений. В англоговорящем мире недостаток экспертов, способных компетентно анализировать пересекающиеся сюжеты американо-китайских и американо-российских отношений, может также быть обусловлен трудностями одновременного освоения двух «трудных» иностранных языков — китайского и русского (то же верно и в отношении российских специалистов, владеющих одновременно английским и китайским языками). Наконец, большинство проблем и трендов, для изучения которых требуется понимание китайского фактора в российско-американских отношениях, возникли совсем недавно и быстро развиваются. Так или иначе, хотя Россия имеет лишь ограниченное отношение к широкому кругу внешнеполитических приоритетов США, а всерьез говорить о существовании американо-китайско-российского «треугольника» не приходится, в своем взаимодействии с Москвой Вашингтону вряд ли имеет смысл и дальше сбрасывать со счетов китайский фактор.

Стратегия России

Несмотря на впечатляющий рост экономических и военных ресурсов Китая, а также попытки Пекина расши-

рить географическую сферу деятельности своих военно-морских сил, Москва, как минимум на уровне официальных деклараций, рассматривает Китай как первую в современной истории «поднимающуюся» державу, чье влияние в мире не требуется уравнивать. В официальных и полуофициальных высказываниях лиц, формирующих российский внешнеполитический курс, Китай противопоставляется Соединенным Штатам, которые развивают вызывающие серьезную озабоченность Москвы передовые программы противоракетной обороны и высокоточных баллистических ракет в неядерном оснащении. Предлагаемые Вашингтоном заверения о ненаправленности этих систем против России и другие меры доверия пока не смогли развеять опасения Москвы.

В то же время сигналы, получаемые Россией из Китая, оказались более убедительными, несмотря на существующие между Москвой и Пекином трения — такие, как конкуренция за влияние на торговые потоки и союзнические предпочтения государств Центральной Азии. Российские политики верят в то, что у них есть надежные гарантии отсутствия у Китая наступательных намерений в отношении России: Пекин поддерживает позицию Москвы в вопросе о недопустимости смены режимов в суверенных государствах при содействии извне, как и любых других форм внешнего вмешательства во внутренние дела². Кроме того, Москва полагает, что Китай не намерен оказывать на Россию такое же давление по территориальным вопросам, как он это делает в отношении стран Юго-Восточной Азии в Южно-Китайском море³. Исследователи китайской политики в отношении России сходятся во мнении о том, что Пекин сегодня не готов вступить в чреватую значительными издержками борьбу с Россией за контроль над сопредельными КНР сибирскими регионами

России по причине их географической отдаленности от центров экономической активности Китая, сурового климата, отсутствия зачастую даже базовой инфраструктуры и, несомненно, предполагаемой готовности Москвы к ограниченному применению ядерного оружия в случае массированного военного нападения. Аналитики также в основном полагают, что Китай вполне удовлетворен дружественным нейтралитетом России по вопросам, вызывающим противоречия между КНР, с одной стороны, и Соединенными Штатами с их союзниками в Азии, с другой.

Пожалуй, только в одном регионе — Арктике — у России есть основания беспокоиться о возможностях Китая бросить вызов российскому суверенитету. Указать Китаю, где проходят российские «красные линии», в Арктике сложнее, чем в Восточной Сибири. Пекин обладает богатым опытом последовательной и целеустремленной реализации крупных проектов без привлечения к ним широкого общественного внимания. Вмешаться или остановить эти проекты весьма сложно — до момента, когда становится уже слишком поздно. В качестве примеров можно упомянуть либерализацию торговли КНР со странами Центральной Азии, строительство трубопроводов и участие китайских государственных корпораций в разработке природных ресурсов по всему миру. В отличие от вооруженного столкновения, подобные инициативы не создают непосредственной угрозы российским интересам. Тем не менее их последовательное воплощение в жизнь на протяжении ряда лет обычно приводят к очевидным сдвигам в расстановке сил между Россией и Китаем. Возможно, именно в Арктике Москва лучше всего чувствует, что китайская стратегия постепенных действий может создавать некоторые проблемы для реализации российского суверенитета.

Модель «игры»

Вырабатывая концептуальный подход к отношениям с Китаем, как Россия, так и США оставляют для себя открытыми несколько возможностей. Окончательный выбор, если его когда-либо придется сделать, будет во многом зависеть от действий самого Китая.

В широком смысле, в распоряжении Москвы есть две альтернативы: 1) образовать безоговорочный союз с КНР на основе Договора 2001 г. и согласиться на роль ведомого Пекином игрока, во всяком случае в Азии, или 2) стремиться уравновесить возможное давление на Россию со стороны Китая

Таблица

		Россия	
		<i>Окончательно объединяется с Китаем для ограничения влияния США</i>	<i>Уравновешивает влияние Китая на Россию посредством выборочного сотрудничества в Азии с США и их союзниками</i>
США	<i>Вовлекает Китай, хеджируя риски китайского экспансионизма</i>	Ресурс Китая как международного игрока резко усиливается. Москва сталкивается с нажимом со стороны Пекина. Свобода маневра России снижается. Российским корпорациям становится сложнее заключать выгодные соглашения с китайскими партнерами на поставках углеводородов в КНР	Россия сталкивается с нежеланием Китая участвовать в трехсторонних (американо-китайско-российских) инициативах. Из трех государств Китай наиболее заинтересован в четком отделении российско-китайских отношений от американо-китайских ради сохранения свободы маневра Пекина. Москва и Вашингтон обсуждают и, возможно, даже координируют свои подходы к отношениям с КНР. Вероятным становится охлаждение российско-китайских отношений. В ответ на раздражение Китая Москва указывает на право России проводить «многовекторную» дипломатию. Способность России держаться этого курса будет в основном зависеть от готовности США к обсуждению политики Китая с Россией
	<i>Начинает немедленное противостояние Китаю, учитывая признаки начала «немирного подъема» Китая</i>	Российское восприятие отношений с США как игры с нулевой суммой в ключевых для России сферах заставляет США оставить надежду на сотрудничество с Россией. В то же время потребность в ресурсах, необходимых для сдерживания Китая на южном направлении его политики, заставляет США отказаться от наступательной стратегии в отношении России. Способность России найти баланс между китайским и американским направлениями ее внешней политики и хеджировать риски китайского экспансионизма становится ограниченной. Москва делает окончательную ставку на скорый закат США как сверхдержавы	США получают возможность требовать от России тесной координации политик в отношении КНР. Это вынуждает Москву сделать трудный выбор между Вашингтоном и Пекином. Данный исход не может быть равновесным, поскольку с большой вероятностью выбор России будет сделан в пользу Китая, учитывая, что ставки России в отношениях в сфере торговли и безопасности с Китаем более высоки, чем с США

посредством выборочного сотрудничества в Азии с США и их союзниками.

В свою очередь, Вашингтон также выбирает между двумя вариантами политики: 1) вовлекать Китай в сложившуюся систему международных режимов и сотрудничать с ним, хеджируя риски китайского экспансионизма, и 2) сдерживать Китай (и, возможно, даже противостоять ему) — например, посредством качественного усиления и расширения сферы деятельности военных альянсов США в Азии.

Различные комбинации этих стратегий ведут к четырем возможным исходам. Выше в таблице суммированы ключевые характеристики каждого из этих исходов.

Если Китай продолжит наращивать военный потенциал и одновременно изменять свои официальные внешнеполитические доктрины в сторону повышения роли КНР в мировой политике, Москве будет затруднительно сохранять «стратегическую неопределенность» подхода к отношениям с Пекином. Некоторые возможные (хоть в основном маловероятные) сценарии развития событий могут подтолкнуть Россию к однозначному выбору и потребовать от Москвы оперативной реакции, например:

Китай наталкивается на противодействие сильной коалиции государств, поддерживаемой США, по вопросам правового режима сопредельных КНР морских пространств. Не имея возможности реализовать заявленные интересы на южном направлении, Пекин обращается в сторону севера и начинает оказывать на Москву давление по вопросам российского иммиграционного режима или пытается склонить Россию к переговорам о статусе каких-либо российских приграничных территорий.

Торговый оборот КНР со странами Центральной Азии увеличивается настолько, что Казахстан начинает рассматривать возможность преференциального торгового режима с Китаем и выхода из Таможенного союза с Россией.

Обнаруживается явный и необратимый сдвиг баланса военных потенциалов России и Китая в пользу последнего.

В каждом из этих случаев заинтересованность Москвы в механизме регулярных консультаций с Вашингтоном по Китаю резко возрастет.

Последствия американского выбора

Если США решат прибегнуть к наступательной политике в отношении Китая, Москва скорее всего полностью примкнет к Пекину. Прочный российско-китайский альянс может воплотиться в открытую поддержку Москвой территориальных претензий КНР (особенно если Россия будет воспринимать позицию Вашингтона по статусу южных островов Курильской гряды в качестве существенного препятствия территориальному урегулированию с Японией) или в окончательное согласие российского внешнеполитического сообщества на статус России в качестве «стратегического тыла» КНР. Это может привести к росту напора и жесткости России в отношениях с США и даже, возможно, к эскалации напряженности вокруг международных проблем, по решению которых у США и России наблюдаются разногласия (например, гражданской войны в Сирии и — в определенной степени — ядерной программы Ирана). Поскольку международный кризис или даже открытый конфликт между крупнейшими державами может привести к замедлению экономического роста КНР, при таком сценарии Пекин столкнется с необходимостью призывать Москву к компромиссу и принять на себя непривычную роль посредника между Россией и США. В свою очередь, Россия не сможет позволить себе периодически отказывать Китаю в поддержке ради сохранения возможностей взаимовыгодного диалога с США. Если в этом сценарии давление США на Китай не принесет быстрых результатов, то Пекин сможет захватить и

удерживать инициативу в отношениях как с Вашингтоном, так и Москвой.

Если же США продолжают попытки вовлечь Китай в систему международных режимов, центральное положение в которой занимают Соединенные Штаты, у России останется достаточно стимулов к сотрудничеству с США и их союзниками в Азии, и Москва, скорее всего, не станет далее сближаться с Пекином, чтобы не предоставлять КНР исключительную свободу маневра. Средством страховки от полной зависимости от Китая для России могли бы стать прогресс в урегулировании территориальной проблемы с

Японией и свободное продолжение продиктованной коммерческими интересами деятельности в Азии — например, совместной с Вьетнамом добычи нефти на шельфе или поставок вооружений Индии и странам АСЕАН.

В конечном итоге признаком сохранения российской «внешнеполитической автономии», которая высоко ценится Кремлем, станет способность России поддерживать открытыми возможностями сотрудничества с США, убеждая при этом Пекин в том, что такой подход не противоречит духу квазиальянса Китая с Россией.

Список литературы

1. Mikhail Troitskiy. The China Factor in U.S. — Russia Relations, PONARS Policy Memo 287, September 2013. URL: <http://ponarseurasia.org/memo/china-factor-us-russia-relations>
2. Лавров рассказал о диалоге с США. URL: <http://www.dni.ru/polit/2012/12/9/244918.html> (дата обращения: 18.10.2013).
3. Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги, 2012.
4. Зевелев И. Реализм в XXI веке. Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. Ноябрь — декабрь 2012.

¹ Версия настоящей статьи была опубликована на английском языке в качестве аналитической записки PONARS Eurasia: Mikhail Troitskiy. The China Factor in U.S.-Russia Relations, PONARS Policy Memo 287, September 2013. URL: <http://ponarseurasia.org/memo/china-factor-us-russia-relations>

² По информации российской проправительственной интернет-газеты, на встрече с доверенными лицами Владимира Путина в декабре 2012 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров сообщил, что «у России нет опасений по поводу роста экономической и финансовой мощи Китая и усиления его позиций в международных делах», поскольку «мы [Россия и КНР] исповедуем абсолютно идентичные взгляды на положение дел в мире» (Лавров рассказал о диалоге с США. URL: <http://www.dni.ru/polit/2012/12/9/244918.html> (дата обращения: 18.10.2013) [Lavrov rasskazal o dialoge s SSHA. URL: <http://www.dni.ru/polit/2012/12/9/244918.html> (access date: 18.10.2013)]).

³ См., напр.: Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги, 2012 [Trenin D. Vernye друз'ya? Kak Rossiya i Kitaj vosprinimayut drug druga. Moscow: Tsentr evropejskikh reform; Moscovslij tsentr Karnegi, 2012]; Зевелев И. Реализм в XXI веке. Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. Ноябрь-декабрь 2012 [Zevelev I. Realizm v XXI veke. Amerikano-kitajskie otnosheniya i vybor Rossii // Rossiya v global'noj politike. Noyabr'-dekabr' 2012].

BEYOND EUROSCEPTICISM AND EUROPHILIA: MULTIPLE VIEWS ABOUT EUROPE¹

Federico Russo and Maurizio Cotta

Introduction

It has been frequently noted that “integration” is no longer to be seen as the only (simple and uni-dimensional) dependent variable to be studied by scholars interested in the EU. The European Union must be considered a fully fledged political system with a complex institutional network, where authoritative decisions are taken in several policy areas (Hix 1999) and problems of collective allocation of costs and benefits (with the ensuing questions of distributive justice, of legitimacy and solidarity) are increasingly relevant. The past debates on the necessity of a European Constitution till the adoption of the Lisbon Treaty and the current ones about the ways to face a major crisis (Cotta 2013) highlight the importance of a careful mapping of the positions of political elites (and of public opinions) with regard to a plurality of aspects of the European construction. The powers to be attributed to the different European institutions, the policy competences to be delegated to Brussels, the identity of the supranational political community and its relations with the national polities: on all these points there are significantly different views but not necessarily two opposing fronts.

In a previous work (Cotta & Russo 2011) we had explored the views national political and economic elites have about different aspects of the European construction and more specifically about the three main dimensions of a European citizenship — identity, representation and scope of governance (Cotta & Isernia 2009). Using the results of the Intune survey of 2007 based on national samples of elected politicians (members of national parliaments) and economic leaders (top executive officers of the top economic firms of each

country) we could show some interesting features of the views shared by the elites of the Member States about European integration. Given the multilevel and compound structure of the EU (Marks et Al. 1996; Fabbrini 2007; Cotta 2012) these views are important: the fundamental mechanisms of democratic accountability are still national and it is national governments that play a crucial role in defining the direction of the Union; what national elites think will probably guide (or in any case correspond closely to) the national governments positions in the top European institutions such as the Council of Ministers and the European Council.

The results of our analysis of the 2007 data could be summarized as follows:

1. A positive instrumental evaluation of the EU is shared by an extremely large proportion of national elites (both political and economic). European integration is globally seen as beneficial for national interests.

2. An affective connection with the EU is also shared by a very large majority, but its intensity is significantly lower than the attachment felt for the national community. In any case the two feelings are not contradictory but positively (albeit weakly) correlated.

3. Support for further advances in the process of integration is also rather broad.

4. When confronted with the dilemma between a Community focused on creating a more competitive economy or providing better social protection political and economic elites differ very significantly. While the latter elite group is heavily in favour of the first option, politicians

spread their positions in a more balanced way among the two.

5. With regard to the future of the EU a broad majority is ready to envisage a common foreign policy, some degree of solidarity with the less prosperous regions, and even a common social security and taxation systems. Politicians however are ready to express a strong support only for the first two aspects, while economic leaders only for a common foreign policy.

6. When it comes to a more precise and comparative choice between the national (or sub-national) level and the supra-national one for the conduct of specific policies, only with regard to immigration and environment national elites are ready to express a clear preference for the European solution against the national one. For healthcare, unemployment and taxation their preferences still go to the national level.

7. For what concerns the European process of representation a very large majority shares the view that member states do not have the same weight; but questioned whether the country interests are taken enough into account or not their views are evenly split. The overall evaluation of European representation is not too critical.

8. Quite in line with the former results the feeling of trust in European institutions is more positive than negative. Where it is possible to compare these levels of trust with those for similar national institutions differences are not so significant (but in any case favourable to the EU).

9. When faced with more concrete choices about the (relative) role and weight of different European institutions national elites are generally conservative: a large majority continues to defend the role of national states, and only a minority is ready to accept a transformation of the Commission in the true government of the Union. However, they are more open to accept increased powers for the European Parliament.

These results indicate that on average national elites of the member countries surveyed by Intune continue to provide a rather solid backing to the process of European integration. If European integration has been in the past an "Elite process" (Haller 2008) conducted with the "permissive consensus" of the masses, there was no strong sign until 2007 that the support for a continuation of this process would be discontinued by national elites. If any, problems might arise from the masses changing to a "constraining dissensus" (Hooghe and Marks 2008). Things become somewhat more complicated when it comes to the different possible directions of the integration process. The Intune survey has shown the variety of views about Europe that are present among national elites: when asked to express their attitudes and positions towards Europe and supranational integration, they do not define themselves along a simple one-dimensional continuum (pro-Europe anti-Europe) but rather display variable combinations of positions depending on whether they are asked to express their views on aspects that concern the nature of the European polity, its institutional configuration, or different sets of policy goals. Put in front of an articulated "European menu" the components of national elites tend to order rather diversified combinations of courses.

If we consider how the process of European integration has developed so far, we should not be too surprised by this finding. Integration has not been the result of the victory of one ideologically cohesive position against an opposite one, as if there were clear fronts defined by a neat cleavage between pro-Europeans and anti-Europeans. It was rather the product of a long series of (higher and lower) compromises negotiated among a plurality of national positions, carefully aware of their specific interests and trying to exploit as best as possible the advantages offered by a mechanism of integration which had shown its functional efficacy (and striving to contain the disadvantages entailed by it) (Hoffman 1966, Moravcsik 1998). The positions of national

elites fundamentally reflect this background. This obviously makes also for multifaceted and not necessarily geometrically coherent views about the European polity, the European citizenship and their future. This is particularly clear when views about the institutional shape of the European Union and about its policy competencies are examined: they are variable and susceptible to combine in multiple ways. Those who prefer a more supra-national institutional system do not necessarily want to expand also the policy competencies of the Union and vice versa. Moreover, with regard to policy competencies, preferences for a stronger European role vary according to policy sectors. This means that in the wide pool of national elites there is not simply a group that wants “more Europe”, but rather different groups each of which wants more of the different aspects of Europe. Vice versa there is not so much a group that is against more Europe, but rather different groups that oppose different aspects of European expansion. Changing the shape and scope of European governance and the contents of the European citizenship requires therefore broad coalitions and compromises among these different views.

In this article we try to move some steps forward also through the possibility of using a second set of data based upon the survey of 2009, which replicates the questionnaire of 2007, but introduces also a few additional questions. We will concentrate here our attention only upon politicians without considering here other elite groups for which data are also available.

1. We will first check to what extent preferences are stable over time

2. We will then replicate the search for the dimensions underlying the answers of national elites about the future of the EU in order to find if the dimensions found with the 2007 data are stable.

3. We will then try to interpret these dimensions and their meaning.

4. Having analysed first the whole European set of politicians as a pooled

sample (which would reflect the idea of the European Union as a unified polity, where national elites are just territorially dislocated component of a common elite) we will then explore with the use of cluster analysis the internal articulations of this elite pool.

5. Finally we will explore the potential consequences of these alignments for the future of European developments and for choices to be taken in time of crisis.

Both surveys included a representative sample of parliamentarians from Austria, Belgium, Bulgaria, Czech Republic, Denmark, France, Germany, Great Britain, Greece, Hungary, Italy, Lithuania, Poland, Portugal, Slovakia and Spain. The surveys covered also Serbia, which is excluded from the analyses because it is not a member state. With reference to member states, the 2007 survey included 1263 parliamentarians while the 2009 survey included 1069 parliamentarians.

1. Attitudes toward Europe after the onset of the crisis

As the first of the Intune surveys was conducted in 2007 when the biggest global financial and economic crisis since the Great Depression was not yet announced (except by few visionaries), while the second was done in the spring of 2009, when the first impact of the crisis was already strongly felt, we can first briefly explore whether this event produced any significant change in the attitudes toward European integration.

Table 1 presents the answers to the main questions asked in both the 2007 and the 2009 surveys about the process of political integration. The broad support for the unification process has not changed in the period considered, showing a high level of stability. In both years, when asked to evaluate whether “unification has gone too far or should be strengthened”, more than two thirds among national parliamentarians (about 68%) ex-

Table 1

A summary table of variations 2007–2009

	2007	2009	Difference
Do you think that unification should be strengthened or has gone too far? (% who scored 6 or more on a 0-10 scale*)	69,9%	67,3%	-2,6%
Member States ought to remain the central actors (% agree strongly and agree somewhat)	76,4%	75,3%	-1,1%
European Commission should become true EU government (% agree strongly and agree somewhat)	50,7%	49,6%	-1,1%
European Parliament should be strengthened (% agree strongly and agree somewhat)	74,0%	75,7%	1,7%
Single European Army or keep its own national army? (% in favour of European Army or both National and European)	67,1%	70,3%	3,2%
How do you think it would be most appropriate to deal with each of the following policy areas? (% in favour of exclusive or concurrent European competence)			
<i>Fighting unemployment</i>	38,9%	33,9%	-5,0%
<i>Immigration policy</i>	72,5%	71,9%	-0,6%
<i>Environmental policy</i>	78,4%	78,5%	0,1%
<i>Crime prevention</i>	60,4%	61,7%	1,3%
<i>Health care</i>	22,9%	24,8%	1,9%
The character of the European Union in 10 years. Tell me whether you approve or disapprove... (% strongly or somewhat in favour)			
...a unified tax system for the European Union	58,3%	56,7%	-1,6%
...a common system of social security	66,7%	65,7%	-1,1%
...single foreign policy toward outside countries	85,2%	85,6%	0,4%
...more help for regions with economic or social difficulties	89,9%	88,6%	-1,3%
N	1263	1069	

*On this scale, '0' means unification "has already gone too far" and '10' means it "should be strengthened

pressed their preference for further integration.

When we come to explore different aspects that can offer a more specific definition of the European model preferred differences between the two years are again not very strong. A very clear majority of national parliamentarians (about 75%) think that Member states should remain central actors, the European Parliament should be strengthened and a common European Army should be created. Both in 2007 and in 2009 parliamentarians are equally split between those in

favour and those against reinforcing the role of the Commission making it the real EU government.

With regard to policies and the choice for their allocation among different levels of government results of 2007 showed significant differences among policy sector. Environment and immigration gathered the highest support for a European responsibility, health care and fighting unemployment the least. As table 1 shows most of these opinions have been left untouched by the beginning of the crisis, but support for a European poli-

cy competence to fight unemployment has even declined.

Finally, when asked about the character of the European Union in 10 years, the vast majority of parliamentarians approve the adoption of a single foreign policy and more help for the regions with economic or social difficulties and a clear but less wide majority supported a unified tax system and a common system of social security. All these options were extremely stable between 2007 and 2009.

For what concerns the preferred institutional formula previous works (Cotta & Russo 2010 and 2011) analyzed preferences about the powers and roles of the main European institutions and of governments of the member states. Three main positions emerged from these data. As expected two more clear and opposite positions could be identified: the “federalist one”, combining support for the European Commission as the true government of the EU and a negative attitude towards the role of Member states governments, opposed to the “intergovernmental one” combining support for the role of Member states as central actors of the European Union and a negative attitude towards the Commission as the true government of the EU. A third position, defined “compound” as it combines support for the role of the Commission as EU government and for the central role of the Member states, was also fairly frequent. At the aggregate level, national parliamentarians’ preferences have not changed much between 2007 and 2009: a relative majority is still in favour of an intergovernmental solution (more than 40%), while the second most preferred option is a compound system (more than 30%). Less than 20% of national parliamentarians opt for a (rather centralized) federal system. There is also an overwhelming support for the opinion that the European Parliament should have more powers. However parliamentarians favoring different models of government have also different preferences about the role of the European Parliament, an institution which is clearly supranational: on aver-

age, with reference to the 2009 survey, 96% of the Federalists agree that the powers of the European Parliament ought to be strengthened, an opinion that is shared by only 60% of those supporting an intergovernmental solution (the others are in-between).

This first exploration suggests thus a rather stable panorama of preferences in spite of the emerging crisis. Unfortunately we have not yet systematic data for the more recent period and we cannot thus know whether the extension of the crisis changed significantly the views of political elites (possibly under the impact of changing views of the electorates).

2. Exploring the dimensionality of attitudes toward Europe among national elites

The unprecedented attempt to integrate different national polities, with a long tradition of political and military conflicts, into a single, albeit peculiar, political system has stimulated this fundamental question: why? Integration studies have tried to understand why the European integration effort was launched (Haas 1958, Lindberg 1963) and why it had periods of acceleration and interruptions (Hoffman 1966, Moravcsik 1991, Garrett 1992). Among scholars and the public there is widespread consensus that the process of European unification has been steered by the initiative of elites (Haller 2008, Best, Lengyel, Verzichelli 2012) and many studies attempted to explain why different national actors such as public opinion (Hooghe and Marks 2005), parties (Marks, Wilson & Ray 2002) and governments (Moravcsik 1993) supported or contrasted European integration. Various theories have been developed to explain the preferences of political actors toward the European unification. Most studies consider that the position of different actors can be ordered on a single scale with two extreme poles, Europhiles and Euro-sceptics. The European integration dimension is believed to reflect the conflict between national sovereignty and full political integration (Hix 1999, Hix and Lord 1997, Kreppel and Tsebelis 1999, Tsebelis

and Garrett, 2001) and the position of political actors is measured accordingly.

For instance, as Proksch and Lo (2012) noted, since 1999 the European Election Surveys have asked the following question to estimate voters' and parties' attitude toward European unification:

Some say European unification should be pushed further. Others say it already has gone too far. What is your opinion? Please indicate your views using a scale from 0 to 10, where 0 means unification 'has already gone too far' and 10 means it 'should be pushed further'. What number on this scale best describes your position? And about where would you place the following parties on this scale? (quoted in Proksch and Lo 2012, p. 320).

An alternative source of information on party positions toward European unification is provided by expert surveys, which resort to the opinion of people who should be more knowledgeable than ordinary voters on party platforms. The Chapel Hill survey, one of the most authoritative source of data for studies on EU politics, measures the position of parties with the following questions:

How would you describe the general position on European integration that the party leadership took over the course of 2006? For each party, please circle the number that corresponds best to your view, scaled from 1 (strongly opposed to European integration) to 7 (strongly in favour of European integration) (quoted in Proksch and Lo 2012, p. 321).

These studies do not neglect that attitudes toward EU integration might be multidimensional, but decide to focus on the most general and aggregate aspect of the question. However, we argue that the process of European integration has caused several successive transfers of sovereignty from member States to the supranational level, and the present conflict is on which additional aspects should be delegated as much as on whether the overall European integra-

tion process should be strengthened. Beyond the main line on conflict between advocates of more integration and defenders of national states, political actors may have different preferences on which policy domains should be dealt at the European rather than at the national level and on what institutional instruments should be developed and strengthened.

The questions of the Intune questionnaire were drafted on the assumption that the attitudes of national parliamentarians toward Europe could structure around several dimensions. More specifically the Intune surveys envisaged at the theoretical level three dimensions of citizenship (identity, representation and scope of government) as the structuring elements of these attitudes. In a previous contribution (Cotta & Russo 2012) we had explored inductively which dimensions could be found to be underlying the answers to the questions concerning different aspects of European integration. Our finding was that when asked to choose among the different courses of the integrationist Menu national parliamentarians combined different aspects and composed their own "Europe à la Carte".

If the preferences of national elite could be summarised by different latent dimensions it is important to know whether they are sufficiently stable or not. Table 2 shows the results of the factor analysis for all questions concerning the future of European integration that were included in both 2007 and 2009 waves². In performing this comparison some relevant items that were asked in only one of the two waves are excluded from the analysis³. By comparing the results obtained in the two waves it is possible to assess the stability of the dimension according to which national elites evaluate the process of integration. The results obtained in 2009 are virtually undistinguishable when compared to those of 2007: though not a test, this is an important indication further confirming that the structure of preferences about European Integration is rather stable.

Table 2

Dimensions of support for European integration (principal axis factoring, varimax rotation)

Item number		2007			2009		
		1	2	3	1	2	3
1	Unification should be strengthened (1-10)	,557	,186	,121	,665	,222	,143
2	Member States ought to remain central actors (1-4)	-,413	-,062	-,148	-,549	-,050	-,153
3	European Commission should become EU government (1-4)	,595	,261	-,009	,538	,313	,085
4	European Parliament should be strengthened (1-4)	,523	,098	,119	,562	,173	,109
5	European Army (1-3)	,506	,147	,165	,479	,238	,158
6	EU should make policy — unemployment (1-3)	,078	,169	,343	,087	,157	,410
7	EU should make policy — immigration (1-3)	,185	-,004	,555	,358	,108	,413
8	EU should make policy — environment (1-3)	,122	-,118	,649	,188	-,075	,532
9	EU should make policy — crime (1-3)	,085	,083	,568	,086	,106	,489
10	EU should make policy — health (1-3)	,052	,239	,295	,037	,202	,441
11	Favours EU...for tax system (1-5)	,383	,594	,118	,337	,657	,118
12	Favours EU...for social security (1-5)	,247	,832	,087	,261	,789	,156
13	Favours EU...for foreign policy (1-5)	,527	,241	,122	,524	,370	,167
14	Favours EU...for regional aid (1-5)	,181	,408	,011	,171	,411	,176
	Rotation sums of squared loadings	1,948	1,514	1,370	2,244	1,690	1,239

The results are sufficiently clear: three main dimensions can be found and it is not too difficult to interpret their meaning. On the first dimension we found a positive loading for the positions taken on the questions concerning “unification should be strengthened...”, the “European Commission should become the true government of Europe”, “the European Parliament should be strengthened”, and negatively on the question “Member States ought to remain central actors”. There was a significant positive loading also for a question concerning the choice for a European army as against purely national armies and another one concerning the desirability of a common foreign policy. On the second factor we could find positive loading for questions concerning the views about future developments of the European Union (in

the direction of “a unified tax system”, “a common system of social security” and, but to a lesser extent, of increased solidarity with regions in difficulties). On the third dimension there was a positive loading for all the questions concerning the allocation to the European level (as against national and sub-national levels) of the responsibility for a series of policy sectors (immigration, environment, fight against crime, and to a less extent unemployment and health care).

The first dimensions discovered is not too difficult to interpret: we will call it “Supranational integration”. This in fact concerns the development of the “EU stateness” as it touches upon crucial aspects of the political architecture of the Union and also upon two policy areas which have been traditionally linked to stateness (foreign policy and the army).

The second dimension is at first more difficult to interpret: the questions asked here concern also in some way policy areas (the tax system, social security, to a lesser extent aid to regions in difficulties), but the factor analysis has shown almost no connection with the next policy dimension. The questions were in fact formulated as concerning the future of the EU (“Thinking about the European Union over the next 10 years, can you tell me whether you are in favour or against the following...”) and mentioned aspects that had obviously a policy aspect but also a “systemic” aspect (“A unified tax system”, “A common system of social security”; “More help for EU regions in economic or social difficulties”). These could be seen as systemic features of the European polity suggesting a common solidarity (with regard to inputs and outputs) more than simple policy competences. The items loading on this dimension might have raised in the minds of parliamentarians the question of resource redistribution in favour of the people and the territories experiencing social and economic problems. We might tentatively call this dimension “Redistributive integration”.

The third dimension can be easily defined as “Policy delegation”: it has to do with transferring policy competencies from the state (and regional) to the supranational level. It suggests a somewhat instrumental view of the EU: the Union as a tool to solve policy problems that member states are probably not able to solve at the national or sub-national level. Our exploration has also shown that this is much more acceptable in some policy fields, such as crime prevention, immigration policy or environmental protection, than in others.

The factor structure emerging from the two waves suggest that at least for political elites views and preferences about the future of European integration can be synthetically organised along three main dimensions. These dimensions are meaningful and are relatively independent among each other. They suggest that views about Europe are

fundamentally “ordered” but also that they do not fit into the simple continuum “more Europe/less Europe”. European integration can be seen (positively and negatively!) from more angles: it can be seen as a “quasi-state” construction transferring in fact some of the traditional attributes of states (both institutional and functional) to the supranational level; it can be seen as a provider of policy solutions in alternative to the member states or their internal articulations; or it can be seen as the way to the creation of a European wide social policy space (here probably the main question is not the production of specific policies per se but the common space and the bonds of solidarity that European integration can imply).

3. In search of the structure of national elites’ attitudes toward the EU

The dimensions found in our analysis define a three-dimensional space on which each national parliamentarian can be placed, according to his or her unique combination of attitudes toward the process of European integration. After having analysed the dimensionality we will try to move a further step and see how these elements ideally structure the landscape of national politicians. Is it possible on the basis of common patterns of attitudes to define a series of typical profiles of parliamentarians, and to determine what is their share in the joint pool of national elites? The instrument we propose to find inductively this structure is *hierarchical agglomerative cluster analysis*. Cluster analysis organizes observed data into groups based on a set of variables maximizing the similarity of cases within each cluster while maximizing the dissimilarity between different clusters. In hierarchical cluster analysis, one of the most popular clustering techniques employed in the social sciences, at the beginning each case is a separate cluster, and at each step the two most proximate clusters are merged into a single group. The researcher has to make three choices: the variables to

Table 3

Agglomeration schedule for the cluster analysis (Ward's method)

Stage	Number of clusters	Coefficients	Coefficients change to the next stage
930	10	313245,737	22834,252
931	9	336079,989	30477,823
932	8	366557,812	33405,860
933	7	399963,672	34869,768
934	6	434833,440	58770,578
935	5	493604,018	79657,623
936	4	573261,641	109254,585
937	3	682516,226	126695,067
938	2	809211,293	364211,220
939	1	1173422,513	

include, the rule to measure the distance between clusters and the algorithm deciding how to merge clusters. In this article we perform a hierarchical cluster analysis to classify parliamentarians on the basis of the three dimensions of attitudes toward Europe discovered through factor analysis⁴, we adopt the Squared Euclidean distance as a proximity measure, and the Ward's algorithm to agglomerate the clusters⁵.

The major problem with hierarchical cluster analysis is choosing the "right" number of clusters. For this purpose it is useful to look at the agglomeration schedule, where for each stage of the agglomeration process it is indicated the two clusters which are merged and a dissimilarity measure⁶. As we want to cluster similar cases, we stop at the agglomeration stage reached before a large increase on the agglomeration coefficient (Burnes and Burnes 2009).

The analysis has been performed on the 940 parliamentarians interviewed in 2009 with no missing values on the variables used for the factor analysis. 129 parliamentarians were excluded for having missing values in at least one relevant variable. Table 3 shows the agglomeration schedule for the last 10 stages of the cluster analysis. The most intuitive solution is a two groups solution which could be approximately interpreted as a distinction between warmer (2/3 of the total) and less warm supporters (1/3) of European integration. To begin the analysis of the results it is useful to describe the clusters by comparing their mean score on each dimensions on which they are generated. Table 4 shows that on average members of Group2 have higher scores on all the dimensions of Europeanism, and that all the differences are statistically significant. In terms of magnitude, the

Table 4

Mean score on the three dimensions of Europeanism by cluster (two clusters solution)

	Euroscptics	Europhiles	T-test statistic	Sig. (two tailed)
Supranational Integration	45,83	55,82	-8,46	0,00
Redistributive Integration	30,06	70,48	-48,32	0,00
Policy delegation	41	46,31	-3,67	0,00
N	307	633		

Table 5

Mean score on the three dimensions of Europeanism by cluster (four clusters solution)

	Euro-instrumentalists	Moderate Europhiles	Radical Eurosceptics	Euro-enthusiasts	Total
Supranational Integration	58,12	55,11	32,47	59,86	52,56
Redistributive Integration	31,10	70,37	28,94	71,14	57,28
Policy Delegation	54,24	40,37	26,61	79,52	44,58
N	160	537	147	96	940

widest gap is observed on the “unified policy space” dimension.

This solution however blurs the distinctions that we have found to be relevant in our previous analyses. We suggest therefore to move to the next solution with four clusters. If compared with the previous one, the four clusters solution indicates that both the Eurosceptic and the Europhile groups are divided into two smaller sub-groups. The Eurosceptic group consists of two subgroups of similar size, which we propose to denominate *Euro-instrumentalists* (160) and *Radical Euro-sceptics* (147). Likewise, the Europhile group can be split in two subgroups, a very large one that we can label *Moderate Europhiles* (537) and a smaller one consisting of *Euro-enthusiasts* (96). Looking at the average mean scores of these four groups on the three dimensions of European integration reveals a more nuanced picture.

The error bars plotted in Figure 1 graphically describe the average position of every group on each dimension (the horizontal lines represent the overall average position on each dimension), while exact scores are reported in Table 5. On the first dimension (*Supranational Integration*), the attitudes of national parliamentarians are clearly polarized between the vast majority of national parliamentarians having a high score (more than 55) and only the *Radical Eurosceptics* having a low 32. The polarization is very pronounced also on the *Redistributive Integration* dimension, but in this case the *Euro-minimalists* join the *Radical Eurosceptics* at the very bottom of the scale. Finally, with regard to the *Policy Delegation* dimension the groups are scattered all along the whole scale;

the most supportive of policy delegation are the *Euro-enthusiasts*, followed by the *Euro-instrumentalists*, the *Moderate Europhiles* and the *Radical Eurosceptics*.

4. Preferences and geographical distribution of the four typical profiles of parliamentarians

Having identified the main clusters and the distribution of national politicians among them, we must now move to better clarify their meaning with regard to the position held by their members on the future of European integration, and more precisely on the questions used to generate the three factors. Next, we will explore the preferences of each of the four clusters regarding some additional aspects of the European integration process, especially those more related with the solutions to the current economic and political crisis. Finally, we will check how members of the clusters are distributed among different countries, to see the prevailing positions in each parliament at the outset of the crisis.

On the first point, after having described their relations with the three factors we have identified (Table 5) it is useful to examine how the different clusters fare with regard to some specific components of the three factors in order to provide more substance to our definition of the groups (Table 6). Only among *Radical Eurosceptics* the ideas that unification (27,2%) and the European Parliament (44,3%) should be strengthened are shared by a minority. In all other groups they enlist large majorities. The idea that Member States should remain central actors

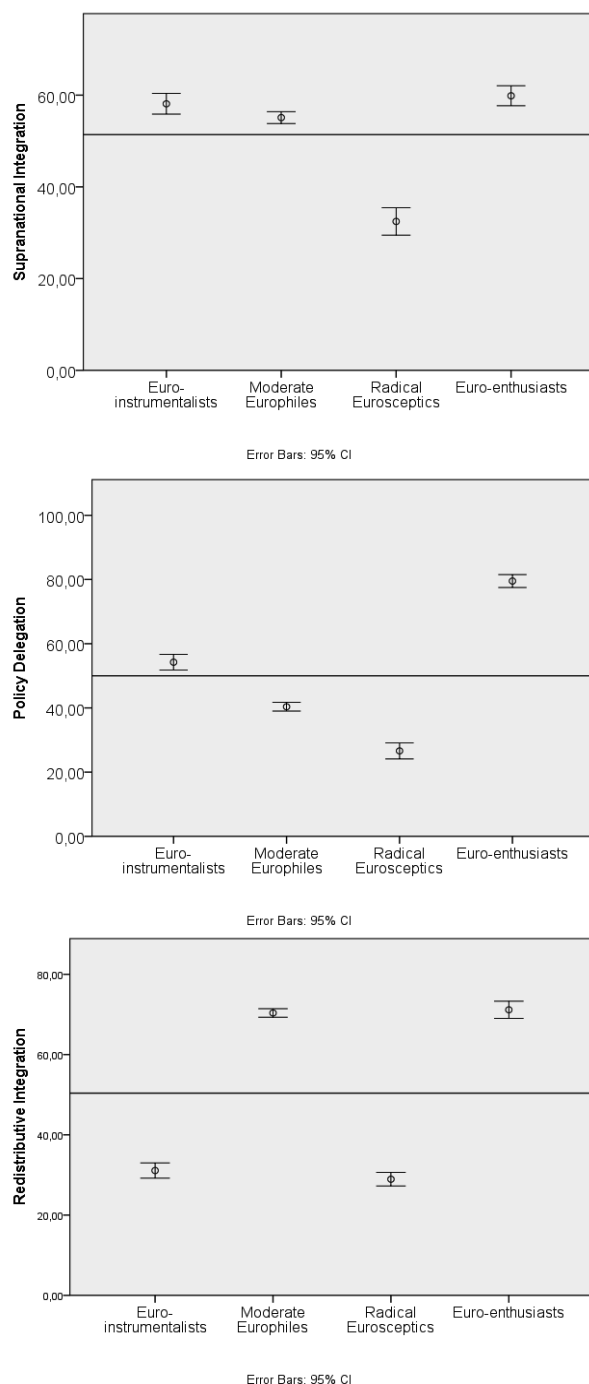

Figure 1. Error bars for the three dimensions of Europeanism by cluster (four clusters solution)

of the EU prevails in all groups, while only *Euro-enthusiasts* and *Moderate Europhiles* want to transform the EU commission in the true government of the Union. If we combine the institutional preferences held by members of the four clusters to see their preferred model of government, we can appreciate the distance between *Euro-enthusiasts* and *Euro-sceptics* (30% against 6% in support of the federalist model, and 18% against 83% in support of the intergovernmental model) and the middle position of the two other groups. In all groups, with the usual exception of the *Radical Eurosceptics*, there is a clear consensus on the necessity of a European Army.

On policies to be attributed to the EU the four groups distribute themselves in a different way. It is interesting to see how *Euro-instrumentalists* and *Moderate Europhiles* are very close to each other and in a central position between the two more extreme groups. While *Radical Eurosceptics* oppose delegation in all the policy areas considered and *Euro-enthusiasts* are always in favour, the two moderate groups want to totally or partially delegate immigration policy, environmental policy and crime prevention and oppose delegation only when it comes to health care and fighting unemployment.

Moderate Europhiles and *Euro-instrumentalists* clearly differ with regard to their intention to build some redistributive channels within the EU. An overwhelming majority among the former favours a unified tax system and social security system, two aspects that are vigorously opposed by *Euro-instrumentalists*. As expected, with regard to these issues *Euro-enthusiasts* join forces

Table 6

Summary table of positions about European integration by cluster

	Euro-instrumentalists	Moderate Europhiles	Radical Eurosceptics	Euro-enthusiasts	Total
Do you think that unification should be strengthened or has gone too far? (% who scored 6 or more on a 0-10 scale*)	73,8%	73,7%	27,2%	85,4%	67,7%
Member States ought to remain central actors (% agree strongly and agree somewhat)	75,6%	75,5%	89,8%	58,3%	76,0%
European Commission should become EU government (% agree strongly and agree somewhat)	43,8%	58,4%	12,9%	70,8%	50,1%
European Parliament should be strengthened (% agree strongly and agree somewhat)	76,2%	79,7%	44,3%	93,7%	75,0%
Single European Army or keep its own national army? (% in favour of European Army or both National and European)	72,6%	78,0%	30,7%	92,7%	71,2%
<i>How do you think it would be most appropriate to deal with each of the following policy areas? (% in favour of exclusive or concurrent European competence)</i>					
Fighting unemployment	36,3%	33,0%	8,2%	77,1%	34,1%
Immigration policy	84,4%	76,4%	25,2%	99,0%	72,0%
Environmental policy	84,4%	76,4%	25,2%	99,0%	72,0%
Crime prevention	72,5%	61,5%	29,9%	94,8%	61,8%
Health care	20,0%	23,5%	3,4%	77,1%	25,2%
<i>The character of the European Union in 10 years. Tell me whether you approve or disapprove... (% strongly or somewhat in favour)</i>					
...a unified tax system for the European Union	16,3%	76,0%	6,1%	86,5%	56,0%
...a common system of social security	12,5%	93,3%	0,7%	100,0%	65,7%
...single foreign policy toward outside countries	91,3%	94,2%	41,5%	97,9%	85,9%
...more help for regions with economic or social difficulties	83,8%	95,2%	63,9%	97,9%	88,6%
N	160	537	147	96	940

*On this scale, '0' means unification "has already gone too far" and '10' means it "should be strengthened"

with *Moderate Europhiles* while *Radical Eurosceptics* team with *Euro-instrumentalists*. Finally, it is striking to note that only *Radical Eurosceptics* are not in favour of having a single European foreign policy, a goal that is enthusiastically shared by all other groups.

As it is apparent from these findings variable coalitions are foreseeable in different areas of European integration.

A systematic exploration of all the different positions of the four clusters would go beyond the scope of this article. For the pur-

pose of this article we will concentrate on two main areas of problems that are particularly relevant today and in the near future for the European polity and its ability to overcome a very difficult historical moment. We will therefore explore how the clusters differ with regard to further institutional aspects that have not been considered so far and for what concerns their preferred solutions to the European crisis. On the first aspect we found that a clear majority of national parliamentarians are in favour of having a common constitution of the European Union (72,8%), a president of the European Union (59%) and of extending majority voting in the European Council (70,1%). *Radical Eurosceptics* are the usual exception, opposing all these reforms (in fact, among them only 29,7% are in favour of a common constitution, 41,1% of extending majority voting and 22,1% of having a president of the EU). We must caution that the answers on the president of the EU have a degree of ambiguity, because the characteristics of this figure are not specified in the question and it might be interpreted in different ways. In fact the Lisbon Treaty that was in the final stage of ratification during the fieldwork of the 2009 Intune survey introduced important innovations both for the President of the European Council and for the Commission President. On the one hand, the Lisbon Treaty reformed the informal six-months rotating Presidency of the European Council into a more stable figure elected by the European Council by a qualified majority for a term of two and a half years, renewable once. On the other hand, the Lisbon Treaty reinforces also the role and legitimacy of the Commission President, linking its election to the results of the European elections: according to the new rules the European Council will appoint a candidate for the post taking into account the results of European Elections; next, the appointee must receive an absolute majority in the European Parliament to be nominated. The existence of two political figures which can be seen as the President of the EU makes it difficult to understand the kind of figures

that respondents had in mind. However, another question can help to clarify this point. Whether in favour or against having a President of the EU, however defined, parliamentarians were asked which way of designation would be most appropriate, and they had to choose among three alternatives: an election by all EU citizens, an election by the European Parliament or an appointment by national governments through the European Council. A relative majority of them (49,1%) opted for an election by the European Parliament, while about one third on them (33,1%) favoured a direct popular election. Only *Radical Eurosceptics* are divided in three groups of equal size among those supporting one of these two options and those preferring the appointment by national governments (however, it should be also remembered that *Radical Eurosceptics* generally oppose the idea of having a President of the EU).

With regard to their preferred actions to address the crisis that was beginning to undermine European economy, in 2009 all clusters of parliamentarians held similar preferences: for about half of them the first option was a coordinate action of the national governments. About one fifth of them (slightly more in the case of *Euro-enthusiasts*, clearly less in the case of *Radical Eurosceptics*) preferred a direct action of the EU level, while only a small minority (but almost one third in the case of *Radical Eurosceptics*) suggested an autonomous action of their national governments.

If the European union were a unified polity and national elites were just territorially dislocated component of a common elite, the 2009 survey of national parliamentarians would suggest a clearly support for furthering integration at the elite level. While it is clear that there are several different directions that members of the political elite would like to pursue, it is also undeniable that a decisive consensus exists on many important steps. As it was shown, among national parliamentarians there is an overwhelming consensus that European unification should be strengthened and a vast majority of them are in favour

Table 7

Further preferences about EU integration by cluster

	Euro-instrumentalists	Moderate Europhiles	Radical Eurosceptics	Euro-enthusiasts	Total
Most important decisions concerning the EU should be taken by a majority of all European citizens via a popular referendum. (% agree strongly and agree somewhat)	32,9%	51,3%	39,3%	51,6%	46,4%
Europe needs a common constitution. (% agree strongly and agree somewhat)	73,4%	81,2%	29,7%	90,4%	72,8%
Majority voting should be extended in the European Council. (% agree strongly and agree somewhat)	69,9%	75,5%	41,1%	84,9%	70,1%
Are you in favour or against having a president of the European Union? (% agree strongly and agree somewhat)	54,6%	65,3%	22,1%	86,0%	59,0%
Alternatives to reduce the impact of the current financial crisis upon the economy of your country (% of first choice)					
An intervention of the European Union	17,9%	23,2%	7,4%	25,6%	20,1%
A coordinate action of the national governments	55,1%	46,2%	51,8%	52,7%	49,2%
An autonomous action of your national government	9,0%	14,6%	31,2%	5,4%	15,3%
N	160	537	147	96	940

of adopting a proper constitution, giving more powers to the European Parliament, reinforcing majority voting in the European Council, creating a European Army, adopting a common foreign policy and strengthening cohesion policy. In several of these fields the Treaty establishing a Constitution for Europe, whose implementation failed after the negative vote casted by French and Dutch voters in 2005, and the Treaty of Lisbon actually made clear progresses. In others, such as foreign and defense policy, the Lisbon Treaty made only hesitant progresses: in fact the creation of the High Representative for the Union in Foreign Affairs and Security Policy does not imply new powers to the EU (because he or she acts in foreign policy matters on the basis of decisions taken unanimously by the EU 27) and military capabilities firmly remain in national hands.

Advances in other fields, where the support for further integration has an

absolute but not overwhelming consensus, are not even debated in the political agenda: these include transforming the Commission in the true government of the EU, adopting a unified tax system for the European Union and a common system of social security. To understand why these proposals, agreed upon by most national parliamentarians, fail to be seriously debated it is useful to look at how the four “groups” of parliamentarians are distributed among the member states included in the survey. It is worth noting that results at the national level are based on small samples, thus caution must be applied in the interpretation, as the findings might not extended to the relative populations. This is especially true for estimation of small aggregates (such as Euro-enthusiasts). However, results are indicative of the major differences among countries.

In most countries *Moderate Europhiles* constitute an overwhelming majority: it is

Table 8

Country distribution of the four clusters

	Euro-instrumentalists	Moderate Euro- rophiles	Radical Euros- ceptics	Euro-enthu- siasts	Total
Austria	15,2%	50,0%	28,3%	6,5%	100,0%
Belgium	23,4%	54,7%	7,8%	14,1%	100,0%
Bulgaria	3,4%	87,9%	5,2%	3,4%	100,0%
Czech Republic	10,3%	56,4%	33,3%	0	100,0%
Denmark	47,2%	30,6%	19,4%	2,8%	100,0%
France	19,0%	56,9%	6,9%	17,2%	100,0%
Germany	30,4%	48,2%	21,4%	0	100,0%
Great Britain	11,1%	16,7%	70,8%	1,4%	100,0%
Greece	7,3%	82,9%	0	9,8%	100,0%
Hungary	9,8%	77,0%	1,6%	11,5%	100,0%
Italy	12,7%	71,4%	6,3%	9,5%	100,0%
Lithuania	14,5%	71,0%	10,1%	4,3%	100,0%
Poland	12,0%	72,0%	16,0%	0	100,0%
Portugal	27,0%	41,3%	4,8%	27,0%	100,0%
Slovakia	31,7%	38,1%	11,1%	19,0%	100,0%
Spain	7,9%	57,9%	6,6%	27,6%	100,0%
Total	17,0%	57,1%	15,6%	10,2%	100,0%
N	160	537	147	96	940

so in Bulgaria (87,9%), Greece (82,9%), Hungary (77,0%), Poland (72,0%), Italy (71,4%) and Lithuania (71,0%). Also in Spain (57,9%), France (56,9%), the Czech Republic (56,4%), and Belgium (54,7%) this group appears to be an absolute majority. In these countries supranational integration and redistributive integration should enjoy considerable support. In addition, as far as these two dimensions are concerned, *Moderate Europhiles* can join forces with the small *Euro-enthusiasts* group; considering these two groups together means that an integrationist consensus in these matters could be found also in Portugal (68,3%) Austria (56,5%) and Slovakia (57,1%).

In the United Kingdom, Germany and Denmark the two sub-groups belonging to the Europhile cluster do not reach the majority. The United Kingdom is the only countries where *Radical Eurosceptics*, opposing European integration on all its dimensions, are an overwhelming majority (70,8%). In Denmark the situation is more

nuanced: the relative majority of *Euro-instrumentalists* (47,2%) can join forces with the *Moderate Europhiles* to further policy delegation on certain policy fields and with *Radical Eurosceptics* to block any attempt of supranational and redistributive integration. A bigger surprise is Germany where the relative majority of *Moderate Europhiles* (48,2%) is balanced by a more or less equivalent strength of the Eurosceptics, made of *Euro-instrumentalists* and *Radical Eurosceptics* who together control the other half of the parliament. This distribution contributes to explain the not very warm stance that Germany has taken in the past years on the integration debate.

Conclusions

This paper has shown that national parliamentarians evaluate the process of European integration according to a multidimensional frame of reference: the three dimensions found relate to (1) supranational political integration, (2) policy

delegation and (3) the transformation of EU in a unified redistributive space where tax are collected and common welfare policies are drafted. The first and the third dimensions are to a certain extent parallel, because they both more clearly imply a structural form of political integration, while the policy delegation dimension has also a clear utilitarian meaning.

Having analyzed the different “courses” of the European menu, we have described how these preferences are combined in the minds of national parliamentarians, finding inductively four clusters of parliamentarians — *Euro-instrumentalists*, *Moderate Europhiles*, *Radical Eurosceptics* and *Euro-enthusiasts* — which have different ideas on whether, to what extent and in which directions furthering the European integration process.

The fact that one of the groups (the *Moderate Europhiles*) is by far the largest confirms the existence of a large (albeit not very enthusiastic) support among national elites for the process of European integration. It indicates also that this process will be incremental and probably slow. The small size of the *Radical Eurosceptics* cluster suggests that open and straightforward opposition to further integration is minoritarian. Its blocking power however can be increased by the fact that on specific issues their opinions can coincide with that of members of the *Euro-instrumentalist* cluster (and more rarely even of the *Moderate Europhiles*). We must also consider that the four groups are unevenly distributed among the member states included in the Intune survey, and this means that the sum of national majorities may differ from the combined majority.

The next step would be to begin discussing systematically the consequences of this upon the future developments of the EU (on the assumption that preferences of national elites may influence the decisions). In this paper we have only formulated a few points for further elaboration. Firstly, the multidimensional structure of preferences provides the background for a “non linear”

development of the process of integration: advances along one dimension may not necessarily coincide with advances along another dimension. This is especially true for the preferences on how many (and which) policies are to be delegated to the European level. Secondly, the non coincidence in the distribution of preferences along the different dimensions makes for the possibility of “deals” cutting across them. It might be hypothesized that actors who are not willing to support further integration but wish to shift specific policies to the EU level can accept a progress in the integrationist process conditioned to the delegation of that policy. Finally, in order to evaluate the potential impact of elite preferences we cannot avoid bringing into play the problem of the “European political space” and of its definition. Is it to be seen as “the sum of national spaces” whereby national preferences must be added to produce the European preference; or as a “common space” where all individual preferences would be directly aggregated (this is what happens to a significant extent in the EP).

This article has not explored other interesting questions that could be raised with regard to the different dimensions according to which parliamentarians look at the process of European integration. Most notably, discovering the determinants of support for integration in each of these dimensions would also shed some light on why parliamentarians do not evaluate the process of integration on a single pro/anti Europe axis. Secondly, uncovering the causal links between each dimension and its determinant would help to understand why parliamentarians belonging to different clusters are so unevenly distributed in different countries. Finally, it would be highly interesting to see whether and to what extent the worsening of the economic crisis has changed the attitudes of national parliamentarians in different regions that were affected to a different degree. In 2009, when the last wave of the Intune survey was conducted, the crisis was only at its

beginning and was still a European wide phenomenon. The severe impact that the crisis had on Southern Europe (and not only) pushed the EU, and especially the Euro zone, to impose in some countries

the adoption of strong austerity measures, but also to create new costly solidarity mechanisms. We may expect these changes to have affected asymmetrically the attitudes of the parliamentarians of different countries.

References

1. Burnes, R.P., & Burnes, R. (2009), *Business Research Methods and Statistics Using SPSS*. London, Sage.
2. Best, H., Lengyel, G. & Verzhicelli, L. (eds.) (2012), *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Economic and Political Elites*. Oxford, Oxford University Press.
3. Cotta, M. (2012), Political Elites and a Polity in the Making: The Case of the EU. In «Historical Social Research», (2012), vol. 37, pp. 167-192.
4. Cotta, M. (2013), Facing the crisis: the variable geometry of the European elite system and its effects, in J. Higley and H. Best eds. *Political Elites in the Transatlantic Crisis*, Houndmills, Palgrave (forthcoming)
5. Cotta, M. & Isernia, P. (2009), 'Citizenship in the European polity: questions and explorations' in C. Moury & L. de Sousa (eds.) *Institutional Challenges in Post-Constitutional Europe*. Governing Change, Routledge, London, pp. 71-94.
6. Cotta, M. & Russo, F. (2010) Contending views about European governance among national elites (paper presented at the IPSA International Conference, Luxembourg 2010 "Is There a European Model of Governance? A Comparative Perspective")
7. Cotta, M. & Russo, F. (2011) Beyond Euroscepticism and Europhilia: contending views about European governance. Paper presented at the ECPR Joint Sessions of Workshops, St. Gallen, 12-16 April.
8. Cotta, M. and Russo, F. (2012), *Europe la carte? European citizenship and its dimensions from the perspective of national elites*, in H. Best, G. Lengyel and L. Verzhicelli (eds.), *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Economic and Political Elites*, OUP.
9. Fabbrini, S. (2007), *Compound democracy*, Oxford, Oxford University Press.
10. Garrett, G. (1992). 'International cooperation and institutional choice: The European Community's internal market', *International Organization* 46: 533-60.
11. Haas, E.B. (1958). *The uniting of Europe: Political, social and economic forces, 1950-57*. London: Stevens & Sons.
12. Haller, M. (2008), *European integration as an elite process*, Milton Park, Routledge.
13. Hix, S. (1999). 'Dimensions and alignments in European Union politics: Cognitive constraints and partisan responses', *European Journal of Political Research*, 35: 69-106.
14. Hix, S. & Lord, C. (1997). *Political parties in the European Union*. London: Macmillan.
15. Hooghe, L. & Marks, G. (2005). 'Calculation, Community, and Cues: Public Opinion on European Integration', *European Union Politics* 6, 4: 419-443.
16. Hoffman, S. (1966), 'Obstinate or obsolete: the fate of the Nation State and the case of Western Europe', in *Daedalus*, 95, 892-908.
17. Hooghe, L., G. Marks (2008), 'A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus', in *British Journal of Sociology*, 39, 1-23.
18. Kreppel A and Tsebelis G (1999) 'Coalition formation in the European Parliament'. *Comparative Political Studies* 32(8): 933-966.
19. Lindberg, L.N. (1963). *The political dynamics of European Economic integration*. London: Oxford University Press.
20. Marks, G., L. Hooghe, ad K. Blank. (1996) 'European Integration from the 1980s: State Centric v. Multilevel Governance'. *Journal of Common Market Studies*, 34(3), pp-341-378.
21. Marks, G., Wilson, C., & Ray, L. (2002). 'National political parties and European integration', *American Journal of Political Science*, 46, 585-594.
22. Moravcsik, A. (1991). 'Negotiating the Single European Act: National interest and conventional statecraft', *International Organization* 45: 19-56.
23. Moravcsik, A. (1993). 'Preferences and power in the European Community: A liberal intergovernmentalist approach', *Journal of Common Market Studies* 31: 473-524.
24. Moravcsik, A. (1998), 'The Choice for Europe', Ithaca: Cornell University Press.
25. Proksch, S., and Lo, J. (2012) 'Reflections on the European integration dimension', *European Union Politics*, 13(2) 317-333
26. Tsebelis, G. and Garrett, G. (2001), 'The institutional foundations of intergovernmentalism and supranationalism in the European Union', *International Organization* 55(2): 357-390.

- ¹ This research was funded by a grant from the IntUne project (Integrated and United: A quest for Citizenship in an ever closer Europe) financed by the Sixth Framework Programme of the European Union, Priority 7, Citizens and Governance in a Knowledge Based Society (CIT3-CT-2005-513421). We acknowledge also the support of the Italian National Research Project PRIN 2009 («Variable, but also «Nested». The Changing Geometry of Political and Social Europe: Trends and Dilemmas» directed by Maurizio Ferrera) for the Siena Research Unit directed by Maurizio Cotta «National interests and European Solidarity. Representation in the supranational polity and the challenges of the financial crisis».
- ² The method of extraction adopted is principal axis factoring with varimax rotation. Factors with Eigenvalues greater than 1 were extracted.
- ³ The 2009 questionnaire used for the second wave of the Intune elite survey contained also the following additional items about the process of integration: a question on the favourite method to be used if a President of the European Union should be elected; a question on the desirability of popular referendum to allow European citizens to take the most important decisions concerning the EU; a question on the desirability of having a European Constitution; a question concerning the opportunity to extend majority voting in the European Council; a question about the role that the EU should have in addressing the recent financial crisis. When introduced in a new factor analysis only the items concerning the extension of majority voting and the desirability of a European constitutions loads on the first factor, while all the others either do not load on any factor or constitute a single item dimension. All the remaining dimensions are not affected by the introduction of these variables.
- ⁴ In the cluster analysis we use factor scores, rescaling them from 0 and 100. There are two commonly adopted methods to obtain synthetic measures from factor analyses. One is using the scores directly derived from the factor solution, the second is resorting to constant range scales; this scales are constructed giving the same weight to each variable, regardless of their loadings, but considering only the items with a given minimum load (the standard cut off value is 0,5 or 0,6). Factor scores have better statistical properties (they use all the information available) but are more difficult to interpret because they have undefined ranges. In our case factor scores and constant range scales are highly correlated, with Pearson's R varying between 0,89 and 0,96.
- ⁵ Ward's method minimizes the variance within clusters. It is different from other methods because it evaluates the distance between clusters using a variance approach; the criterion for fusion is that it should produce the smallest possible increase in the error sum of squares.
- ⁶ When using Ward's measure the coefficient given in the agglomeration schedule is the within-cluster sum of squares at that step. In other popular methods it is the distance between the clusters that are merged.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КНР: ПРОБЛЕМЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»

А.Д. Воскресенский (§ 2 совместно с В.А. Сергеевой)

1. Основной вектор политической модернизации в Восточной Азии в контексте социокультурных особенностей региона

В Восточной Азии существует наименьшая по сравнению с другими регионами Востока (Ближний Восток, Африка) поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона. Модернизация (т.е. приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, т.е. неизбежность движения государственных образований только в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном своеобразии: «Вестминстерская» модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри-Ланке; доминантная роль либерально-демократической партии в Японии до потери власти ЛДП и прихода демократов; особая роль исламского конфессионального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; формальные огра-

ничения некоторых свобод и наличие доминантного харизматического политического лидера (ментора-наставника) в Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР. Подавляющее число политических режимов в этом макро-регионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии с демократическим режимом властвования, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство. Поэтому в экономически интенсивно развивающемся регионе нельзя восприниматься в качестве успешной страны, присоединившейся к экономическому сообществу региона, если осуществляемые правительством и правящей элитой политические практики существенно отличаются от регионального политико-экономического мейнстрима. Именно поэтому с таким вниманием страны Восточной Азии отнеслись к военному перевороту в Таиланде, справедливо посчитав, что возвращение к практике вмешательства военных в политический процесс может вернуть соблазн использовать этот резервный метод для разрешения политического или экономического кризиса в тех странах, которые, казалось бы, отходят от применения на практике такой модели (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы и др.).

В Восточной Азии наибольшее количество незападных демократий, т.е. тех стран, которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в некоторых странах, государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе насильственной мобилизационной модели развития, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, незападного и немобилизационного типа. Там, где национальные принципы сочетались с рациональным использованием международного опыта, поощряли бережное отношение к населению своей страны и «вращивание» талантов, не предусматривали насильственного автоматического заимствования всего без исключения, без адаптации к местным условиям, там, где грамотные специалисты и высококвалифицированная политическая элита, выращенная на основе меритократии, осуществляли анализ сильных и слабых сторон и уже имеющийся опыт применения критериев отбора в своей стране, да еще и корректировали его на протяжении достаточно длительного времени в соответствии с обстоятельствами, не забывая о здравом смысле, там и были получены наилучшие результаты, а в конечном счете, и лучшие условия жизни людей. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т.д., изменив экономическую и политическую карту мира. Теперь, когда к такому типу развития присоединяется Китай, Восточная

Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI в.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде китаизированного марксизма, к началу XXI в. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культуры конфуцианства (в частности, этическими представлениями). На локальном (низовом, уездном и поселковом) уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограничено — свобода слова и собраний). Очевидно, что страна активно ведет поиск национальной модели открытого социально-политического доступа, свидетельством чего стал новый этап социально-политического развития общества, зафиксированный в документах XVIII съезда КПК и подтвержденная цель построения развитого социалистического демократического государства к середине XXI в. Модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и, одновременно, незападной демократии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. Но уже давно представители других партий КНР, формально признающих КПК в качестве ведущей политической партии, задаются вопросом: почему только коммунисты сущностно обсуждают и определяют будущее страны, почему только они монопольно видят единственно верное направление развития для Китая? Почему вступление в другие партии обусловлено непременно предварительным согласием КПК? Почему члены других партий могут вступить в КПК после соответствующей процедуры, а наоборот — невозможно? В качестве ответа

коммунистов на этот вопрос и появилась теория «трех представительств» (*саньге дайбяо*) Цзян Цзэминя, которая без введения особой конституционной статьи, подобной 6-й статье последней Конституции СССР о монопольном правлении КПСС, объяснила китайскому обществу и коммунистам, как КПК будет аккумулировать в своих рядах самых прогрессивных представителей страны, вне зависимости от того, какой социальный и политический слой они представляют, и почему КПК стала партией всей китайской нации, а не просто партией марксистского типа. В связи с этим вполне можно сказать, что китайские коммунисты пока идут по пути советских коммунистов, провозгласивших в свое время, что КПСС из марксистско-ленинской партии диктатуры пролетариата превратилась во всенародную партию. Но в КПСС после этого началась политическая борьба за монопольное право практической трактовки марксистско-ленинского учения под формой борьбы за чистоту политического учения, приведшая сначала к выходу Демократической платформы из КПСС, а потом к распаду самой партии, которая не смогла аккумулировать чаяния всего народа, а стала выражать представления наиболее консервативной части советского общества, ориентировавшей развитие страны через де-факто насильственное подчинение народа задачам узкой группы политической элиты. В КПК же создан своеобразный механизм, который ограничивает открытую политическую борьбу и акцентирует внимание прежде всего на конструктивном характере выработки консенсуса по различным, нередко конкурирующим, направлениям развития китайского общества.

В отличие от СССР, начавшего эксперименты с кооперативным движением только после прихода М.С. Горбачева к власти, система ограниченно открытого социально-политического доступа была довольно широко введена в Китае по

предложению Дэн Сяопина в экономике (семейный подряд и «двухколейная» экономика), а затем частично и в разной степени в научно-образовательной сфере, экспортных отраслях, секторах электроники и хайтека. Такая модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и одновременно незападной демократии, одновременно обеспечив успех проведения экономической модернизации.

В конечном счете судьба Китая будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной Ху Цзиньтао концепции построения «гармоничного общества» (*хэсе шэжэуэй*), в центр которой поставлен конкретный человек, и воплощения в реальность идеи «китайской мечты» («чжунго мэн»), которую выдвинул новый лидер Си Цзиньпин. Следует заметить, однако, что динамика поступательного характера «политического перехода» в указанном направлении будет зависеть от сущностного наполнения курса после смены высшего политического руководства Китая в 2012 г. и прихода на китайский политический Олимп Си Цзиньпина. Некоторые конкретные вопросы этого сущностного наполнения (механизм обеспечения преемственности и ротации высшего руководства, административная реформа и повышение эффективности госаппарата, эволюция механизма голосования, внутрипартийная демократизация, формирование гражданского общества) с точки зрения эволюции системы политического управления и будут рассмотрены далее.

2. Институализация механизма обеспечения преемственности и ротации высшего политического руководства страны¹

Система подбора и выдвижения высшего политического руководства, унаследованная КНР от заимствованной в 1950-е гг. при образовании КНР советской модели, всегда отличалась практи-

чески полной непрозрачностью. Общие принципы формирования партийно-политической и управленческой элиты страны прописаны в нормативных документах партии и государства, а принципы обязательной ротации высших должностных лиц, введенные после прихода к власти Дэн Сяопина в 1978 г., зафиксированы в документах КПК и нормативных актах. Неясность и непрозрачность заключается в том, что процедура, в соответствии с которой тот или иной партийный функционер становится кандидатом на высший партийный пост, не прописана в документах, а система назначения традиционно персонализирована и скрыта в недрах партийного аппарата. После назначения на соответствующую должность общественность получает ответ: данная кандидатура лучше других соответствовала назначению на соответствующую должность. Но почему именно Си Цзиньпин стал в свое время кандидатом на должность генерального секретаря? Почему высшим руководителем был выбран Ху Цзиньтао, а не личный протеже Цзян Цзэминя Цзэн Цинхун? Означает ли это слом существовавшего раньше и унаследованного от советской модели механизма персонифицированного преемства и институализацию нового механизма назначения на высшую должность в стране?

Введенный Дэн Сяопином механизм назначений и ротации высших должностных лиц считается персонифицированным: Ху Цзиньтао был выбран Дэн Сяопином и несколькими его коллегами в 1992 г., в то время как Цзян Цзэминь и Политбюро не принимали участия в этом решении, а у Цзян Цзэминя был «свой» кандидат-преемник — Цзэн Цинхун. Однако выбор в кандидаты преемника лидера страны, задолго до назначения на пост, не случаен, и не определяется только лишь личными предпочтениями высших руководителей, как это кажется на первый взгляд. Он основан на соответствии профессиональных и личностных

качеств будущего лидера тем вызовам и тому времени в развитии страны, в которое ему придется руководить. То есть при подборе преемника на высший пост партия и руководство страны учитывают прогнозы развития Китая и мировой системы на следующие десять-пятнадцать лет.

«Четвертое поколение» руководителей представляло сочетание партийных аппаратчиков и технократов. В высшем руководстве доминировали руководители, ранее работавшие в провинциях. Так, шесть из девяти членов Постоянного комитета Политбюро имеют опыт работы на региональном уровне или были связаны поддержкой с какой-либо провинцией. Численность военных в высших эшелонах власти КНР была небольшой. С 2002 г. в Центральном комитете их число не превышало 20%. В полном составе Политбюро военных 10% (2 чел.), а в Постоянном комитете их нет вообще.

В период до XVIII съезда в правящей верхушке аналитиками выделялись политические группировки, причем некоторые лидеры могут входить в несколько группировок одновременно. Существует четыре основные политические группировки:

I. Шанхайская, в которую входили такие руководители высшего эшелона власти, как У Банго — председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, Цзя Циньлинь — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая.

II. Выходцы из Коммунистического союза молодежи Китая (*туаньбай*): Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао — премьер Госсовета Китайской Народной Республики, постоянный член Политбюро ЦК КПК.

III. Группировка так называемых «наследных принцев» (*тайцзыдан*) т.е. родственники бывших крупных партийных функционеров: Си Цзиньпин и др.

IV. Выпускники Университета Цинхуа (Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин и др.).

В эпоху правления Ху Цзиньтао высшие руководящие деятели страны образовывали политический триумвират. Ху Цзиньтао занимал пост генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР, председателя Центрального военного совета ЦК КПК, председателя Центрального военного совета КНР. Находящийся на этих постах высший руководитель контролирует высшие посты в партии, госаппарате, военной сфере. Нахождение на этих постах позволяет использовать институциональную власть: назначение и снятие с должности высших чиновников по всей стране и внутри различных госструктур; определение повестки дня Политбюро — высшего коллективного органа партийного руководства страны, председательствование на заседаниях Политбюро во время обсуждения политического курса; принятие решений по конкретным наиболее важным вопросам, касающимся судьбы страны.

Вэнь Цзябао занимал пост председателя Госсовета Китайской Народной Республики, постоянного члена Политбюро ЦК КПК. Будучи премьером, Вэнь Цзябао контролировал дела Государственного совета — правительства КНР. Вокруг премьера концентрируется широкая группировка технократов-специалистов Госсовета как высшего исполнительного органа. Контролируя ежедневные финансовые, промышленные, сельскохозяйственные, общественные и дипломатические дела страны, технократическая группировка премьера решает для партии важную задачу управления все более современным и сложным обществом и экономикой.

Цзэн Цинхун являлся вице-председателем КНР, членом ПК Политбюро ЦК КПК и членом Секретариата ЦК КПК (до 2008 г.). Затем на его место в секретариате был выдвинут Си Цзиньпин. Функции вице-председателя «дополняют» функции председателя КНР, то есть вице-председатель выполняет вспо-

могательные функции в партии и государственных делах. Важно отметить, что карьера Си Цзиньпина включала должность члена секретариата ЦК, а потом он смог стать и главой партии, и государства, в то время как Цзэн Цинхун в определенный момент остановился в своем карьерном росте и не смог стать претендентом на высшие партийные и государственные должности.

Считается, что система рекрутирования и ротации высших должностных лиц после первых десяти лет реформ стала осуществляться следующим образом. В 1992 г. Дэн Сяопин — в то время лидер третьего поколения китайских руководителей — выбрал Ху Цзиньтао в качестве будущего руководителя четвертого поколения китайских руководителей. В это время Ху стал самым молодым членом Политбюро, который постепенно стал создавать свое будущее окружение, в основном, из выходцев из Коммунистического союза молодежи Китая, лидером которого он являлся в свое время. В 1998 г. Ху был назначен заместителем председателя КНР, в 1999 г. — заместителем председателя Центрального военного комитета, в ноябре 2002 г. — генеральным секретарем ЦК КПК, в марте 2003 г. он был избран председателем КНР, в сентябре 2004 г. становится председателем Центрального Военного Совета ЦК КПК, с марта 2005 г. — председателем Центрального военного совета КНР.

Как мы видим, передача власти проходила в течение трех лет, являлась многоступенчатой, включала выборные и «назначенные» позиции. Если на каком-то этапе движения по карьерной лестнице кандидат в преемники совершил бы ошибку или не справился бы с порученными задачами, то он не получил бы следующий пост, и тогда руководство стало бы на какое-то время коллективным, а кандидат в преемники «преемником» бы не стал. Не допустив ошибок в первые три года, выполнив все необходимые задачи этого уровня управления и

получив все необходимые должности, Ху Цзиньтао на два последних года из пяти лет первого срока правления получал всю полноту власти в стране, а не злоупотребив ею и обеспечив успешное развитие страны за это время, затем был переизбран на второй срок — следующие пять лет. При переизбрании было понятно, что общий срок нахождения на высшем посту нарушен не будет. Такая схема была создана для того, чтобы в партии и государстве не возникло единоличной диктатуры с большой вероятностью субъективизма и ошибок в управлении огромной модернизирующейся и быстро развивающейся страной. Создание такой системы отражало признание того факта, что один человек или одна группировка просто не в состоянии эффективно управлять такой огромной страной, как Китай. Поскольку группировке председателя КНР недоставало знания экономики, они сотрудничали с представителями других группировок, которые обладали необходимыми экономическими навыками и знаниями. Опираясь сначала на знакомых по Коммунистическому союзу молодежи Китая, Ху постепенно стал назначать их на важные партийные и государственные посты, а затем привлекать на свою сторону ключевые фигуры сторонников Цзян Цзэминя, т.е. своих потенциальных конкурентов, а те, в свою очередь, получали соответствующие их знаниям и влиянию посты.

Таким образом, начиная с Ху Цзиньтао, в КНР фактически произошла институционализация новой системы назначений и ротации высшего эшелона руководства страной. Прошедший пятнадцатилетнюю проверку механизм наследования к приходу «пятого поколения» стал таким: избранный преемник занимает место в ПК Политбюро за много лет до реального перехода власти. Ему поручают исполнение важных функций и задач, которые позволяют выявить, насколько он готов к управлению страной. Номенклатурный «портфель» дает ему

возможность создавать окружение и сеть поддержки, а партийный «портфель» предоставляет навыки и возможности управления. Как только новый лидер получает высшую должность в Политбюро, у него появляется институционализируемая политическая власть. До тех пор, пока он грамотно использует институциональную власть, она не оспаривается никем в высшем эшелоне китайского руководства. Причем какой бы поддержкой предыдущего лидера ни пользовался новый лидер, если у него нет нужного набора должностей, то он не получает доступа к процессу выработки политической линии, т.е. не может влиять на него, а остается только исполнителем партийной линии. Уходящий лидер подготавливает для нового лидера управленческую команду, защищая, по сути, себя и свои политические интересы. Эта команда обеспечивает преемственность политической линии, поскольку процесс ее замены новым руководителем занимает от трех до четырех лет и автоматически не гарантирован.

Нынешний руководитель КНР Си Цзиньпин, так же как и его предшественник, за много лет до назначения на высший пост был введен в высшие политические круги. В 1997 г. на XV съезде он стал кандидатом, а после XVI съезда — членом ЦК КПК. По рекомендации Цзян Цзэминя на XVII съезде он был избран членом Политбюро, членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и заместителем генерального секретаря ЦК КПК, а затем стал заместителем председателя КНР, т.е. официально выдвинут в преемники Ху Цзиньтао.

Быстрому продвижению Си Цзиньпина способствовало не только то, что он был выходцем из определенной административно-политической группировки, но и его тесные связи с военными и другими силовыми ведомствами, поскольку после окончания университета он три года проработал секретарем тогдашнего министра обороны Гэн Бяо, а

затем секретарем Военного совета. Кроме этого Си имеет большой опыт успешного управления экономически развитой провинцией «приморского пояса» и крупной государственной корпорацией национального уровня. После назначения генеральным секретарем КПК Си Цзиньпин успешно сосредоточил политическую власть в своих руках, установив контроль над внутривластными делами, а также внешнеполитическим курсом за счет того, что стал главой «малой группы руководителей ЦК по иностранным делам». В то же время Си пока не сформировал вокруг себя группу аналитиков из академических и общественных кругов, которые могли бы предложить нестандартные идеи развития страны в кризисную эпоху, хотя и начал продуцировать совершенно новые политические и экономические идеи и концепции (к примеру, «китайская мечта», «экономический пояс Великого Шелкового пути», государства Арктического экономического пояса, россиеведение — и это только за первый год руководства страной). Время покажет, сможет ли Си Цзиньпин сформировать обширный круг экспертов, способных предложить не просто свежие идеи оживления экономической и политической жизни страны, но и пути их воплощения. Нынешний премьер и член группировки «комсомольцев» Ли Кэцян собрал собственный крупный «мозговой центр», состоящий из профессоров и бывших однокурсников из Пекинского университета, который начал разработку нового плана мер по развитию экономики страны и, в частности, путей реализации концепций, председателем Китая.

На XVIII съезде КПК в расширенный состав Политбюро была введена новая группа относительно молодых руководителей (Сунь Чжэнцай, Ху Чуньхуа), у которых есть потенциал стать вероятными кандидатами в преемники и которые могут получить новые, более высокие должности на XIX съезде КПК, если

их карьерный рост будет происходить по плану. Уже сейчас можно приблизительно судить об их системе политических и экономических взглядов и дальнейших перспективах развития КНР.

Таким образом, за последние пятнадцать лет в КНР был создан механизм рекрутирования на должности и ротации высшего эшелона партийного и государственного руководства. Рассмотрение политического механизма ротации лидеров КПК с начала реформ позволяет предполагать, что выбор в кандидаты преемника лидера страны задолго до назначения на пост не случаен, а основан на соответствии профессиональных и личностных качеств будущего лидера тем вызовам и тому времени в развитии страны, в которое ему придется руководить. То есть при подборе преемника учитываются прогнозы развития Китая и мировой системы, которые разрабатывают соответствующие научно-исследовательские отделы ЦК и Академии общественных наук КНР в соответствии с мировой конъюнктурой и тенденциями мирового развития, а также проверяемые на протяжении достаточного времени личные качества будущего руководителя.

3. Эволюция административной реформы и повышение эффективности госаппарата: центральный и локальный уровни управления

Опыт исторического развития Китая 1980-х гг. раннего периода реформ показал крайне высокий уровень административной неэффективности государства. Неэффективность приводила к росту коррупции, увеличению бюрократической прослойки и непрозрачным административным процедурам, которые, в свою очередь, только повышали неэффективность. Этот порочный круг с течением времени стал представлять все большую проблему для КПК как правящей партии, а также для всего госу-

дарства. Важно отметить, что при постепенной эрозии коммунистической идеологии именно реформы и повышение эффективности стали стержнем повышения легитимности КПК. Оценка эффективности административного управления помогает понять, насколько правительство может справиться с теми вызовами, которые встали перед Китаем, и одновременно, насколько высок уровень поддержки правительства населением.

Административные реформы проводились несколько раз в период после образования КНР в 1954, 1958–1959 и 1960–1965 гг., однако они не носили системного характера, а были направлены в основном на упорядочивание кадрового состава административных органов «внутри» командно-административной системы советского типа. Следует отметить, что необходимость административных реформ дополнительно актуализировалась прошедшим в годы культурной революции сломом системы органов государственного управления на провинциальном и поселковом уровне и преобразованием их в «ревкомы», превратившиеся в бюрократические единицы, сосредоточившие в себе административные, хозяйственные и судебно-юридические функции. В 1979 г. ревкомы были преобразованы в местные народные правительства различных ступеней, что должно было способствовать развитию экономической реформы и укреплению политической стабильности. Программным в этой области стало выступление Дэн Сяопина «Сокращение учреждений является революцией», в котором необходимость административной реформы была связана с выживанием партии и правительства. В результате административной реформы 1980-х гг. количество министерств, комитетов, организаций, канцелярий Госсовета было сокращено с 100 до 60, количество заместителей в министерских подразделениях уменьшилось с

13 до 2 человек, общее сокращение составило 1/3 (с 51 до 31 тыс.). Были выработаны возрастные критерии: возраст министра не должен был превышать 65 лет, возраст заместителя министра, начальника управления, департамента — 60 лет. Министр не мог иметь более 3–5 заместителей, начальник департамента — 2–3. В Госсовете был создан президиум. Его членами по совместительству стали некоторые министры и руководители комитетов, а также ряд специалистов. Статус членов президиума соответствовал статусу заместителя премьера. Заместителей же премьера, занимавших должности по совместительству, сократили — с 13 до 2 человек. Рабочим органом Госсовета стало Постоянное бюро Госсовета (ПК Госсовета), в которое входили премьер, его заместители, члены Президиума Госсовета и начальник секретариата. По новой Конституции 1982 г. премьер Госсовета и его заместители не могли занимать свою должность более двух сроков подряд.

Далее началась реализация административной реформы на местном уровне. На уровне провинций, автономных округов, городов центрального подчинения количество персонала в партийных и правительственных органах сокращается со 180 тыс. до 120 тыс. человек. В городских и уездных органах сокращения составляли 20%, однако при этом в бедных районах сокращения были номинальными, иначе они только увеличили бы проблему безработицы. Было принято постановление «Об установлении порядка выхода на пенсию пожилых *ганьбу*», в соответствии с которым руководители должны были работать только до установленного срока: на уровне провинции и министерства до 65 лет, а заместители руководителей до 60. Постепенно это положение было распространено на более широкий круг руководителей.

Значимость первой волны административных реформ заключается в том, что впервые была поставлена и реализована задача крупномасштабных преоб-

разований госаппарата, ликвидирована система пожизненного занятия должностей, чтобы должно было способствовать приливу «свежей крови» в государственные структуры. Однако в целом цели реформы выполнены не были, так как к концу 1990-х гг. численность госаппарата снова начинает увеличиваться. Новым подходом к реформе стал пересмотр функций и полномочий правительства, а также изменение формы управления предприятиями и непроизводственными структурами — от непосредственного к косвенному. Важным моментом стала постановка вопроса о введении системы госслужащих и создание специальной законодательной базы. Госслужащие будут поделены на две категории: 1) административные работники (подбираются партией, которая представляет их на утверждение СНП местного уровня) и 2) профессиональные работники (утверждаются на основе результатов экзаменов и проведения открытых конкурсов). Вся их деятельность была регламентирована законодательно, что закрепило практику приема госслужащих на конкурсной основе. Еще одно отличие реформы конца 1980-х гг. состояло в том, что была поставлена задача разделения партийных и государственных структур, освобождения административных структур от власти партии. Так, на провинциальном и уездном уровне сократили должности секретарей и партийных работников, которые участвовали в административной деятельности, т.е. по «Закону о предприятиях» 1988 г. партия предоставляет предприятиям всю полноту ответственности за производственную и управленческую деятельность. На этом этапе властями и партией усиленно подчеркивалось, что административная реформа ведется одновременно с экономическими и политическими реформами и ориентирована на «разделение функций» между партией и правительством, центром и органами местной власти. Однако в 1990-е гг. процесс ад-

министративного реформирования был приостановлен в связи с ростом инфляции, экономической нестабильности, а потом и политическими волнениями в связи со сменой режимов в Восточной Европе и распадом СССР. Формирование новых принципов работы административного аппарата — конкуренции при приеме на работу, установление строгих рамок должностной компетенции, формирование законодательных норм для всех видов административной деятельности и их регламентация — последовало в 1990-е и 2000-е гг. и продолжается по настоящее время.

В 2000-е гг. особое внимание стало уделяться упорядочиванию и регламентации принципов одобрения инициатив частного сектора, что обеспечивало повышение экономического роста путем повышения эффективности административных процедур. Постепенно происходил процесс гармонизации внутренних административных регламентов и требований международной практики в рамках ВТО. Так, с 2002 г. группой упорядочивания согласований при Госсовете было проведено пять раундов упорядочивания процедуры одобрения государством частных инициатив в рамках ВТО. В 2002 г. число административных согласований было сокращено на 789, но при этом согласования не переводились на локальный уровень. В 2003 г. было сокращено еще 406 административных согласований, а 82 согласования были переведены с центрального на локальный уровень. В 2004 г. было сокращено 409 согласований центрального уровня и еще 86 типов согласований было переведено на локальный уровень. Следующие два сокращения последовали в 2007 г. (128) и 2010 (113), причем в 2007 г. 58 согласований было переведено на локальный уровень, а в 2010-м еще 71. В соответствии с этой практикой были упразднены согласования на инвестиционные проекты в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, ирригационных проектах, транспорте,

машиностроении, если инвестиционные проекты в упомянутых областях не предполагали какой-либо доли государственного инвестирования. Далее последовало упразднение согласований на проведение каких-либо коммерческих выставок, если они не находятся в собственности иностранных фирм, а университеты получили право без согласования привлекать на работу иностранных профессорско-преподавательский состав в качестве приглашенных преподавателей. В 2010 г. китайские некоммерческие организации получили право самостоятельного осуществления совместных проектов с иностранными партнерами, а китайские туристические агентства — совместного учреждения подразделений в Китае с иностранными туристическими агентствами. Международные небанковские финансовые организации получили свободное право учреждать свои подразделения в Китае, точно так же как совместные фирмы в области здравоохранения и медицинского страхования.

Снятие административных согласований позволило увеличить экономическую активность на локальном уровне. Так, Шэньчжэнь первый пошел на упрощение процедуры административных согласований в качестве эксперимента, а потом постепенно фактически все введенные Шэньчжэнем процедуры были распространены на другие провинции. Шэньчжэнь первый ввел систему электронного слежения и контроля за административной деятельностью, сократив потери на коррупции и повысив эффективность администрирования. Г. Сягуань ввел услугу под названием «Супермаркет правительственных услуг», сконцентрировав их в одном месте, что привело к ускорению административных процедур и их реструктуризации. Постепенно в этом Супермаркете были сконцентрированы все услуги по согласованию планировок и перепланировок, занятости, социального стра-

хования, юридической помощи, выдача лицензий на занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью, налоговая деятельность и десятки других государственных услуг. Введение этого типа услуг послужило сокращению административного аппарата и уменьшению проволочек и отказов в осуществлении административных услуг, сокращению времени и бумажной волокиты. Постепенно сфера услуг, предоставляемых в этих новых органах, стала расширяться и включать дополнительно выдачу кредитов, пособий по бедности и безработице, материнского капитала, лицензий на открытие книжных магазинов, рекламную деятельность и многое другое. Так постепенно административная реформа, направленная на реструктуризацию центрального аппарата, была распространена на локальный уровень, что способствовало реализации общественного права на полную и подробную информацию о государственных услугах. Постепенно повышение административной эффективности на локальном уровне привело к большей прозрачности административных процедур, что уменьшило степень волюнтаризма при принятии решений, способствовало ликвидации клановости, послужило предотвращению новых структур патронирования. В конечном счете это существенно понизило коррупцию и стало способствовать повышению легитимности местных властей.

В результате введенной системы электронных откликов качество и эффективность администрирования улучшилась двояким образом: сбор отзывов и жалоб граждан и их аккумулярование позволили быстро реагировать на проблемные места, а регулярная оценка качества и скорости услуг населению со стороны специальных контролирующих чиновников и администраторов самого государственного аппарата позволило повысить эффективность его административной деятельности. Важ-

но отметить, что эти мероприятия, а также направляемая конкуренция постепенно приобрели эффект самораскрутки как внутри самих госорганов, так и разных территориальных и локальных единиц, что постепенно стало создавать эффект саморазвивающегося процесса административной реформы, направленного на повышение эффективности деятельности госаппарата.

4. Эволюция механизма голосования и внутрипартийная демократизация

Начиная с 1999 г. китайские власти начинают эксперименты с введением прямых и конкурентных выборов на локальном уровне выше деревенского, что стало происходить впервые с 1949 г. Первый такой случай с городской коммуной Буюнь в провинции Сычуань стал известен во всем Китае и был детально исследован в 237 научно-аналитических публикациях, специально посвященных этому случаю. Введение этой системы в конкретной городской коммуне объяснялось практическими причинами — фактической невозможностью руководителей проводить какие-либо запланированные властями мероприятия из-за полного нежелания местных жителей сотрудничать с ними. Первоначально эксперимент не поддерживался центральными властями, однако скорость, с которой новость об этой социальной инновации распространилась по всему Китаю, заставила обратить на него серьезное внимание не только местную, но и локальную прессу. Важно отметить, что не только выборы, но и их результат позволил местным жителям напрямую влиять на всю местную систему администрирования. Так, к примеру, на вторых выборах в Буюне действующий мэр планировал получить 2/3 голосов населения, так как был уверен, что проводимая им политика давала конкретный положительный результат для жителей, в отличие от более общей программы второго

кандидата — его заместителя. Заместитель не имел возможности апеллировать в предвыборной дискуссии к проведенным мероприятиям, предвыборный потенциал результативности которых был «узурпирован» его начальником. Однако, несмотря на поражение в предвыборных дебатах второго кандидата, разница в голосах проигравшего и выигравшего не превысила 2%, так как жители пожелали таким образом выразить свое неприятие авторитарных методов руководства главы коммуны. До этого случая на национальном уровне существовало фактическое табу на упоминание конкурентности в политической борьбе, которое стало размываться именно с введением системы прямых конкурентных выборов на уровне городских коммун и деревенских комитетов.

Такая система в действительности не является примером полностью открытой конкуренции, так как хотя кандидаты и выдвигаются самими жителями, но предвыборная борьба усечена: рекламная кампания кандидатов ограничена, нет телевизионных дискуссий и оппозиционные кандидаты на выборы не допускаются. Фактически речь идет о так называемой системе «открытых рекомендаций и открытых выборов», однако в результате этой социальной новации улучшилась подотчетность государственных администраторов населению. Считается, что китайские выборные чиновники подотчетны собственному начальству, а не населению, что вызывает чиновничий беспредел на локальном уровне и приводит к повышению градуса недовольства местного населения, а также и к недовольству населения существующей «полупартийной» политической системой. В результате введения конкурентной системы прямых локальных выборов была создана новая система, в соответствии с которой начальник более высокого уровня должен был прилагать гораздо больше усилий для того, чтобы контролировать локального администратора, который

получал большую свободу и уверенность в связи с тем, что его положение начинало зависеть не только от начальника вышестоящего уровня, но и от того, насколько успешна будет реальная политика, которую он будет проводить по отношению к населению. Важно отметить, что эксперименты с выборами на локальном уровне стали возможны только в ходе общей децентрализации управления, которая проводится в Китае все последние 20 лет.

Несмотря на то, что система открытых выборов крайне медленно приживается на китайской почве, при выборах на государственные (т.е. непартийные и непарламентские) позиции на уровне деревенских комитетов и городских коммун постепенно вводится принцип конкурентности. При такой системе КПК, как правило, не имеет своего преференциального кандидата, но кандидаты от оппозиции не регистрируются и на выборы не допускаются, однако регистрируются кандидаты, выдвинутые как коллективами жителей, так и независимые. Если же у КПК появляется «свой» кандидат, выборы которого для партии желательны, то все равно система наличия нескольких кандидатов сохраняется, только оппоненты подбираются из лиц малоизвестных коренным жителям деревень или городских коммун, что фактически делает их «непроходимыми». В целом такая система напоминает выборы в некоторых социалистических странах Восточной Европы в 1980-е гг. до распада мировой социалистической системы. К настоящему времени эта система распространена примерно на 60%, т.е. примерно на 240 000 деревень по всей стране, она затрагивает около 6% городских коммун, т.е. 2000 коммун в номинальном выражении, и только примерно 0,5% уездов. При этом на уровне деревенских комитетов и городских коммун голосуют члены партии и беспартийные, а при голосовании на выборах секретарей городской партийной организации — в основном

только члены КПК при крайне небольшом, но все же существующем, количестве беспартийных выборщиков. При этом складывается интересная закономерность, в соответствии с которой, чем хуже экономическая ситуация в регионе, тем скорее выборы в городских коммунах будут открытыми и конкурентными. Понятно, что система конкурентных выборов сама по себе не приносит экономического благополучия, однако она рассматривается как важный элемент снижения народного недовольства в экономически слабых регионах. При этом центральные власти относятся к такой системе индифферентно, они не поддерживают, но и не мешают ей.

Несмотря на то, что выборы в деревенские комитеты и городские коммуны затрагивают только самую низовую систему власти, недооценивать их также нельзя. Деревенские комитеты являются «автономными организациями народных масс», они не имеют инструментов принуждения и в политической жизни страны играют крайне незначительную роль. Городские коммуны являются низовой ячейкой государственной власти в китайской политической системе, они имеют существенную власть и меру ответственности в сферах общественной безопасности, социальной и политической стабильности, осуществления контроля за рождаемостью, начальным уровнем образования, строительством инфраструктуры, налогообложением и взиманием штрафных санкций и др. То есть если деревенские комитеты могут только осуществлять меры, городские коммуны контролируют их осуществление и в силу этого политически гораздо более весомы.

Выборы на уровне советов городских коммун и уездов по закону осуществляются напрямую их жителями, причем выдвинуты могут быть как кандидаты от партии, так и независимые кандидаты. Важно отметить, что на этих выборах КПК в целом выдвигает больше беспар-

тийных кандидатов, чем членов партии. Понятно, что взаимоотношения между независимыми кандидатами, выигравшими местные выборы, и местными партийными функционерами гораздо более сложные, чем между партийными кандидатами и партийными функционерами. Партийные функционеры в целом склонны чинить гораздо больше препятствий во время предвыборной кампании независимым кандидатам в осуществлении их деятельности. В период 2011–2012 гг. даже возникла дискуссия о том, могут ли вообще выдвигаться независимые кандидаты, так как по закону все кандидаты выдвигаются политическими партиями, общественными организациями или же коллективами граждан в количестве не менее чем 10 человек. Однако чем больше количество политических активных кандидатов, которые регистрируются в качестве независимых кандидатов, тем более выпукла разница между ними и их предвыборными программами и тем большая свобода выбора в принципе предоставляется избирателям.

Такого рода система постепенно приживается и в самой КПК. Так, если ранее члены Политбюро ЦК КПК — высшем органе принятия политических решений в Китае — выдвигались из группы лидеров высшего эшелона и этот процесс контролировался главным лидером страны — председателем КНР и генеральным секретарем ЦК КПК, то начиная с выборов 2007 г. 400 партийных деятелей высокого ранга — члены и кандидаты в члены КПК — выбирали членов Политбюро из внушительного списка, состоящего не менее чем из 200 претендентов на 12–15 мест в Политбюро. В целом процесс внутрипартийного отбора в высшем эшелоне руководителей партии носит закрытый для средств массовой информации характер, так как партия только начала эксперименты с открытыми конкурентными выборами и в основном на низовом уровне, однако в целом тенденция к поощрению конкурентности при отборе

кандидатур на политические и государственные должности несомненна. Эта система постепенно начинает расширяться и при выборах в парламент.

В исследовательской литературе и СМИ обычно считается, что центральная власть в Китае препятствует введению принципа конкурентности на выборах. Действительно, в ряде газет центрального уровня после первых экспериментов в провинции были опубликованы материалы критического характера в отношении введения этого принципа. Однако довольно быстро обсуждение вопроса о конкуренции на выборах сместилось в область обсуждения соответствия этой процедуры Основному закону, который регламентировал выборы глав городских коммун не жителями, а членами городских комитетов. Постепенно практикой была закреплена следующая процедура: жители выдвигали кандидатов, а члены комитетов голосовали за любого кандидата, выдвинутого жителями. В ходе введения этой системы довольно быстро выяснилось, что главная причина торможения введения принципа конкурентности центральной властью заключалась не в идеологических представлениях, в соображениях практического характера — введение конкурентной системы на выборах уменьшало возможности местного партийного руководителя снимать / назначать чиновников местного уровня, что всегда вызывает противодействие бюрократического аппарата в любых условиях в любой стране. Тем не менее увеличивающаяся в целом независимость населения постепенно приводит, хотя и медленными темпами, к введению системы конкурентных выборов во всей стране там, где локальная власть теряет экономические ресурсы или же там, где партийные секретари предпочитают не применять традиционно-авторитарные способы использования власти. В то же время сама КПК явно недооценивает свои же собственные менеджерские возможности и авторитет при конкурентном

продвижении собственных кандидатов, поскольку такая система позволяет партии достигать гораздо большего с точки зрения воплощения в жизнь своих решений. Однако в целом КПК предпочитает скорее введение конкурентности во внутривыборных выборах, чем распространение демократических процедур на более широкие слои китайского общества вне партии. В то же время введение принципа реальной конкурентности на выборах пусть и локального уровня свидетельствует о росте динамизма китайской политической жизни в целом. Результаты этого динамизма в мире оцениваются по-разному: существуют как скептики, так и оптимисты в оценке результатов влияния этого процесса на политическую жизнь страны, в то же время дальнейшее распространение этого принципа может послужить дальнейшим изменениям не только в самой партии, но и во всем обществе в долгосрочной перспективе.

5. Формирование гражданского общества с «китайской спецификой»

Под понятие ячейки гражданского общества попадает любая социальная организация для достижения каких-либо целей шире, по своему составу, чем семья, но не являющаяся при этом государством (его институтом, органом) или же коммерческой (т.е. ориентированной на получение прибыли) организацией. Организации гражданского общества бывают разных масштабов (от политической партии до общества любителей хорового пения), они могут преследовать различные цели: добропорядочные и злонамеренные в равной степени. Таким образом, организация гражданского общества — это любое негосударственное объединение граждан (т.е. при образовании которого не используются методы государственного принуждения) для достижения каких-либо целей, за исключением коммерческих. Само понятие гражданского общества было концептуально

оформлено в XVIII в. Однако практическая реализация этой концепции получила особую актуальность после распада биполярной системы международных отношений, в одной из частей которой государство доминировало практически во всех сферах общественной жизни, в то время, как в другой гражданское общество стало приобретать свои зрелые формы. Понятие гражданского общества неразрывно связано с другим понятием — социального капитала — системы взаимно перекрещивающихся социальных взаимосвязей, созданных в рамках разного рода ассоциаций с целью инкорпорирования граждан в сеть негосударственных и некоммерческих взаимодействий. В политической теории (Р. Пуднэм) считается, что чем теснее сеть социальных взаимодействий в обществе, тем выше уровень экономического развития, от которого, в конечном счете, в определенный момент времени начинает зависеть и уровень политической демократизации общества. При этом, хотя и существует прямая зависимость между уровнем демократического развития общества и ВВП на душу населения (А. Пшеворский, Д. Асемоглу и др.), демократизация не является автоматическим результатом экономического благосостояния и осовременивания обществ, а связана с дополнительным качественным приращением гражданственности людей, которые готовы и желают сотрудничать друг с другом для решения своих общих проблем без принуждения с помощью государственного механизма и не ради коммерческих интересов.

Вообще говоря, исторически все государства авторитарно-коммунистического типа не допускают появления негосударственных организаций, за исключением массовых организаций, контролируемых коммунистической партией. Задача этих организаций — помогать монополизировавшей власть партии управлять страной. В Китае практически все эти организа-

ции были разгромлены в ходе культурной революции, основная задача которой и заключалась в превращении КПК в инструмент личной власти Мао Цзэдуна. Начало политики реформ в Китае привело к появлению разного рода новых экономических и социальных групп, в том числе и со своими политическими предпочтениями. Соответственно, встала задача формирования пространств взаимодействий разного рода разрозненных групп и индивидумов, в том числе и путем расширения сети взаимодействия между ними для улучшения управляемости государством. Параллельно, естественно, стали возникать и группы социального взаимодействия, объединившиеся без государственных форм принуждения и контроля. Политические интересы этих групп могли не совпадать или расходиться с государственными, воплощенными его конкретной властной ипостасью. Неспособность государства в какой-то момент исторического развития адекватно ответить на социальное усложнение, которое происходило параллельно с быстрым экономическим развитием, и вызвало, в конечном счете, политический кризис и события на площади Тяньаньмэнь. Недовольство китайского студенчества было подавлено силой, поскольку во властном мейнстриме того времени считалось, что задача негосударственных организаций заключается только в поддержке экономического роста и коммунистической партии как единственного источника политической власти в стране. Однако довольно быстро стало ясно, что реформы и стремительное экономическое развитие требуют совместной деятельности государства и негосударственных организаций по решению огромного количества новых социальных проблем, с которыми одно государство, какое бы мощное оно ни было, справиться не в силах. С этого момента КПК ста-

ла осуществлять такую модель развития гражданского общества в стране, которая увеличивала «коллективное благо» путем усиления организованности общества, но при этом так, чтобы это не подрывало авторитет и власть партии. Таким образом, начиная примерно с 1995 г. в КПК растет интерес к методам социальной инженерии при сохранении полупартийной системы (КПК плюс партии, признающие монопольное право КПК на власть), которая рассматривается как гарант социально-политической стабильности в стране.

Считается, что успех китайского правительства в расширении сферы закона и порядка, контроля над коррупцией и своекорыстными интересами местной бюрократии, в конечном счете, связаны с тем, насколько тесна связь взаимодействий внутри нарождающегося гражданского общества. Т.е. построение сильных государственных институтов зависит от того, насколько сильна сеть негосударственного взаимодействия, которая позволяет государству, в конечном счете, не прибегать к насилию при решении государственных и общественных проблем. К концу 2010 г. китайское общество насчитывало более 243 зарегистрированных общественных организаций, 195 000 гражданских некоммерческих организаций и 2168 фондов. Количество таких организаций говорит о том, насколько изменилась жизнь в Китае после начала реформ Дэн Сяопина, который, кстати, после ухода со всех государственных постов (при сохранении своего неформального авторитета лидера страны и монопольно правящей партии), оставался только председателем Ассоциации игроков в бридж, что, в конечном счете, и дало первый официальный, но при этом и неформальный, толчок к организации ассоциаций негосударственного типа.

На современном этапе исторического развития китайские негосударствен-

ные организации можно разделить на следующие типы:

1. Контролируемые государством ассоциации, задача которых заключается в гармонизации разного рода конфликтующих социальных интересов.

2. Контролируемые государством ассоциации для усиления сцепки государства и партии.

3. Негосударственные ассоциации, созданные для проведения в жизнь государственной/партийной политики в определенных областях, где прямое государственное принуждение является затруднительным.

4. Разного рода неформальные и нередко незарегистрированные организации для решения некоторых негосударственных вопросов и проблем.

5. Иностранные негосударственные организации, в том числе и те из них, которые занимаются поддержкой горизонтальных связей собственно китайских организаций гражданского общества, которые зависят от внешних ресурсов финансирования.

6. Традиционные клановые формальные и неформальные негосударственные организации.

7. Криминальные структуры.

Начиная с середины 2000-х гг. в Китае, с одной стороны, провозглашается концепция Ху Цзиньтао на построение гармоничного общества и гармоничного мира, императивом которых является развитие гражданского общества и усиление его роли в развитии страны, с другой стороны, начиная с 2005 г. после «цветных революций» в Грузии, Киргизии, Сербии и Украине разворачивается национальная кампания по выяснению финансовых взаимоотношений некоторых негосударственных организаций и иностранных фондов. Ужесточение условий финансирования негосударственных организаций возросло особенно в период смены лидерства в высшем эшелоне партийной и государственной власти в пери-

од 2011–2012 гг., после которого начался новый этап развития негосударственных организаций: были приняты законы, позволяющие негосударственным фондам принимать частные пожертвования на ведение благотворительной деятельности, что было запрещено до этого, были зарегистрированы некоторые иностранные негосударственные организации и фонды.

Китайское законодательство выделяет четыре типа организаций гражданского общества: общественные организации (*шэцзэнь туаньти*), фонды (*цзицзиньхуэй*), гражданские непроизводственные организации (*миньбань фэй цибэ даньвэй*) и производственные организации (*шибэ даньвэй*), из которых три подпадают под категорию неправительственных организаций, признаваемых в ЕС и США. Каждая из категорий организаций гражданского общества управляется на основе своих законов, из которых наиболее важными являются юридические правила регистрации. Эти правила могут варьироваться, они допускают достаточно высокую степень бюрократического волонтаризма, а регистрирующие органы обладают широкими возможностями вмешиваться в процесс управления и принятия решения такими организациями. Деятельность иностранных негосударственных организаций регламентирована еще менее четко, что позволяет устанавливать ограничения, исходя из конкретной деятельности этих организаций в каждый конкретный период времени, за исключением торговых палат, которым достаточно формальной регистрации в Министерстве внешнеэкономических связей и торговли. Регистрация торговых палат происходит автоматически, в то время как остальным иностранным негосударственным организациям приходится искать соответствующие органы в провинциях, городах прямого подчинения или специальных административных районах, где это сделать по каким-либо причинам легче, чем

в целом по стране. С марта 2010 г. в Китае введены новые правила регистрации независимых негосударственных организаций, которые финансируются из-за рубежа, предусматривающие специальные банковские счета и нотариально оформленные соглашения. Несмотря на то, что формальные юридические правила, инициированные государством, направлены в целом на то, чтобы поставить деятельность неправительственных организаций под контроль государства и партии, существует также возможность зарегистрировать негосударственную организацию в качестве коммерческой организации или как часть (филиал) уже зарегистрированного института или организации.

Единственный тип негосударственных организаций, которым не требуется регистрация, это массовые народные организации по типу профсоюзных либо женских организаций. Их деятельность в Китае начинает претерпевать существенные изменения, так как постоянно сокращается поддержка их деятельности из государственного бюджета, а общие принципы рыночной экономики заставляют эти организации постепенно трансформировать принципы своего экономического существования подобно обычным неправительственным организациям, которые изначально и не получали государственной финансовой поддержки. Таким образом, происходит процесс превращения массовых организаций прошлого в «гражданские профессиональные союзы», организованные по географическому и/или традиционному клановому принципу.

6. Заключение

1. Политическая и экономическая модернизация китайского общества, хотя и обладает некоторыми особенностями, в целом движется в русле мировых закономерностей, а национальная специфика пока в целом не выходит за рамки регионального своеобразия. Это

делает концепцию китайской модернизации и преобразования китайского общества понятной во всем мире, что позволяет смягчать внешние и внутренние противоречия и решать сложные вопросы внешней и внутренней политики, не вызывая большого противодействия или непонимания мирового сообщества.

2. Несмотря на преобладающие в исследовательской литературе и СМИ объяснения успеха китайских реформ большей гибкостью экономического реформирования при сохранении политической стабильности, на самом деле реформирование предполагало и постепенную политическую модернизацию. То есть успех китайских реформ объясняется не отсутствием политической модернизации при реформах экономической сферы, а медленной, но в целом поступательной, хотя и достаточно осторожной, политической модернизацией китайского общества.

3. Сохранение политической стабильности не означало поворота назад или же остановки в политической модернизации, а предусматривало эволюцию всех областей политической жизни при сохранении основы существующих политических механизмов. В то же время наличие однопартийной (точнее, полупартийной) системы требовало акцента прежде всего на достижении большей политической стабильности по сравнению с моделью единоличного авторитарного политического и экономического руководства периода правления Мао Цзэдуна.

4. За годы реформ был создан механизм ротации китайской элиты при сохранении гарантий преемственности. Этот механизм ротации «с китайской спецификой» состоит из десятилетнего цикла с двумя пятилетними подциклами, в течение которых общая законодательная и исполнительная полнота власти осуществляется председателем КНР и генеральным секретарем ЦК КПК, а также председателем Государственного совета

(председателем правительства). Характер осуществления власти «внутри» этого цикла основывается на результатах прогнозирования партией вектора десятилетнего развития, внутрипартийной конкуренции, меритократии, коллективном руководстве в определенных областях и в определенные периоды и резервном механизме коллективного руководства при возникновении кризисных политических и экономических ситуаций.

5. Предпринятые меры модернизации политической системы носят двоякий характер, а соответственно в сравнительной перспективе им может быть дана двоякая оценка. Некоторые аналитики в Китае и в мире считают, что Китаю удалось построить модель политико-экономического управления, альтернативную западной демократии. Однако таких оценок в целом в мире пока меньшинство. Другие аналитики считают, что это переходная модель управления, все еще далекая от устойчивости. В то же время устойчивость нынешней системы выше, чем системы единоличного авторитарного правления и «ручного руководства», подобной изначально существовавшей в Китае «советской системы». В то же время «китайская модель» в целом и в долгосрочной перспективе менее устойчива, чем система открытого социально-политического доступа в демократиях западного типа. Легитимность китайской модели политического и экономического управления обеспечивается главным образом высокими темпами экстенсивного экономического роста, строительством современной инфраструктуры «с нуля» и постоянным и постепенным на протяжении тридцати с лишним лет повышением благосостояния населения. Такая система устойчива в условиях постоянного экономического роста, а при его торможении или остановке, а также при увеличении внутриэлитных разногласий или расхождении мнений о путях развития страны сохранить систему и полити-

ческий режим в неизменном виде может быть проблематично.

6. В то же время на протяжении последних десятилетий, несмотря на острые дискуссии и даже разногласия, в высшем партийном руководстве воцарило мнение о продвижении и развитии экономических мер и стимулов и дальнейшей политической модернизации, а не об усилении мобилизационных мер и осуществлении «больших скачков» периода единоличного авторитарного управления. Особенно важным с этой точки зрения был XVIII съезд КПК, который подтвердил продолжение осуществления концепции «научного развития». В соответствии с решениями этого съезда начался крупномасштабный эксперимент по организации Шанхайской зоны свободной торговли.

7. Одновременно на центральном и локальном уровне были предприняты существенные усилия по повышению эффективности государственных органов.

8. Была осуществлена постепенная эволюция выборных механизмов, прежде всего на локальном уровне, ориентированная в целом на повышение конкурентности в ходе выборов. Считается, что введение принципа выборной конкуренции затронуло только локальный уровень в ограниченных масштабах, однако в действительности введение этого принципа наблюдается также частично на центральном и общепартийном уровне. Введение принципа конкурентности и меритократии затронуло, прежде всего, систему внутрипартийного отбора кадров и также, прежде всего, на локальном уровне, однако впоследствии было распространено и на более высокие уровни руководства.

9. Если сравнивать китайскую политическую систему с российской, то последняя представляется более современной и открытой, однако существенно большая, да к тому же и постепенно все время увеличивающаяся степень экономической и политической (на локальном

уровне) децентрализации в Китае делает китайскую общественно-политическую и социально-экономическую систему гораздо более гибкой и быстро приспосабливающейся к новым изменениям в мировой экономической и социально-политической конъюнктуре, чем российская.

10. В ходе постепенных экономических и политических трансформаций за годы реформ в Китае возникло достаточно развитое, но своеобразное (с китайской спецификой) гражданское общество. Оно может развиваться в двух направлениях. Первое направление предусматривает увеличение контроля партии-государства над ассоциациями и институтами гражданского общества, препятствуя образованию внепартийных связей. Однако эта тенденция идет вразрез с процессами усложнения китайского социума, препятствует этой объективной общественной тенденции и в силу этого чревато повышением конфликтности, что достаточно хорошо осознается политическим руководством Китая. Постепенно усиливается другая вероятность: поэтапное развитие гражданского общества в сторону его большей зрелости и самостоятельности, при которой организации гражданского общества смогут превратиться в институты артикуляции и агрегации интересов

различных социальных групп все более усложняющегося и стратифицирующегося китайского общества.

В то же время развитие гражданского общества уже не определяется только лишь выбором вариантов политики государства и партии. В значительной степени оно начинает определяться своей собственной логикой и логикой интересов китайских граждан как таковых, так как за годы реформ была образована огромная сеть неправительственных организаций и профессиональных ассоциаций локального уровня, которые нацелены на соответствие, прежде всего, интересам китайских граждан, т.е. прежде всего общественных, а потом и государственных интересов. Китайское общество становится все более сложным, а его потребности все более многообразными. Обеспечивать потребности этого нового этапа социального развития Китая может только дальнейшая модернизация системы политического и экономического управления, которую, судя по всему, можно ожидать к концу первого и во время второго срока руководства страной новым китайским лидером, т.е. когда он окончательно утвердится на политическом Олимпе страны, а также тогда (и если) Китай приблизится к статусу первой экономики мира.

¹ Данный раздел написан совместно с В.А. Сергеевой.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Т.В. Шелудякова

В последние годы с изменением общенаучного подхода возникла потребность в целостном подходе к молодежи. Анализ демографической ситуации свидетельствует о том, что в последующие десятилетия количество молодежи в мире сократится. В некоторых регионах и странах будет не хватать людей, вступивших в пору зрелости. Молодежь — это ресурс и потенциал прогрессивного развития любой страны, объект национально-государственных интересов, поэтому одной из основных задач молодежной политики Российской Федерации должно являться создание условий для более полного включения молодежи в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь общества.

Права молодежи связаны с развитием теории прав человека, что нашло отражение в таких актах, как Великая хартия вольностей (1215), Петиция о праве (1628), Habeas Corpus Act (1679), Всеобщая декларация прав человека (1948). Решающим этапом в развитии прав молодежи стали буржуазно-демократические революции XVII—XVIII вв., в результате которых был признан универсальный характер прав молодежи из различных социальных слоев.

К 70-м гг. XX в. молодежная политика в большинстве развитых стран становится самостоятельным направлением государственной политики. Законодательное закрепление отдельных прав молодых граждан стало общим для мировой практики явлением (законы о социальной защите молодежи были приняты в Австрии, Афганистане, Греции, Индии,

Испании, Италии, Китае, Нидерландах, Турции, Финляндии, Швеции). По данным ООН, около 90 стран имеют на высшем государственном уровне органы и структуры, непосредственно вырабатывающие и координирующие государственную молодежную политику¹.

Все направления государственной политики должны быть основаны на конституционных нормах. Пробелом Конституции Российской Федерации является отсутствие в ней принципов и направлений государственной молодежной политики в целом; также нет отдельных норм, прямо закрепляющих права молодежи; положений, регулирующих ее экономическую, социальную и культурную поддержку (за исключением ст. 38 — защиты семьи, которая носит обобщенный характер). В связи с этим актуальным является исследование конституций зарубежных стран, которые такие нормы предусматривают.

Молодежь представляет собой отдельную категорию населения, которая составляет статистически большую группу в нашей стране — примерно 27%. «В Российской Федерации молодые люди часто подвергаются дискриминации на основе возраста, что проявляется в нарушении их прав в сфере образования, занятости, профессиональной деятельности, культуры, семейных отношениях»².

При исследовании закрепления прав молодежи и проведения молодежной политики на уровне Основного закона в зарубежных странах, можно выделить несколько групп конституций, которые

содержат в своем тексте нормы, регулирующие права молодежи.

К первой группе конституций относятся те, которые не регулируют права молодежи и не содержат упоминания о молодежной политике государства. Это Конституции Антигуа и Барбуды 1981 г., Аргентинской Республики 1994 г., Исламской Республики Афганистан 2004 г., Содружества Багамских Островов 1973 г., Народной Республики Бангладеш 1972 г., Барбадоса 1966 г., Белиза 1981 г., Государства Бруней Даруссалам 1959 г., Королевства Бутан 2008 г., Гренады 1973 г., Содружества Доминики 1978 г., Доминиканской Республики 2002 г., Государства Израиль, Республики Индонезия 1945 г., Иорданского Хашемитского Королевства 1952 г., Исламской Республики Иран 1979 г., Королевства Камбоджа 1993 г., Канады, Республики Коста-Рика 1949 г., Лаосской Народно-Демократической Республики 1991 г., Ливанской Республики 1926 г., Федерации Малайзии 1957 г., Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г., Монгольской Народной Республики 1992 г., Объединенных Арабских Эмиратов, Исламской Республики Пакистан 1973 г., Республики Панама 1992 г., Королевства Саудовская Аравия 1992 г., Сент-Винсента и Гренадин 1979 г., Сент-Китса и Невиса 1983 г., Сент-Люсии 1978 г., Республики Сингапур 1959 г., Соединенных Штатов Америки 1787 г., Республики Таджикистан 1994 г., Республики Тринидад и Тобаго 1976 г., Туркменистан 2008 г., Ямайки 1962 г., Японии 1947 г.

Ко второй группе относятся конституции зарубежных государств, которые не выделяют права молодежи и их гарантии (кроме всеобщего права на образование), но содержат общие нормы о государственной молодежной политике, т.е. фрагментарно регулируют проведение государственных мер по поддержке молодежи. К этой группе относятся Конституции Королевства Бахрейн 2002 г., Республики Гаити 1987 г., Республики

Гватемала 1985 г., Социалистической Республики Вьетнам 1992 г., Республики Гондурас 1982 г., Арабской Республики Египет 1971 г., Республики Индия 1949 г., Республики Ирак 2005 г., Испании 1978 г., Итальянской Республики 1947 г., Республики Йемен 1991 г., Государства Катар 2003 г., Китайской Республики 1982 г., Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. (Северная Корея), Кыргызской Республики 2010 г., Республики «Союз Мьянма» 2008 г. (Бирма), Непала 2007 г., Султаната Оман, Республики Перу 1993 г., Турецкой Республики 1982 г., Республики Узбекистан 1992 г., Республики Корея 1947 г. (Южная Корея), Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка 1978 г.

К третьей группе конституций относятся те государства, где в тексте Основного закона содержатся нормы о правах молодежи и молодежной политике. Это конституции Боливии 1967 г., Федеративной Республики Бразилия 1988 г., Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г., Демократической Республики Восточный Тимор 2002 г., Кооперативной Республики Гайана 1987 г., Федеративной Республики Германия 1949 г., Колумбии 1991 г., Республики Куба 1979 г., Государства Кувейт 1962 г., Республики Мальдивы 2008 г., Республики Парагвай 1992 г., Республики Польша 1997 г., Португальской Республики 1976 г., Румынии 1991 г., Республики Эль-Сальвадор 1983 г., Сан-Марино 1974 г., Сирийской Арабской Республики 1973 г., Словацкой Республики 1992 г., Республики Суринам 1987 г., Королевства Таиланд 2007 г., Восточной Республики Уругвай 1967 г., Республики Филиппины 1987 г., Швейцарской Конфедерации 2000 г., Республики Эквадор 1998 г.

Исследование зарубежных конституций показало, что конституции, принятые в конце XX — начале XXI в., довольно детально регулируют принципы и направления социальной политики, меры государственной поддержки мо-

лодежи, ее социальные права и гарантии.

Согласно Конституции Португальской Республики 1976 г. государственная система социального обеспечения подробно закрепляет государственную молодежную политику, социальные права молодежи в трудовой сфере, области образования, в реализации культурных прав — это осуществление жилищной политики, создание условий для эффективного включения молодых в активную жизнь, воспитанию сознательного стремления служения обществу (ст. 64, 65, 69, 70)³.

В Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации 2000 г. отдельной статьей закреплены «нужды молодежи». В ст. 41 закреплены социальные цели Союза и кантонов — «дети и подростки поощряются в своем развитии в самостоятельных и социально ответственных лиц и поддерживаются в своей социальной, культурной и политической интеграции». Конфедерация «учитывает потребности детей и молодежи в полноценном развитии и защите. Государство имеет право содействовать внешкольной деятельности детей и молодежи, принимать законы о занятии спортом молодежи и объявить обязательным обучение какому-либо виду спорта в школах» (ст. 67–68)⁴.

В структуру Конституции Королевства Таиланд 2007 г. входит отдельная глава V «Направляющие принципы фундаментальной государственной политики». В ней первым принципом, в соответствии с которым должно действовать государство в социальной сфере, является защита и развитие детей и молодежи, обеспечение питания и образования детей (ч. 4 ст. 80). Данная конституция провозглашает право детей и молодежи на достойную жизнь и получение физического, умственного и интеллектуального развития в подходящих для этих целей окружающей среде с должным учетом их возможностей. Дети, молодежь, женщины и члены их семей имеют право на за-

щиту со стороны государства против насилия и несправедливого обхождения и должны иметь право на лечение или восстановление (ст. 52)⁵.

Конституция Республики Филиппины 1987 г. в ст. II устанавливает: «Государство признает важную роль молодежи в национальном строительстве, обеспечивает и защищает ее физическое, моральное, духовное, интеллектуальное и социальное благосостояние. Оно развивает у молодежи чувство патриотизма и национализма, поощряет вовлечение ее в государственные и общественные дела» (раздел 13).

Конституция Республики Мальдивы 2008 г. гарантирует особую защиту детей, молодежи, пожилых людей и обездоленных (ст. 35). Дети и молодые люди имеют право на особую защиту и поддержку со стороны семьи, общества и государства. Дети и молодежь не должны подвергаться жестокому обращению, насилию сексуального характера или любой форме дискриминации, они должны быть свободны от неподобающей эксплуатации социального или экономического характера. Никакое лицо не может извлекать выгоду из их труда⁶.

В соответствии с Конституцией Демократической Республики Восточный Тимор 2002 г. государство поддерживает и поощряет инициативу молодежи в ее стремлении к укреплению национального единства, преобразованию государства, защите и развитию государства. Государство способствует получению образования, поддержанию здоровья и профессиональному обучению молодежи, насколько это возможно (ст. 19). Данная конституция также отдельно гарантирует защиту детей (ст. 18)⁷.

Особенно интересным представляется исследование тех редко встречающихся конституционных норм, которые содержатся в тексте Основного закона страны и подробно регулируют сферы каких-либо социальных правоотношений.

К примеру, в Конституции Народной Республики Бангладеш 1972 г. в ст. 18 «государство рассматривает решение проблем улучшения питания и совершенствование общественно-го здравоохранения как прямую и непосредственную обязанность и, в частности принимает меры по предотвращению употребления алкогольных и иных опьяняющих напитков и препаратов, вредных для здоровья. А также принимает меры по предотвращению распространения проституции и азартных игр»⁸. Те же нормы закреплены в Конституции Республики Индия 1949 г. (ст. 47)⁹.

Конституция Королевства Бутан 2008 г. в ч. 5 ст. 14 относит к ведению Правительства организацию «надлежащего управления денежной системой и государственным финансами. Оно должно обеспечить, чтобы обслуживание государственного долга не возлагало чрезвычайного бремени на будущие поколения». Данная норма отличается стратегическим подходом к развитию своей страны.

В Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. в ст. 59 содержится обязанность «государства и общества создать для одаренных учеников такие условия, при которых они могут развивать свои способности, а также создает необходимые условия для получения детьми-инвалидами общего и соответствующего их возможностям профессионального образования»¹⁰.

Конституция Республики Гондурас 1982 г. в соответствии со ст. 120 закрепляет: «...несовершеннолетние, физически или умственно неполноценные дети, сироты, брошенные дети входят в сферу действия специального законодательства, направленного на социальную реабилитацию, охрану и защиту — в зависимости от конкретного случая». Статьей 122 установлены «специальные судебные округа и суды, которые рассматривают дела по проблемам материнства и несовершеннолетних детей»¹¹, т.е. кон-

ституционно закреплены нормы о ювенальной юстиции. Нашему государству необходимо использовать положительный опыт зарубежных государств в данных вопросах.

В соответствии со ст. 53 Конституции Республики Парагвай «родители имеют право и обязаны содержать, воспитывать и обеспечивать безопасность своих детей. В случае невыполнения обязанности по содержанию своих детей привлекаются к ответственности согласно закону. Государство содействует укреплению родительской ответственности, поощряя создание институтов, необходимых для ее распространения (ст. 55)»¹². Те же нормы закреплены в ст. 6 Политической Конституции Республики Перу 1993 г., где «национальная и демографическая политика имеет своей целью содействие распространению и укреплению родительской ответственности. Согласно этому государство обеспечивает осуществление необходимых программ по воспитанию и предоставлению информации»¹³, в ст. 43. Политической Конституции Восточной Республики Уругвай 1967 г. «в отношении детской преступности действует специальный правовой режим, особенностью которого является участие в решении этой проблемы женщин»¹⁴. Данный вид ответственности родителей целесообразно использовать и в российском законодательстве.

В некоторых конституциях европейских государств одним из основных приоритетов социальной политики закреплена охрана и защита молодежи. Так, в Основном законе Федеративной Республики Германия 1949 г. особое внимание уделяется некоторым видам защиты молодежи (ст. 5 (2), ст. 11 (1), ст. 13 (7))¹⁵, что является его несомненным достоинством. В указанной Конституции определяются приоритеты для развития текущего законодательства и помощь молодым людям в конкретных сферах жизнедеятельности: охрана молодежи в праве свободно выражать и распространять свое мнение и пра-

ве на честь личности, защита молодежи от безнадзорности и предотвращения преступных деяний, охрана молодежи в сфере борьбы с эпидемиями. Поддержка молодежи является одной из мер, которая позволила Германии активно развиваться и за короткое время превратиться из разрушенной после Второй мировой войны страны в одно из наиболее экономически развитых государств. Нормы вышеназванных конституций зарубежных стран следует учитывать России для совершенствования отечественной Конституции и развития текущего законодательства.

Следовательно, можно сделать вывод об основных тенденциях, содержащихся в конституционных нормах зарубежных государств, в части защиты и поддержки молодежи.

1. В приоритетном порядке закреплены основы государственной молодежной политики.

2. Детально урегулированы права молодежи в различных сферах жизни общества.

3. Закреплены гарантии защиты молодых людей от любых форм дискриминации, эксплуатации, насилия, жестокости и угнетения.

4. Поощряется инициатива молодежи в ее стремлении к преобразованию и развитию государства, учитываются ее интересы.

В Российской Федерации на федеральном уровне до сих пор не принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». На взгляд автора, его необходимо принять, где закрепить понятие, механизм, формы реализации молодежной политики государства, полномочия и ответственность органов публичной власти в сфере осуществления молодежной политики. В данном нормативном правовом акте предусмотреть меры социальной поддержки молодежи и распределить их по категориям, соответственно возрасту, социальному статусу, состоянию здоровья, возможности и способности работать

молодых людей, а также способы финансирования их из федерального бюджета с передачей полномочий органам государственной власти субъекта и органам местного самоуправления. В случае реализации данных предложений будет создана конституционная база для государственной поддержки молодежи.

На региональном уровне в Российской Федерации осуществляется активный процесс реализации молодежной политики. Во многих субъектах Федерации приняты законы о молодежной политике. Анализ регионального законодательства показал, что законы, регулирующие молодежную политику, приняты в 62 из 83 субъектов Российской Федерации. В 21 субъекте отсутствуют законы, но приняты Концепции муниципальной молодежной политики. В Республике Татарстан отдельными государственными полномочиями в области государственной молодежной политики наделяются органы местного самоуправления, причем эти полномочия передаются органам местного самоуправления на неограниченный срок (ст. 1, 3). Финансовое обеспечение переданных органам местного самоуправления государственных полномочий осуществляется за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из бюджета Республики (ст. 4)¹⁶.

В некоторых субъектах помимо законов о молодежной политике приняты отдельные законы «О молодежном парламенте» (Камчатский край¹⁷, Воронежская¹⁸, Томская¹⁹, Брянская²⁰ области). Согласно законам Калининградской, Новосибирской, Рязанской, Нижегородской, Липецкой областей закреплена отдельная статья о молодежном парламенте в законах «О молодежной политике».

На федеральном и региональном уровне в сфере поддержки молодежи предлагается усовершенствовать законодательство следующим образом:

1. В жилищной сфере — упростить процедуру материальной помощи на приобретение жилья в рамках федеральных и региональных целевых программ.

2. В трудовой сфере — увеличить в Трудовом кодексе срок испытания при приеме на работу для лиц, окончивших вузы и впервые поступивших на работу по специальности до двух лет со дня окончания образовательного учреждения (сейчас один год).

3. В области образования — выделить в самостоятельную государственную программу доступность и ка-

чество образования для сельской молодежи.

4. В реализации культурных прав — разработка специальной федеральной и региональных программ повышения правовой культуры молодежи, применение опыта, накопленного за рубежом.

Эти меры позволят повысить эффективность поддержки молодежи на федеральном и региональном уровне.

Список литературы

1. Мерзлякова И.С. История развития законодательства о правах молодежи / И.С. Мерзлякова // Юридический мир. 2010. № 10.
2. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России / Е.А. Певцова // История государства и права. 2007. № 20.
3. Комарова Н.С. Правовой аспект социальных проблем современной молодежи в Российской Федерации / Н.С. Комарова // Российское право: образование, практика, наука. 2011. № 1.
4. Конституция Португальской Республики // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2. / под ред. Л.А. Окуньков. М. : Издательство НОРМА, 2001.
5. Конституция Швейцарской Конфедерации. Конституции зарубежных стран : сборник / сост. В.Н. Дубровин. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2008.
6. Конституция Королевства Таиланд // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
7. Конституция Республики Мальдивы // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
8. Конституция Демократической Республики Восточный Тимор // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
9. Конституция Народной Республики Бангладеш // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 2 : Средняя Азия и Индостан. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
10. Конституция Республики Индия // Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия : учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007.
11. Конституция Социалистической Республики Вьетнам // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
12. Конституция Республики Гондурас // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1 : Северная и Центральная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
13. Конституция Республики Парагвай // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
14. Политическая Конституция Республики Перу // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
15. Политическая Конституция Республики Уругвай // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
16. О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан отдельными государственными полномочиями Республики Татарстан в области государственной молодежной политики : Закон Республики Татарстан от 07.04.2006 № 29-ЗРТ (ред. от 30.07.2010, с изм. от 30.11.2011) // Республика Татарстан. № 77. 15.04.2006.

17. О Молодежном парламенте Камчатского края : Закон Камчатского края от 15.09.2008 № 120 (ред. от 05.03.2010) // Официальные Ведомости. № 150. 23.09.2008.
18. О Молодежном парламенте Воронежской области : Закон Воронежской области от 07.04.2006 № 31-ОЗ (ред. от 27.06.2007) // Коммуна. № 53. 13.04.2006.
19. О Молодежном парламенте Томской области : Закон Томской области от 11.07.2006 № 139-ОЗ (ред. от 03.11.2011) // Собрание законодательства Томской области. 2006. № 7 (12).
20. О Молодежном парламенте Брянской области : Закон Брянской области от 08.06.2009 № 44-З (ред. от 29.12.2010) // Брянская учительская газета. № 22. 12.06.2009.

- ¹ См. подробнее: Мерзлякова И.С. История развития законодательства о правах молодежи // Юридический мир. 2010. № 10. С. 42–44 [Merzlyakova Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o pravakh molodezhi // Yuridicheskij mir. 2010. № 10. P. 42–44]; Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. 2007. № 20. С. 38–39 [Pevtsova E.A. Iz istorii razvitiya zakonodatel'stva o pravakh molodezhi v Rossii // Istoriya gosudarstva i prava 2007. № 20. P. 38–39].
- ² Комарова Н.С. Правовой аспект социальных проблем современной молодежи в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2011. № 1. С. 65 [Komarova N.S. Pravovoj aspekt sotsial'nykh problem sovremennoj molodezhi v Rossijskoj Federatsii // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2011. № 1. P. 65].
- ³ Конституция Португальской Республики. // Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. М. : Издательство НОРМА, 2001. С. 768–771 [Konstitutsiya Portugal'skoj Respubliki // Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 2 / pod red. L.A. Okyn'kova. Moscow: NORMA, 2001. P. 768–771].
- ⁴ Конституция Швейцарской Конфедерации. Конституции зарубежных стран : сборник / сост. В.Н. Дубровин. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2008. С. 98, 103 [Konstitutsiya Schweitsarskoj Konfederatsii. Konstitutsii zarubezhnykh stran. Sbornik / sost. V.N. Dubrovin Moscow: Yurlitinform, 2008. P. 98–103].
- ⁵ Конституция Королевства Таиланд. // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3 : Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 814 [Konstitutsiya Korolevstva Tajland. // Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoj. T. 3: Dal'nij Vostok. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2010. P. 814].
- ⁶ Конституция Республики Мальдивы // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Дальний Восток М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 487 [Konstitutsiya Respubliki Maldivu // Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoj. T. 3: Dal'nij Vostok. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2010. P. 487].
- ⁷ Конституция Демократической Республики Восточный Тимор // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Дальний Восток М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 51 [Konstitutsiya Demokraticeskoy Respubliki Vostochnij Timor // Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoj. T. 3: Dal'nij Vostok. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2010. T. 3: Dal'nij Vostok. P. 51].
- ⁸ Конституция Народной Республики Бангладеш // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 64 [Konstitutsiya Narodnoj Respubliki Bangladesh. // Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoj. T. 2: Srednyaya Aziya i Indostan. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2010. P. 64].
- ⁹ Конституция Республики Индия // Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия : учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 465 [Konstitutsiya Respubliki Indii. // Maklakov V.V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Sojuz, Soedin. Shtatu Ameriki, Yaponiya, Indiya: uchebn. Posobie. 5-e izd., pererab. i dop. M: Wolters Kluver, 2007. P. 465].

- ¹⁰ Конституция Социалистической Республики Вьетнам // Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Дальний Восток. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 118 [Konstitutsiya Sotsialisticheskoy Respubliki Vietnam. // Kostitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoy. T. 3: Dal'nij Vostok. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2010. P. 118].
- ¹¹ Конституция Республики Гондурас // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1: Северная и Центральная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. С. 237 [Konstitutsiya Respubliki Gonduras // Kostitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoy. T. 1: Severnaya i Tsentral'naya Amerika. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2006. P. 237].
- ¹² Конституция Республики Парагвай // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. С. 791 [Konstitutsiya Respubliki Paragvaj // Kostitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoy. T. 3: Yuzhnaya Amerika. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2006. P. 791].
- ¹³ Политическая Конституция Республики Перу // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. С. 965 [Konstitutsiya Respubliki Peru // Kostitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoy. T. 3: Yuzhnaya Amerika. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2006. P. 965].
- ¹⁴ Политическая Конституция Республики Уругвай. // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д.ю.н., проф. Т.Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. С. 1034 [Politicheskaya Konstitutsiya Respubliki Urugvaj. // Kostitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. / pod red. T.Ya. Khabrievoy. T. 3: Yuzhnaya Amerika. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii: Norma, 2006. P.1034].
- ¹⁵ См.: Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия: учеб. пособие / В.В. Маклаков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 169 [Maklakov V.V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropejskij Sojuz, Soedin. Shtatu Ameriki, Yaponiya, Indiya: uchebn. Posobie. 5-e izd., pererab. i dop. M: Wolters Kluver, 2007. P. 169].
- ¹⁶ О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан отдельными государственными полномочиями Республики Татарстан в области государственной молодежной политики: Закон Республики Татарстан от 07.04.2006 № 29-ЗРТ (ред. от 30.07.2010, с изм. от 30.11.2011) // Республика Татарстан. № 77. 15.04.2006. [O nadelenii organov mestnogo samoupravleniya munitsipal'nykh rajonov i gorodskikh okrugov Respubliki Tatarstan ot del'numi gosudarstvennymi polnomochiyami Respubliki Tatarstan v oblasti gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: Zakon Respubliki Tatarstan v oblasti gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: Zakon Respubliki Tatarstan ot 07.04. 2006. No 29-ZRT (red. ot 30.07.2010, s izm. ot 30.11.2011) // Respublika Tatarstan. No77. 2006. April 15].
- ¹⁷ О Молодежном парламенте Камчатского края : Закон Камчатского края от 15.09.2008 № 120 (ред. от 05.03.2010) // Официальные Ведомости. № 150. 23.09.2008.
- ¹⁸ О Молодежном парламенте Воронежской области : Закон Воронежской области от 07.04.2006 № 31-ОЗ (ред. от 27.06.2007) // Коммуна. № 53. 13.04.2006 [O Molodezhnom parlamente Voronezhskoj oblasti: Zakon Voronezhskoj oblasti ot 07.04.2006 № 31-OZ (red. ot 27.06.2007) // Kommuna. № 53. 2006. April 13].
- ¹⁹ О Молодежном парламенте Томской области : Закон Томской области от 11.07.2006 № 139-ОЗ (ред. от 03.11.2011) // Собрание законодательства Томской области. 2006. № 7(12) [O Molodezhnom parlamente Tomskoj oblasti: Zakon Tomskoj oblasti ot 11.07.2006 № 139-OZ (red. ot 03.11.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Tomskoj oblasti. 2006. № 7(12)].
- ²⁰ О Молодежном парламенте Брянской области: Закон Брянской области от 08.06.2009 № 44-3 (ред. от 29.12.2010) // Брянская учительская газета. № 22. 12.06.2009. [O Molodezhnom parlamente Bryanskoj oblasti: Zakon Bryanskoj oblasti ot 08.06.2009 № 44-3 (red. ot 29.12.2010) // Bryanskaya uchitel'skaya gazeta. № 22. 2009. June 12].

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ ПРАВИТЕЛЬСТВА МИХАИЛА СААКАШВИЛИ НА ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ГРУЗИИ

А.А. Токарев

Современные политологические и международные исследования постсоветской Грузии не предлагают консолидированного мнения относительно определения ее территории. В научной литературе существует заметное расхождение между теми, кто смотрит условно на российскую или американскую карту. В первом случае мы имеем дело с признанием фактической реальности: в терминах М. Малекса «внутренней Грузией» (inner Georgia), не контролирующей 19% своей территории, признаваемой за ней большинством государств — членов ООН. Во втором — речь идет, скорее, об исключении из внимания исследователей факта признания 5–6 членами ООН Абхазии (РА) и Южной Осетии (РЮО) в качестве самостоятельных государств (Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Науру, Тувалу, а также Вануату, которое признает только Абхазию¹). Такой подход игнорирует состояние этих политий в качестве реально независимых от Грузии де-факто государств. Независимо от исследовательской позиции, как правило, включение РА и РЮО в число исследуемых казусов помогает понять историю становления грузинского государства, в том числе на его постсоветском этапе, и причины успешности означенных сецессий. В данном исследовании мы рассматриваем Грузию, руководствуясь официальной позицией России, полагая, что изучение абхазской и югоосетинской политий не является необходимым для анализа актуального состояния «внутригрузинских» меньшинств.

Объективные сложности в определении численности меньшинств

Позиции территориальной целостности Грузии очевидным образом придерживается само грузинское правительство и некоторые международные исследовательские «мозговые центры». Они стабильно включают в анализ этнического состава Грузии абхазское и осетинское меньшинства. И если в случае работы уважаемых НПО не возникает вопросов о достоверности данных, данные грузинской Службы госстатистики, не имеющей доступа на территорию частично признанных государств, по РА и РЮО должны быть подвергнуты сомнению. Кроме того, затруднителен анализ количественных и качественных характеристик Юго-Осетинского региона. Если грузинский госкомстат, согласуясь с официальной версией, считает Абхазию автономной республикой и, соответственно, дает отдельные данные по ней, то региона «Южная Осетия» на современных грузинских картах просто не существует. В публичном дискурсе — «бывшая Юго-Осетинская область», «Цхинвальский регион» — в официальных документах обозначается как «временная территориально-административная единица на территории бывшей автономной области Южная Осетия». Она же

является частью краев: Шида-Картли, включающего в себя и большую часть территорию РЮО, и территории, подконтрольные грузинскому правительству; Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети (единый край); Имерети; Мцхета-Мтианети. Таким образом, в данном случае даже при «вычитании» признанной Россией территории РЮО из территории четырех грузинских краев, между которыми она «распылена», данные по грузинской части региона остаются неточными. В случае редукции уровня анализа (использование в качестве единицы анализа не края, а муниципалитета — района) путаница сохраняется. Грузинские статистики указывают общие данные по районам, часть территории которых перешла в 2008 г. после операции по принуждению Грузии к миру под управление РЮО: Онскому (край Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети), Сачхерскому (Имерети), Карельскому (Шида-Картли). Как видно из карты, составленной Европейским центром исследования меньшинств (ЕЦИМ), административная граница между государствами Грузией и РЮО (естественно, не признаваемая первой) проходит точно по линии исторического расселения грузин (обозначены темно-серым) и осетин (светло-серым).

Однако установить численность обеих групп в регионе не представляется возможным. Исключение составляет Ахалгорский район края Мцхета-Мтианети (AKHALGORI на карте), который полностью перешел под контроль РЮО, став ее Лениногорским районом. Также анализ этнического распределения затрудняется тем, что в настоящее время имеет место приграничный конфликт между жителями грузинских сел и российскими пограничниками, осуществляющими охрану госграницы РЮО². По сообщениям местных жителей, границу передвинули на несколько сотен метров вглубь территории Грузии, что, по версии российских пограничников, обусловлено

необходимостью демаркации госграницы РЮО и Грузии. Проще говоря, сейчас не совсем понятно, где проходит эта граница.

Относительные цифры по грузинским меньшинствам

Согласно Службе государственной статистики Грузии, опирающейся на данные переписи 2002 г.³, в государстве проживает 10 этнических⁴ групп, превышающих по численности 0,05%. Все вместе они составляют 99,39% населения страны: грузины (83,74%), азербайджанцы (6,53%), армяне (5,71%), русские (1,55%), осетины (0,85%), езиды (0,42%), греки (0,35%), кистинцы (0,16%), украинцы (0,16%), абхазы (0,08%)⁵.

Европейский центр исследования меньшинств, составляющий самую подробную и актуальную этническую карту Грузии, определяет грузин как единый народ. Однако грузиновед Андрей Епифанцев выделяет в структуре современной территории Грузии области, народы которых «абсолютно неродственны грузинам... а порой исторически враждебно к ним настроены»⁶. Речь идет о Мегрелии и Сванетии с «очень далеко родственными грузинам мегрелами и горцами-сванами... Аджарии — республике с очень серьезными автономистскими традициями, населенной значительным количеством лазов и грузин-картлов, исповадовавших ислам... а также Панкисском ущелье, где 200 лет живут воинственные и не подчиняющиеся никому несколько огрузиненные чеченцы» — кистинцы. Заметим, что кистинцев не совсем справедливо считать ни «огрузиненными чеченцами», ни «очечененными грузинами». Это самостоятельный этнос, развивающийся в рамках грузинского государства, но принадлежащий к вайнахским народам (чеченцы, ингуши, карабулаки, бацбийцы). По версии, которой придерживается автор едва ли не единственного масштабного труда о кистинцах Хасо

Хангошвили, кистинцы — это интегрировавшиеся в грузинское общество, но не ассимилировавшиеся чеченцы-вайнахи⁷. Официальная статистика игнорирует этносы, перечисляемые А. Епифанцевым (кроме кистинцев), объединяя их этнонимом «грузины». Между тем именно объединение многих этносов вокруг Картли-Кахетинского царства (колыбели современной грузинской государственности), образование грузинского языка на основе картвельского, доминирование этнического принципа при построении политического сообщества в рамках государства — способствовали сохранению исторических противоречий между национальными меньшинствами. Кроме того, необходимо отметить разделение на называемые преимущественно по территориальному признаку субэтносы внутри самого грузинского народа, которое, однако, не находит отражение в статистике и не является причиной значимых межэтнических конфликтов. В данном случае выделяются группы грузин: аджарцы, гурийцы, джавахетинцы, имеретинцы, имерхевцы, картлийцы, кахетинцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, сваны, тушинцы, хевсурсы⁸.

Одной из основных проблем политического развития постсоветской Грузии стало совпадение мест компактного проживания меньшинств с регионами, после обретения государством суверенитета оказавшимися приграничными. Помимо РА и РЮО, ими являются края Самцхе-Джавахети (армяне) и Квемо-Картли (азербайджанцы). Территории с этнически негрузинским населением граничат с «материнскими» государствами (государствами-патронами). Очевидным образом это способствует формированию их сепессионистского потенциала. Именно о них, прежде всего, заходит речь при попытках анализировать грузинские национальные меньшинства — прочие, вместе взятые

меньшинства едва дотягивают до 5% населения страны.

Джавахети и армянское меньшинство Грузии

Административная закрытость армянонаселенной Джавахетии сформировалась еще в середине XX в. В связи со стратегическим геополитическим положением области на границах Турции, Армении и Грузии въезд и выезд в Джавахетию был крайне затруднен. В период правления Иосифа Сталина данный регион был объявлен запретной пограничной зоной, вне зависимости от удаленности того или иного населенного пункта от государственной границы с Турцией. Каждый отбывающий на учебу или работу житель Джавахетии, если он прописывался вне пограничной зоны, автоматически лишался права на беспрепятственное возвращение. Вынужденный каждый раз подавать заявление в органы внутренних дел по месту прописки, он месяцами ждал разрешения на въезд⁹. Во многом подобное отношение к населению края способствовало формированию комплекса «обиженного этноса», который в настоящее время часто проявляется в отношениях с титульной нацией.

Армяне очень чутко относятся к любым попыткам изменения государственной языковой политики. Одним из постоянных требований отдельных армянских общественных организаций является предоставление краю автономии в составе Грузии и вытекающее из этого признание армянского в качестве официального языка (как, например, на территории Абхазии признается абхазский — согласно нынешней Конституции Грузии).

Армянский распространен гораздо лучше грузинского (см. табл. 1). Согласно исследованиям Дж. Уитли, в 2009 г. в двух исконно армянских районах (Ахалкалаки и Ниноцминда) грузинский не знали 77,5% и 80,8% соответственно¹⁰.

Таблица 1. Свободное знание грузинского языка среди меньшинств в четырех районах Самцхе-Джавахети

Уровень знания	Боржоми	Ахалцихе	Ахалкалаки	Ниноцминда
Отсутствие	0.0%	6.7%	47.2%	28.2%
Понимают несколько простых слов	11.9%	28.9%	30.3%	52.6%
Понимают почти все, но могут только устно выразить основные потребности	4.8%	37.0%	16.5%	14.1%
Понимают и говорят хорошо, но не умеют писать	11.9%	3.7%	0.8%	1.3%
Понимают, говорят и пишут свободно	71.4%	23.7%	5.1%	3.8%

Вопрос языка в Грузии является крайне политизированным. Грузинские политические элиты рассматривают придание любым неофициальным языкам формального статуса как шаг к автономии территорий, затем — к сепессии. Таким образом, построение гражданской, а не этнической нации в Грузии крайне затруднено.

Противоположные обвинения со стороны грузин (как правило, в армянизации края, в сепаратизме) звучат не менее редко: «...не обойдешь стороной эту необузданную пропаганду, связанную с Джавахети, которая имеет место в некоторых масс-медиа... «Джавакх» и живущие там т.н. джавакхи не существовали и не существуют в природе»¹¹. Джавахетия остается областью, в отношении которой населяющими ее народами не решены так называемые устанавливающие вопросы: о языке, об историческом происхождении, об исторической принадлежности территории. Языковым маркером даже не принадлежности к определенной нации (грузинской или армянской), а разделения тех или иных политических взглядов служит топоним — название области. «Джавахети»

говорят грузино-ориентированные граждане, «Джавакх» — проармянски настроенные (как, например, и в отношении Сухуми и Цхинвали — по-грузински; Сухум и Цхинвал — на национальных языках).

Джавахетия является местом, где активно могут сталкиваться интересы политических групп, якобы отстаивающих, с одной стороны, «Грузию для грузин», с другой — «сохранение армянского исторического наследия» — вечные гуманитарные вопросы, всегда стоящие в повестке дня. Основным вопросом является требование о предоставлении автономии краю, которое, естественно, является неприемлемым для официального Тбилиси (по Конституции Грузии только Абхазия и Аджария являются автономными республиками с особыми правами — остальные края равны). Поводы для такого искусственно создаваемого противостояния могут и не относиться к внутренним проблемам региона. В 2012 г. лидер джавахетской диаспоры в России заявлял о возможном начале сепессии в случае появления баз НАТО на территории Грузии¹². Грузины тут же увидели за этим «происки российских спецслужб»¹³.

Армения периодически использует ирредентистскую угрозу в необходимых ей случаях¹⁴. Привычно обыгрываются вопросы культурного, образовательного развития Джавакха, которым «мешает» Грузия. В ответ официальные лица Грузии настаивают на официальном названии края (Самцхе-Джавахети), игнорируя исторический топоним Джавакх¹⁵. Видимо, подсознательно грузины боятся превращения Джавахети в Нагорный Карабах, каким он является для Азербайджана, — осуществляющим сецессию при поддержке государства-патрона. Из одной лишь посылки (в структуре исполнительной власти Армении есть должность советника премьер-министра по вопросам Джавакха) президент грузинской национальной академии Владимир Рамишвили выводит, что «Армения вполне серьезно и однозначно планирует будущее Джавахети как «армянской территории»¹⁶.

Уровень недоверия и глубины исторических противоречий между двумя нациями иллюстрирует статья того же В. Рамишвили. В работе, претендующей на научность и объективность, автор в качестве исходных посылок выдвигает обвинения грузинских армян в склонности к терроризму, связанному с их исторической памятью в отношении Турции: «участок нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, заканчивающийся на территории Турции — официальный «враг» армян... джавахетские армяне всегда потенциально способны совершить террористический акт на нефтепроводе; под армянской угрозой находится газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум, ибо и он заканчивается на территории Турции; высока вероятность армянского терроризма на нефтепроводе Баку-Супса»¹⁷.

Разобраться в вопросе исторической принадлежности земли Джавахети не кажется возможным. На любую проармянскую реплику («с древнейших времен коренное население региона составляли армяне, поскольку эта территория была

частью исторической Армении»¹⁸) последует абсолютно противоположная грузинская: «...в начале XXI в. армяне, исходя из ложных предпосылок, заявляют относительно Джавахети, что якобы «с древнейших времен коренное население региона составляли армяне, поскольку эта территория была частью исторической Армении»¹⁹.

Грузинское правительство в рамках административной реформы не предоставило области автономию. Это невозможно, поскольку Тбилиси помнит уроки исторического развития конфликтов именно внутри автономий РА, РЮО и Абхазии. В 1995 г. правительство объединило Джавахетию и другую историческую область Самцхе (иное название — Месхетия) в общий край — Самцхе-Джавахетию. К двум армянонаселенным районам, Ниноцминдскому и Ахалкалакскому (95,78/1,39 и 94,33/5,27 — доля армян/грузин соответственно), добавили преимущественно населенные грузинами Ахалцихский, Боржомский и Аспиндзский районы. В то же время армянонаселенный Цалкский район, ранее с наибольшей долей греческого населения, был переподчинен краю Квемо-Картли.

После этой реформы относительное число армян в новообразованном крае снизилось до 54,6%, относительное число грузин выросло до 43,35%. Кроме объединения с грузино-населенными районами «вес» армянского населения в Самцхе-Джавахетию должен был быть редуцирован возвращением на места исторического поселения турок-месхетинцев, депортированных Иосифом Сталиным. Однако количество вернувшихся было крайне невелико, а потому не могло повлиять на этнополитический расклад в регионе.

Надо отдать должное властям Грузии, после «революции роз» весьма успешно пытавшимся реинтегрировать Джавахетию. Прежде всего, команда Михаила Саакашвили настояла на выводе

62-й российской военной базы из Ахалкалаки в 2007 г. База не только редуцировала суверенитет Грузии над собственной территорией, но и фактически вместо государства производила общественные блага и была форпостом России внутри армянонаселенного региона. Она обеспечивала безопасность населения в том числе от внешнего вмешательства²⁰ и правопорядок, давала рабочие места, предоставляла образовательные и медицинские услуги, а также была основным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции местного населения. Фактически территория Джавахетии была рублевой зоной, второй валютой был армянский драм — лари практически не использовался²¹. Кроме того, база являлась основным источником теневого рынка бензина. Не досматриваемый грузинскими таможенниками военный транспорт россиян использовался для контрабанды алкоголя, табака и продуктов из Армении на территорию Грузии и картофеля из Джавахетии в Россию. Те же конвои использовались для переправки в Россию людей (как правило, армянских трудовых мигрантов в обход грузинских контролирующих органов)²². Как писал Владимир Рамишвили в 2007 г., «Армения уже «решила» проблему Джавахети в свою пользу... фактически Джавахети ныне — армянский участок на грузинской земле, ибо там власть Тбилиси носит виртуальный характер, как в Абхазии и Южной Осетии»²³.

Политика М. Саакашвили в Джавахетии оказалась весьма успешной. Реализация крупнейших инфраструктурных проектов при поддержке США позволила начать интеграцию Джавахетии в общее транспортное пространство Грузии. Более 184 млн долл. американского фонда Millennium Challenge Georgia Fund были потрачены на восстановление внутренних дорог края и дорог, соединяющих Джавахетию и прочие грузинские территории (Ахалкалаки-Ниноцминда-Цалка-Тбилиси)²⁴. В настоящее время

это — автобан, позволяющий добраться из Джавахетии в Тбилиси за несколько часов. Кроме того, Азербайджан, Турция и Грузия вложили средства в строительство участка Карс-Ахалкалаки железной дороги Карс-Ахалкалаки-Тбилиси-Баку, которая связывает Каспий и Европу. Развитие этого стратегического маршрута позволит экономически реинтегрировать Джавахетию в пространство Грузии.

Джавахетия вернулась в зону лари. Посещая Самцхе-Джавахетию в 2005 г., президент Саакашвили заявил, что грузинская армия будет специально приобретать все виды картофеля, мяса и молочной продукции у местных фермеров для замены российского рынка сбыта (62-й базы МО РФ), однако потребности армии были значительно меньше заготовленной продукции. Проблему с перепроизводством картофеля должен был решить «двухвагонный картофельный поезд», пущенный властями из Ахалкалаки в Тбилиси, однако картофель из Джавахетии не выдержал рыночной конкуренции с тбилисским²⁵.

Таким образом, объективные экономические и транспортные причины, способствовавшие обособлению Джавахетии, были устранены. Исторические и национальные противоречия между джавахетскими армянами и грузинами сохраняются. Менее весомым сепаратистским потенциалом, чем Джавахетия, обладает азербайджанонаселенный край.

Квемо-Картли и азербайджанское меньшинство

Квемо-Картли, регион на юге Грузии на границе с Арменией и Азербайджаном, как и Джавахетия, был проблемной территорией в связи с сохранением советского наследия. В 2009 г. губернатор региона Давид Киркитадзе так описывал его: «В советские времена границы между союзными республиками не было, крестьяне обеих республик спокойно пасли свой скот там, где хотели... Но сейчас, когда граница уже демарки-

Таблица 2. Свободное знание грузинского языка среди меньшинств в четырех районах Квемо Картли

Уровень знания	Гардабани	Марнеули	Дманиси	Цалка
Отсутствие	24.5%	42.2%	8.1%	19.3%
Понимают несколько простых слов	47.0%	35.1%	47.5%	49.5%
Понимают почти все, но могут только устно выразить основные потребности	14.0%	12.8%	32.3%	22.6%
Понимают и говорят хорошо, но не умеют писать	6.9%	6.2%	7.1%	2.8%
Понимают, говорят и пишут свободно	7.7%	3.8%	5.1%	5.7%

рована, нельзя просто так гулять там, где можно было раньше...»²⁶. Образование государственных границ Грузии и Азербайджана на месте подотчетных общему центру границ регионов способствовало возникновению серьезного спора вокруг монастырских земель святыни ГПЦ — Давидо-Гареджийского комплекса. Азербайджанское население региона после распада СССР периодически обвиняло центральные власти Грузии в языковой, кадровой и образовательной дискриминации.

После «революции роз» образовательная реформа способствовала приливу студентов в столичные вузы из Джавахетии и Квемо-Картли. Вступительные экзамены сдаются на родном языке (соответственно армянском и азербайджанском). После поступления в университет студенты слушают годичный активный курс грузинского языка и приступают к основной программе. Команда Саакашвили предпринимала меры по расширению площади используемых в традиционно сельскохозяйственном регионе земель.

В сфере национальной политики правительство Саакашвили, как и в других регионах, шло по пути укрепления позиций грузинского языка. В Квемо-

Картли уровень знания грузинского был крайне низким не только среди населения (см. табл. 2), но и самих учителей грузинского. Около 30% (!) из них не могли объясниться по-грузински²⁷.

В 2009 г. была принята программа по обучению грузинскому языку представителей национальных меньшинств, в том числе азербайджанцев. Тогда же власти Квемо-Картли направили в университет имени Ильи Чавчавадзе, где готовят учителей грузинского языка, сто молодых азербайджанцев, принятых без экзаменов. Во второй половине 2000-х гг. в рамках программы «Будущее начинается сегодня» в Квемо-Картли направлялись преподаватели грузинского из Тбилиси и других регионов Грузии. Для стимулирования преподавателей грузинского языка в населенных азербайджанцами районах Грузии власти ввели дополнительные выплаты. Согласно принятому во второй половине 2000-х закону «Об образовании», национальные меньшинства имеют право получать начальное и общее образование на родном языке, но высшее образование — исключительно на грузинском, что подталкивает их изучать его для продолжения восхождения по социальной лестнице.

Азербайджанцы — самое большое национальное меньшинство Грузии. Однако их сепессионистские устремления сформированы в гораздо меньшей степени, чем в Джавахетии. Современная геополитическая ситуация способствует этому. Азербайджан, в отличие от Армении, является стратегическим партнером Грузии. Она в условиях стратегического партнерства Армении и России — единственный надежный партнер для транзита азербайджанских углеводородов на Запад. Поддержка азербайджанского меньшинства в Грузии не является для Азербайджана столь же необходимой, как для Армении — армянского, оказывающейся в стратегической изоляции между Турцией, Ираном и Азербайджаном в случае перекрытия границы с Джаваххом. Государство-патрон (Азербайджан) не «подстегивает» вопрос автономии для своего населения на грузинской территории. Проблемы, связанные с комплексом Давид-Гареджи, были разрешены путем переговоров. Несмотря на то, что официальный Баку считает грузинские церкви памятниками албанской культуры, паломникам из Грузии разрешено раз в неделю посещать принадлежащую Азербайджану часть Давид-Гареджи²⁸.

Действительно значимым является вопрос грузинизации азербайджанской топонимики. В Квемо-Картли активно переименовывают населенные пункты²⁹. Однако власти дипломатично редуцируют значение этого явления: «Если начать менять названия сейчас, могут возникнуть другие проблемы... Ученые обратились ко мне, прося вернуть селам Квемо-Картли те названия, которые у них были еще в XII в. В таком случае реально возникнет проблема, так как существующих ныне азербайджанских наименований вообще не было. Поэтому я считаю, что данный вопрос вообще лучше не затрагивать»³⁰. Очевидно, как и в случае с Джавахетией, с обеих сторон могут быть подключены историки, которые на основе

«фактов и раскопок» вновь каждый для своего народа установят право исторического главенствования над территорией и право использовать свой язык при образовании топонимов.

Безусловно, вопрос сепессии может быть актуализирован отдельными политическими группами. Сейчас это происходит посредством создания партии «Борчалы». С точки зрения топонимики и политики этот бренд можно сравнить с Джаваххом. Борчалы — название исторической области внутри Квемо-Картли, не отраженное в территориально-административном делении Грузии. В процедуре по созданию партии, в появлении ее герба и гимна Михаил Саакашвили увидел «попытки расчленить Грузию» и спрогнозировал насильственную смену власти Азербайджана с участием лидера «Борчалы» Союна Садыкова и главы «Лукойла» Вагита Алекперова³¹ — все это в рамках очередного заговора российских спецслужб³². Однако, по нашему мнению, условия сосуществования грузин и азербайджанцев в Квемо-Картли, объективная инфраструктурная и экономическая обусловленность добрососедских отношений Грузии и Азербайджана, очевидное нежелание последнего признавать хотя бы в самой незначительной степени Квемо-Картли в качестве самостоятельного образования, дабы не создавать прецедент для НКР, — все это помешает отдельным политическим группам эффективно разыграть сепаратистскую карту.

Субэтноты внутри грузинского народа

Проблемы, возникающие с собственно этническими меньшинствами, гораздо менее значительны, чем с национальными (армянским, азербайджанским, абхазским и осетинским). Мегрелы и сваны (ареалы распространения языков отмечены на карте в северо-западной части Грузии) не рассматриваются грузинской официальной статистикой в качестве значимых этносов, хотя

первые составляют немногим менее 10% населения страны, вторые — менее 1%. Наименьшее влияние на внутригрузинскую ситуацию оказывают лазы, несомненно присутствующие в Аджарии, населяя преимущественно Черноморское побережье Турции. Сваны, живущие в высокогорной исторической области Сванетия (поделенной между краями Самегрело и Земо-Сванети; Рача-Лечхуми и Квемо-Сванети), в высокой степени обособлены от грузинской политической жизни. Они достаточно интегрированы в грузинское общество и занимают в нем важную нишу «заместителя комплексов». В современной Грузии сваны, придя в этой роли на смену кахетинцам в Советском Союзе, являются героями анекдотов, иронически, по-доброму высмеивающих их недалекость и одновременно житейскую мудрость, сформированные вследствие проживания в горах. Сваны в известном фольклорном смысле — аналог российских чукчей.

Несмотря на наличие собственных языков (как и грузинский — относящихся к картвельской семье), мегрелы и сваны не имеют письменности, используя грузинское письмо. Попытки перевода Библии на эти языки в 2005 г. были привычно объявлены грузинскими парламентариями провокациями спецслужб России³³. Так называемый мегрельский

вопрос (о праве изучения языка в школах, о включении его в число официальных языков Грузии, об издании на нем газет) саботируется грузинскими элитами. В массовое сознание внедряется стереотип о становлении и функционировании мегрельского исключительно в качестве диалекта грузинского, хотя они являются «равностатусными» языками одной семьи. Это происходит потому, что в случае признания мегрельского (а также сванского и лазского) языков в качестве таковых их придется защищать и поддерживать в рамках Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (ЕХРЯЯМ), которую Грузия до сих пор отказывается ратифицировать.

Между тем, независимо от оценки уровня самоидентификации мегрелов, следует признать, что мегрельский язык существует, и это — отдельный язык. И Л. Броерс, и А. Епифанцев независимо друг от друга обращают внимание на интересный языковой маркер — слово «корту», означающее на мегрельском «грузин». Оно может иметь и второе значение — «чужой». В свою очередь, картвелы (Сакартвело — самоназвание Грузии) — это не мегрелы. Корту и картвелы обозначают одно и то же — грузин, но на принципиально разных языках.

Единственная мегрельская газета «Гал» выходит в Абхазии под редакци-

ей абхаза Нугзара Салакая, не в совершенстве знающего мегрельский. Но, например, Виталий Шария призывает не преувеличивать значение «мегрельского вопроса», намекая, что он часто поднимается властями Абхазии. Большая часть мегрелов проживает в Абхазии (особенно в Гальском районе, пограничном с Грузией)³⁴, где они, в отличие от Грузии, включаются официальной статистикой в число основных этносов и не приписываются к «грузинам»³⁵. Начиная с 30-х гг. XX в. мегрелы записывались в переписи как грузины. В переписи СССР 1926 г. мегрелы еще сохраняются. В переписи 1914 г. в Абхазии выделяются мегрелы, гурийцы, грузины и имеретинцы³⁶. Тот же Шария описывает отдельные попытки создания письменности для мегрельского языка в последние несколько лет³⁷. В любом случае научные социологические исследования относительно собственной идентичности мегрелов нам неизвестны³⁸. Квинтэссенция вопроса самостоятельности мегрелов и их самоотделения от грузинской нации присутствует в известном советском анекдоте: «У кого в СССР средняя продолжительность жизни 16 лет? У мегрелов. Как только получают паспорт, становятся грузинами». Косвенно относящиеся к данному вопросу исследования³⁹ позволяют судить о том, что мегрелы и сваны воспринимаются научным сообществом за пределами Грузии наравне с грузинами. Андрей Епифанцев пишет: «Мегрелы — это очень древний народ. И народ как минимум равный картлийцам»⁴⁰. Напротив, не менее известный грузиновед Дж. Уитли полагает, что мегрелы, сваны и лазы «считают себя грузинами»⁴¹. Вопрос жесткой самоидентификации внутри самого мегрельского этноса, по всей видимости, не стоит. По нашему мнению, «мегрельский вопрос», безусловно, существует в научной (исторической, этнографической) повестке дня, но крайне сильно политизирован и может быть актуализирован только при усилиях политических групп.

Независимо от степени самоидентификации мегрелов, сванов и лазов, без особого ущерба для межнациональных отношений их можно причислять к грузинам. Гораздо хуже в смысле интеграции в грузинское национальное общество обстоит ситуация с признаваемыми официальной статистикой езидами — курдами, живущими в Грузии. Проведенное грузинским социологом Нино Джавахишвили в 1996 и 2002 гг. исследование этнических стереотипов грузинских студентов выявило неоднозначные факты⁴². Наибольшая социальная дистанция как среди народов, населяющих Грузию, так и среди мировых существовала по отношению именно к курдам (4,74 по 5-бальной шкале), а не к абхазам (4,42) или осетинам (4,18), как можно было предполагать. Несмотря на вопросы относительно научной обоснованности экстраполяции результатов, полученных в студенческой среде, на все общество, можно утверждать, что курды были и остаются, пожалуй, самым маргинальным этносом современной Грузии. В 90-е гг. увеличение социальной дистанции было связано с криминализацией этноса (некоторые курды откровенно гордились участием, своим или близких родственников, в банд-группах)⁴³. Ее сохранение в 2000-е, после масштабной войны с криминалом, проведенной командой М. Саакашвили, связано, скорее, с нежеланием курдов интегрироваться в грузинское общество. Со времен Советского Союза езиды крайне слабо интересовались изучением грузинского языка, ориентируясь на русские и армянские школы, не были представлены среди научной, технической и культурной интеллигенции, осваивали преимущественно рабочие специальности, предполагающие низкоквалифицированный труд. В настоящее время низкий уровень социальной мотивации езидов, по всей видимости, сохраняется.

Еще один негрузинский народ, кистинцы, очевидным образом обособля-

ются от этнических грузин, но гораздо лучше, чем езиды, интегрированы в грузинскую нацию. Не являясь субэтносом грузин (картвелов), сохраняя этническую и национальную идентичность вайнахов (язык, история, самоидентификация), кистинцы, тем не менее, в подавляющем большинстве воспринимают Грузию как Родину⁴⁴. Они являются билингвальным этносом и исповедуют ислам суннитского толка. Практически 100% населения владеет грузинским даже лучше, чем бесписьменным кистинским (ведутся споры, считать ли этот язык самостоятельным, или все-таки он является диалектом общего вайнахского).

Со стороны кистинцев по отношению к грузинам нет национальных обид. Напротив, грузины в разговорах с кистинцами могут припоминать им участие чеченцев в войне Грузии и Абхазии 1992–1993 гг. на стороне последней⁴⁵. Несмотря на то, что собственно кистинцы не принимали участия в сепаратистских, с точки зрения правительства Грузии, действиях, крайне высокий уровень их сродненности с чеченцами способствует замещению чеченцев на кистинцев в массовом сознании грузин⁴⁶. При этом участие чеченцев в боевых действиях против Абхазии уже на стороне Грузии в 2001 г.⁴⁷, видимо, не является настолько памятным для грузинской нации.

Кистинцы являются, вероятно, наиболее самобытным народом из проживающих в Грузии. Нельзя сказать, что они в высокой степени нелояльны государству. Но в связи с удаленностью и компактностью их проживания — Панкисское ущелье имеет всего лишь 16 км в длину — кистинцы сохранили приверженность родовым обычаям (адатам). В 90-е гг. в связи с войной в Чечне, наплывом беженцев оттуда и множественными проблемами территориального развития⁴⁸ Панкиси было «серой зоной» грузинской государственности. Реформы государственности Михаила Саакашвили «вернули» государство в Панкисское ущелье. Од-

нако по-прежнему власть общины существует параллельно с государственной. Несмотря на то, что относительно молодые кистинцы воспринимают грузинское государство как основной источник права⁴⁹, старшее поколение настаивает на сохранении адатов: обычаев похищения невесты, разрешения общиной споров и разводов, разбор старейшинами тяжких преступлений (грабежей, убийств). В соответствии с тезисом Френсиса Фукуямы (сильная государственность — способность государства направить вооруженного человека в форме в любую точку страны) грузинское государство включает в себя Панкиси. Участников массовой драки грузин и кистинцев в августе 2013 г. успокаивали не старейшины, а полиция и спецназ. Однако последнее слово в кистинском этносе остается за общиной: гражданский суд назначает наказание, пенитенциарные органы его исполняют, но оно не является окончательным.

Кистинцы не обладают высоким сепаратистским потенциалом. «Инцидент в селе Лапанкури в Лопотском ущелье в августе 2012 г.⁵⁰ нельзя назвать проявлением сепаратизма. Из всего числа боевиков всего двое были кистинцами. Члены семьи Багакашвили и Маргошвили, откуда происходили погибшие Багаудин и Аслан соответственно, — порядочные жители, для которых внезапное событие об участии их детей в операции было шокирующим. Два человека, по неизвестным причинам оказавшиеся жертвами провокации, вовсе не выражают стремлений почти 10 000 кистинцев, проживающих в Грузии. Кистинцы тем и отличаются от своих «северных родственников», что сепаратизм никогда не поддерживали»⁵¹.

Таким образом, современная Грузия является территорией проживания множества наций (грузины, азербайджанцы, армяне, русские и т.д.), этносов (езиды, кистинцы и т.д.), субэтносов (мегрелы, лазы, сваны и т.д.) и других этнополитических и этнографических групп.

Создание гражданской нации в условиях нерешенности многих устанавливающих вопросов крайне затруднено. Внутренние противоречия национального сообщества в Грузии в некотором смысле обусловлены спецификой взаимоотношений с Россией. Для внутренней политики Грузии Россия является крайне удобным «северным соседом», несмотря на изменение вектора жесткой конфронтации в связи с плавным уходом в оппозицию команды Михаила Саакашвили. В большинстве случаев по отношению к политическим ситуациям, явлениям и процессам, способным оказать негативное влияние на грузинское общественное мнение и/или принести рейтинговые очки политическим группам, грузинские политики и масс-медиа рассматривают Россию в качестве «внешнего врага». «Провокация российских спецслужб», «Путин хочет построить империю», «Назад в СССР», «Благодатная земля маленькой Грузии является лакомым куском», «Наш либерализм, демократия и права человека против авторитарной России» и т.п. являются привычными клишированными темами в грузинской общественно-политической жизни. Мы уверены, что подобная повестка дня в сфере политического PR сохранится, несмотря на возможное изменение реальной политики в рамках легислатуры Бидзини Иванишвили.

Российской Федерации не удастся переломить сложившийся тренд отно-

шения к ней: с реализацией трубопровода БТД, газопровода БТЭ, неподконтрольных ни России, ни Ирану, Грузия слишком прочно вошла в сферу интересов США. В стране уже выросло первое поколение людей, не помнящих ни Советского Союза, ни России как «братской республики», ни русского языка в качестве инструмента межнационального общения.

Противостоять геополитическому наступлению США на Кавказе, формированию устойчивой оси Анкара-Тбилиси-Баку, реальной, а не медийной грузинской агрессии, которая в условиях военной, кадровой и финансовой поддержки США и НАТО, неконсолидированного политического режима и отсутствия работающей системы сдержек и противовесов вполне возможна, Россия может. Путем сохранения этнокультурного разнообразия современной Грузии и поддержкой крупнейших национальных и этнических меньшинств, возможно, не готовых участвовать в проекте «Грузия — полноправный член НАТО».

Очевидно, что, несмотря на юридический суверенитет, провозглашенный РА и РЮО над своими территориями и признанный несколькими членами ООН, практические вопросы функционирования национальных меньшинств в Грузии могут рассматриваться только в увязке с абхазским и осетинским меньшинствами, хотя это и не является предметом данного исследования.

Список литературы

1. Двали Г. Грузию отгородили колючей проволокой / Г. Двали [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2199457?isSearch=True> (дата обращения: 29.05.2013).
2. Епифанцев А. Национальные окраины Грузии. Условия распада / А. Епифанцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22363.htm> (дата обращения: 31.05.2013).
3. Дудаева А.Ф. «Кавказский портрет». Интервью с Хасо Хангошвили / А.Ф. Дудаева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qK2kU6urPNc> (дата обращения: 09.09.2013).
4. Казинян А. Грузия, Самцхе-Джавахетия и «тюркское кольцо» вокруг Армении / А. Казинян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/01/m16998.htm> (дата обращения: 15.09.2012).
5. Уитли Дж. Интеграция национальных меньшинств в регионах Грузии Самцхе-Джавахети и Квемо Картли / Дж. Уитли [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_44_rus.pdf (дата обращения: 30.05.2012).

6. Метревели К. Джавахети / К. Метревели. Тбилиси, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000788/1%20Javaxeti_%20Web%20version.pdf (дата обращения: 30.05.2012) [Metreveli K. Dzhavaheti. Tbilisi, 2010].
7. Диаспора: Если Грузия вступит в НАТО, Джавахк потребует независимости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/03/21/959944.html> (дата обращения: 30.05.2012).
8. Грузия обвинила Россию в угрозах создания «государства Джавахк» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/inworld/378342.html> (дата обращения: 31.05.2012).
9. Депутат: Грузия не позволит Армении помочь Джавахети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/11/16/913200.html> (дата обращения: 30.05.2012).
10. Глава МИД Грузии знать не хочет, что такое Джавахк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2010/10/04/777431.html> (дата обращения: 30.05.2012).
11. Рамишвили В. Армяно-грузинский спор: Джавахети или Джавахк? / В. Рамишвили [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (дата обращения: 30.05.2012).
12. Минасян С. Социально-экономическая и политическая ситуация в Джавахети / С. Минасян // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3.
13. Lieven A. Imperial Outpost and Social Provider: The Russians and Akhalkalaki / A. Lieven [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav022001.shtml> (дата обращения: 20.10.2012).
14. Overland I. The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability. The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. № 9. P. 6. URL: <http://pipss.revues.org/2293> (дата обращения: 01.06.2013).
15. Vartanian O. Georgia: Riding the Potato Train. Institute for War and Peace Reporting / O.Vartanian [Электронный ресурс]. URL: http://www.armeniapedia.org/wiki/Georgia:_Riding_the_Potato_Train (дата обращения: 15.09.2012).
16. Темников Р. Эксклюзивное интервью Day.Az с губернатором региона Квемо-Картли Давидом Киркитадзе / Р. Темников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4361/> (дата обращения: 23.03.2013).
17. Мехула С., Роше Э. Национальные меньшинства и образовательная реформа в Грузии / С. Мехула, Э. Роше [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_46_rus.pdf (дата обращения: 23.03.2013).
18. Вардзелашвили М. «За кадром» грузино-азербайджанских отношений / М. Вардзелашвили [Электронный ресурс]. URL: http://www.bigcaucasus.com/events/analysis/12-05-2013/83248-Caucasus_in_Azerbaijan-0/ (дата обращения: 31.05.2013).
19. Bolnisi district of region Kvemo Kartli, Georgia [Электронный ресурс]. URL: <http://hrmrmg.info/wp-content/uploads/2013/01/Bolnisi-district-of-region-Kvemo-Kartli.pdf> (дата обращения: 31.05.2013).
20. В России сплачиваются силы, которые представляют угрозу региону — Саакашвили [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1362114806.php> (дата обращения: 25.04.2013).
21. Самедов А. Союн Садыков отрицает очевидное / А. Самедов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zerkalo.az/2013/soyun-sadyikov-otritsaet-ochevidnoe/> (дата обращения: 25.04.2013).
22. Грузинский парламентарий считает «провокацией» перевод Библии на сванский и мегрельский языки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=2236> (дата обращения: 30.05.2012).
23. Шария В. Мегрельский вопрос / В. Шария [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-43a1b62fdc785f7f6b3ac0be90b488a9.html> (дата обращения: 30.05.2012).
24. В Абхазии подведены итоги первой переписи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198470/> (дата обращения: 30.05.2012).
25. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX веков / Т.А. Ачугба [Текст]. Сухум, 2010.
26. Шария В. Язык запретить нельзя / В. Шария [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24400158.html> (дата обращения: 30.05.2012).
27. Варсегов Н. Как я в Грузию ходил и в застенки угодил / Н. Варсегов [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/info/37091.html> (дата обращения: 30.05.2012).
28. Перевозкина М. Грузины раздора. Чужие среди своих, свои среди чужих / М. Перевозкина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/04/m78931.htm> (дата обращения: 30.05.2012).
29. Broers L. Who are the Mingrelians? / L. Broers Language, Identity and Politics in Western Georgia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bonetweb.com/caucasus/KV/OECAUC/mingrelians.pdf> (дата обращения: 30.05.2012).

30. Анчабадзе Ю.Д. Новые грани в изучении этнической истории абхазов / Ю.Д. Анчабадзе // Кавказские научные записки. 2010. № 4.
31. Епифанцев А. Национальные окраины Грузии. Условия распада / А. Епифанцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22327.htm> (дата обращения: 31.05.2013).
32. Уитли Дж. Грузия и ЕХРЯЯМ / Дж. Уитли [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf (дата обращения: 30.05.2012).
33. Джавахишвили Н. Этнорелигиозные стереотипы грузинских студентов / Н. Джавахишвили // Социологические исследования. 2005. № 3.
34. Мосаки Н.З. Курды-езиды Грузии: мифы и реальность / Н.З. Мосаки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurd.ge/2010/04/14/kurdy-ezidy-gruzii-mify-i-realnost/> (дата обращения: 30.05.2012).
35. Цулая И. Быть кистинцем: между грузинами и чеченцами / И. Цулая [Электронный ресурс]. URL: http://georgien.boell-net.de/downloads/1a_Tsulaia.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
36. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала / Г.Н. Трошев. М.: Вагриус, 2002.
37. Токарев А.А. Территориальное развитие постсоветской Грузии: от распадающегося государства к консолидации непотерянных территорий / А.А. Токарев // Сложные пространственные системы и территориальное управление. 2013. № 2.

- ¹ Вануату и Тувалу как страны с наименее устойчивыми политическими режимами из указанных то подтверждают признание, то отзывают его, что зависит от внутривнутриполитической ситуации в обоих островных государствах.
- ² Двали Г. Грузию отгородили колючей проволокой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2199457?isSearch=True> (дата обращения: 29.05.2013) [Dvali G. Gruziyu otgorodili kolyuchey provolokoy [Georgia was fenced off with barbed wire]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2199457?isSearch=True> (accessed 29 May 2013)].
- ³ ETHNIC GROUPS BY MAJOR ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL UNITS. Available at: http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/census/2002/03%20Ethnic%20Composition.pdf (accessed 29 May 2013).
- ⁴ Современные этнополитологические исследования предполагают разделение концептов этнонации (этнуса) и нации-государства (нации). Первое понятие означает в самом прямом смысле биологические черты — кровь: тип разреза глаз, их цвет, рост, цвет волос и кожи и т.д. Второе относится к так называемым «воображаемым конструктам» (в терминах Бенедикта Андерсона) и обозначает, скорее, приобретенные индивидом признаки, позволяющие ему самоидентифицировать себя с тем или иным политическим сообществом: история, язык, государство и т.д. Аналогичным образом соотносятся «этничность» и «национальность». Здесь и далее, учитывая, что исследование не носит этнополитологический характер, мы будем употреблять понятия этноса и нации как синонимы, если не оговорено другое.
- ⁵ Здесь и далее, если не оговорено иное, данные представлены без учета РА, РЮО, Ахалгорского (Ленингорского) района.
- ⁶ Епифанцев А. Национальные окраины Грузии. Условия распада. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22363.htm> (дата обращения: 31.05.2013) [Epifancev A. Nacional'nie okrainy Gruzii. Usloviya raspada. 3 [National margin of Georgia. Conditions of disintegration. 3]. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article22363.htm> (accessed 31 May 2013)].
- ⁷ Дудаева А.Ф. «Кавказский портрет». Интервью с Хасо Хангошвили [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qK2kU6urPNc> (дата обращения: 09.09.2013) [Dudaeva A.F. «Kavkazskiy portret». Interv'u s Haso Hangoshvili [«Caucasian portrait». Interview with Haso Hangoshvili]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=qK2kU6urPNc> (accessed 9 September 2013)].
- ⁸ Грузинский народ включает еще несколько этнографических общностей, проживающих за пределами Грузии.
- ⁹ Казинян А. Грузия, Самцхе-Джавахетия и «тюркское кольцо» вокруг Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/01/m16998.htm> (дата обращения: 15.09.2012) [Kazinyan A. Gruziya, Samtskhe-Dzhavahetiya i «tyurskoe kol'co» vokrug Armenii [Georgia, Samtskhe-Javakheti and «Turkic ring» around Armenia]. Available at: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/01/m16998.htm> (accessed 15 September 2012)].
- ¹⁰ Уитли Дж. Интеграция национальных меньшинств в регионах Грузии Самцхе-Джавахети и Квемо Картли [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_44_rus.pdf (дата обращения: 30.05.2012) [Uitli Dzh. Integratsiya natsional'nykh men'shinstv v regionah Gruzii Samtskhe-Dzhavakheti i Kvemo Kartli [Integration of

- national minorities in the Samtskhe-Javakheti and Kvemo-Kartli]. Available at: http://www.ecmi.de/fil-admin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_44_rus.pdf (accessed 30 May 2012)].
- ¹¹ Так пишет доктор исторических наук Кукури Метревели, в своем труде желающий восстановить картину исторической справедливости в отношении Джавахети, которую «армяне ошибочно на весь мир называют своей территорией». См.: Метревели К. Джавахети. Тбилиси, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000788/1%20Javaxeti_%20Web%20version.pdf (дата обращения: 30.05.2012) [Metreveli K. Dzhavaheti. Tbilisi. 2010. [Javakheti. Tbilisi. 2010]. Available at: http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/collect/0001/000788/1%20Javaxeti_%20Web%20version.pdf (accessed 30 May 2012)].
- ¹² Диаспора: Если Грузия вступит в НАТО, Джавахк потребует независимости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/03/21/959944.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Diaspora: Esli Gruziiya vstupit v NATO, Dzhavahk potrebuuet nezavisimosti [Diaspora: If Georgia joins NATO, Javakhk will demand independence]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/03/21/959944.html> (accessed 30 May 2012)].
- ¹³ Грузия обвинила Россию в угрозах создания «государства Джавахк» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/inworld/378342.html> (дата обращения: 31.05.2012) [Gruziiya obvinila Rossiiu v ugrozakh sozdaniya "gosudarstva Dzhavahk"] [Georgia accused Russia in threats of creating a «Javakhk state»]. Available at: <http://www.nr2.ru/inworld/378342.html> (accessed 31 May 2012)].
- ¹⁴ Депутат: Грузия не позволит Армении помочь Джавахети [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/11/16/913200.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Deputat: Gruziiya ne pozvolit Armenii pomoch' Dzhavaheti [MP: Georgia will not allow Armenia to help Javakheti]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2011/11/16/913200.html> (accessed 30 May 2012)].
- ¹⁵ Глава МИД Грузии знать не хочет, что такое Джавахк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2010/10/04/777431.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Glava MID Gruzii znat' ne hochet, chto takoe Davahk [Foreign Minister of Georgia does not want to know what Javakhk is]. Available at: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2010/10/04/777431.html> (accessed 30 May 2012)].
- ¹⁶ Рамишвили В. Армяно-грузинский спор: Джавахети или Джавахк? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (дата обращения: 30.05.2012) [Ramishvili V. Armiano-gruzinskiy spor: Dzhavakheti ili Dzhavahk? (Armenian-Georgian's Dispute: Javakheti or Javakhk?). Available at: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (accessed 30 May 2012)].
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Минасян С. Социально-экономическая и политическая ситуация в Джавахети // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 3. С. 170 [Minasian S. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya situatsiya v Dzhavaheti [Socio-economic and political situation in Javakheti], Tsentral'naia Aziiai Kavkaz — Central Asia and the Caucasus, 2005, no. 3, P. 170].
- ¹⁹ Рамишвили В. Армяно-грузинский спор: Джавахети или Джавахк? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (дата обращения: 30.05.2012) [Ramishvili V. Armiano-gruzinskiy spor: Dzhavakheti ili Dzhavahk? (Armenian-Georgian's Dispute: Javakheti or Javakhk?). Available at: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (accessed 30 May 2012)].
- ²⁰ С учетом исторической памяти армянского населения российская военная база в 30 км от границы с Турцией оставалась важнейшим средством защиты. Грузинских войск в области не было.
- ²¹ Lieven A. Imperial Outpost and Social Provider: The Russians and Akhalkalaki [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav022001.shtml> (дата обращения: 20.10.2012).
- ²² Overland I. The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability. The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. № 9. P. 6. URL: <http://pipss.revues.org/2293> (дата обращения: 01.06.2013).
- ²³ Рамишвили В. Армяно-грузинский спор: Джавахети или Джавахк? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (дата обращения: 30.05.2012) [Ramishvili V. Armiano-gruzinskiy spor: Dzhavakheti ili Dzhavahk? (Armenian-Georgian's Dispute: Javakheti or Javakhk?). Available at: http://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-4/02.shtml (accessed 30 May 2012)].
- ²⁴ Overland I. The Closure of the Russian Military Base at Akhalkalaki: Challenges for the Local Energy Elite, the Informal Economy and Stability. The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2009. № 9. P. 9. URL: <http://pipss.revues.org/2293> (дата обращения: 01.06.2013).
- ²⁵ Vartanian O. Georgia: Riding the Potato Train. Institute for War and Peace Reporting [Электронный ресурс]. URL: http://www.armeniapedia.org/wiki/Georgia:_Riding_the_Potato_Train (дата обращения: 15.09.2012).
- ²⁶ Темников Р. Эксклюзивное интервью Day.Az с губернатором региона Квемо-Картли Давидом Киркитадзе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4361/> (дата обращения:

- 23.03.2013) [Temnikov R. Ekskliuzivnoe interv'iu Day. Az s gubernatorom regiona Kvemo-Kartli Davidom Kirkitadze (Exclusive Interview to Day. Az with the Governor of Kvemo-Kartli, David Kirkitadze). Available at: <http://www.ia-centr.ru/expert/4361/> (accessed: 23 March 2013)].
- 27 Мехузла С., Роше Э. Национальные меньшинства и образовательная реформа в Грузии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_46_rus.pdf (дата обращения: 23.03.2013) [Mehuzla S., Roshe E. Natsional'nye men'shinstva i obrazovatel'naia reforma v Gruzii (National Minorities and Educational Reform in Georgia). Available at: http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/working%20papers/working_paper_46_rus.pdf (accessed 23 March 2013)].
- 28 Вардзелашвили М. «За кадром» грузино-азербайджанских отношений [Электронный ресурс]. URL: http://www.bigcaucasus.com/events/analysis/12-05-2013/83248-Caucasus_in_Azerbaijan-0/ (дата обращения: 31.05.2013) [Vardzelashvili M. "Za kadrom" gruzino-azerbaidzhanskih otnosheniy («Behind the scenes» of the Georgian-Azerbaijani relations). Available at: http://www.bigcaucasus.com/events/analysis/12-05-2013/83248-Caucasus_in_Azerbaijan-0/ (accessed 31 May 2013)].
- 29 Список переименованных сел составляет Human Rights Monitoring Group of Ethnic Minorities. См.: Bolnisi district of region Kvemo Kartli, Georgia [Электронный ресурс]. URL: <http://hrmrmg.info/wp-content/uploads/2013/01/Bolnisi-district-of-region-Kvemo-Kartli.pdf> (дата обращения: 31.05.2013).
- 30 Темников Р. Эксклюзивное интервью Day.Az с губернатором региона Квемо-Картли Давидом Киркитадзе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4361/> (дата обращения: 23.03.2013) [Temnikov R. Ekskliuzivnoe interv'iu Day. Az s gubernatorom regiona Kvemo-Kartli Davidom Kirkitadze (Exclusive Interview to Day. Az with the Governor of Kvemo-Kartli, David Kirkitadze). Available at: <http://www.ia-centr.ru/expert/4361/> (accessed: 23 March 2013)].
- 31 В России сплачиваются силы, которые представляют угрозу региону — Саакашвили [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1362114806.php> (дата обращения: 25.04.2013) [V Rossii splachivautsya sily, kotorie predstavlyaut ugrozu regionu — Saakashvili [The forces that pose a threat to the region — Saakashvili are rallied in Russia] Available at: <http://www.apsny.ge/2013/pol/1362114806.php> (accessed 25 April 2013)].
- 32 Самедов А. Союн Садыхов отрицает очевидное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zerkalo.az/2013/soyun-sadyikov-otrishaet-ochevidnoe/> (дата обращения: 25.04.2013) [Samedov A. Soyun Sadykov otricaet ochevidnoe (Soyun Sadykov denies the obvious). Available at: <http://www.zerkalo.az/2013/soyun-sadyikov-otrishaet-ochevidnoe/> (accessed 25 April 2013)].
- 33 Грузинский парламентарий считает «провокацией» перевод Библии на сванский и мегрельский языки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=2236> (дата обращения: 30.05.2012) [Gruzinskiy parlament schitaet "provokaciei" perevod Biblii na svanskiy i megrel'skiy yaziki [Georgian Parliament considers translation of the Bible into Svan and Megrelian as a «provocation»]. Available at: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=2236> (accessed 30 May 2012)].
- 34 Шария В. Мегрельский вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-43a1b62fdc785f7f6b3ac0be90b488a9.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Sharia V. Megrel'skii vopros [Megrelian Issue]. Available at: <http://www.abkhaziya.org/server-articles/article-43a1b62fdc785f7f6b3ac0be90b488a9.html> (accessed 30 May 2012)].
- 35 В Абхазии подведены итоги первой переписи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198470/> (дата обращения: 30.05.2012) [V Abhazii podvedeni itogi pervoi perepisi [The results of the first census in Abkhazia are summed up]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/198470/> (accessed 30 May 2012)].
- 36 Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX веков [Текст]. Сухум, 2010. С. 139 [Achuba T.A. Etnicheskaya istoriya abhazov XIX–XX vekov [Ethnic history of Abkhazians in XIX–XX centuries], Sukhumi, 2010. P. 139].
- 37 Шария В. Язык запретить нельзя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24400158.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Sharia V. Yazyk zapretit' nel'zya (Language can not be prohibited). Available at: <http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24400158.html> (accessed 30 May 2012)].
- 38 О напряженных отношениях абхазов, мегрелов и грузин см.: Варсегов Н. Как я в Грузию ходил и в застенки угодил [Электронный ресурс]. URL: <http://flb.ru/info/37091.html> (дата обращения: 30.05.2012) [Varsegov N. Kak ya v Gruzii hodil i v zastenki ugodil [How I was in Georgia and went into jail]. Available at: <http://flb.ru/info/37091.html> (accessed 30 May 2012)]; Первозкина М. Грузины раздора. Чужие среди своих, свои среди чужих [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/04/m78931.htm> (дата обращения: 30.05.2012) [Perevozkina M. Gruziny razdora. Chuzhie sredi svoih, svoi sredi chuzhih (Georgians of contention. Strangers among their

- own, their own among strangers). Available at: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/04/m78931.htm> (accessed: 30 May 2012); Broers L. Who are the Mingrelians? Language, Identity and Politics in Western Georgia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bonetweb.com/caucasus/KV/OECAUC/mingrelians.pdf> (дата обращения: 30.05.2012).
- ³⁹ См.: Анчабадзе Ю.Д. Новые грани в изучении этнической истории абхазов // Кавказские научные записки. 2010. № 4. С. 230–250. [Anchabadze U.D. Novie grani v izuchenii etnicheskoj istorii abhazov [New faces in the study of the ethnic history of Abkhazians], *Kavkazskie nauchnie zapiski* [Caucasian scientific notes], 2010, no. 4, pp. 230–250.]; Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX веков [Текст]. Сухум, 2010. 356 с. [Achuba T.A. Etnicheskaya istoriya abhazov XIX–XX vekov [Ethnic history of Abkhazians in XIX–XX centuries], Sukhumi, 2010. 356 p.]
- ⁴⁰ Епифанцев А. Национальные окраины Грузии. Условия распада. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22327.htm> (дата обращения: 31.05.2013) [Epifancev A. Nacional'nie okrainy Gruzii. Usloviya raspada. 2 [National margin of Georgia. Conditions of disintegration. 2]. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article22327.htm> (accessed 31 May 2013)].
- ⁴¹ Уитли Дж. Грузия и ЕХРЯЯМ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf (дата обращения: 30.05.2012) [Uitli Dzh. Gruzii i EHRyYaM [Georgia and the Georgia and European Charter for Regional or Minority Languages]. Available at: http://www.ecmcaucasus.org/upload/publications/working_paper_42_rus.pdf (accessed 30 May 2012)].
- ⁴² Джавахишвили Н. Этнорелигиозные стереотипы грузинских студентов // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 107–112 [Dzhavahishvili N. Etnoreligioznye stereotipy gruzinskih studentov [Ethnic and religious stereotypes of Georgian students]. *Sociologicheskie issledovaniya* — Sociologic researches, 2005, no. 3, pp. 107–112].
- ⁴³ Мосаки Н.З. Курды-езиды Грузии: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kurd.ge/2010/04/14/kurdy-ezidy-gruzii-mify-i-realnost/> (дата обращения: 30.05.2012) [Mosaki N.Z. Kurdy-ezidy Gruzii: mify i real'nost' (Yezidi Kurds of Georgia: myths and realities). Available at: <http://www.kurd.ge/2010/04/14/kurdy-ezidy-gruzii-mify-i-realnost/> (accessed 30 May 2012)].
- ⁴⁴ Цулая И. Быть кистинцем: между грузинами и чеченцами [Электронный ресурс]. URL: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (дата обращения: 09.09.2013) [Culaya I. Bit' kistincom: mezdu gruzinami i chechencami [To be kist: between Georgians and Chechens]. Available at: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (accessed 9 September 2013)].
- ⁴⁵ Особенно отличился «абхазский батальон» впоследствии террориста Шамиля Басаева, воевавший на стороне Абхазии. По свидетельству генерала Геннадия Трошева, «басаевских «янычар» отличала бессмысленная жестокость... в окрестностях Тагры лично сам «командующий» руководил карательной акцией по уничтожению беженцев. Несколько тысяч грузин были расстреляны, вырезаны сотни армянских, русских и греческих семей. По рассказам чудом спасшихся очевидцев, бандиты с удовольствием записывали на видео пленку сцены издевательств и изнасилований». См.: Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2002. С. 75. [Troshev G.N. Moya vojna. Chechenskiy dnevnik okopnogo generala [My war. An Chechen diary of the trenches general]. Moscow, Vagrius, 2002. P. 75]. Для сохранения справедливости следует отметить, что абхазы также помнят зверства грузин в ходе Отечественной войны 1992–1993 гг. Символом неадекватности грузин в войне считается уничтожение у села Латы вертолета Ми-8, на борту которого находилось более 80 человек, в том числе беременные женщины и дети.
- ⁴⁶ Ия Цулая делает вывод о подобном паттерне на основании всего лишь 10 глубинных интервью. Вопрос о рациональности экстраполяции этих результатов на такие глобальные общности, как грузины и кистинцы, остается открытым. См.: Цулая И. Быть кистинцем: между грузинами и чеченцами [Электронный ресурс]. URL: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (дата обращения: 09.09.2013) [Culaya I. Bit' kistincom: mezdu gruzinami i chechencami [To be kist: between Georgians and Chechens]. Available at: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (accessed 9 September 2013)].
- ⁴⁷ Банда террориста Руслана Гелаева использовалась официальным Тбилиси в качестве одного из инструментов поддержки представителя президента Шеварднадзе Эмзара Квициани (официального подтверждения этому нет). Банда Гелаева беспрепятственно преодолела около 400 км через всю страну от Панкисского ущелья до Кодорского и обратно. Вероятно, власти Грузии хотели при помощи боевиков установить контроль над Кодорским ущельем.
- ⁴⁸ Токарев А.А. Территориальное развитие постсоветской Грузии: от распадающегося государства к консолидации непотерянных территорий // Сложные пространственные системы и территориальное управление. 2013. № 2. С. 81–94 [Tokarev A.A. Territorialnoe razvitie postsovetsoj Gruzii: ot raspadayushegos'a gosudarstva k konsolidacii nepoter'annih territorij [The territorial development of the postsoviet Georgia: from failing state to consolidation of not lost territories], *Slozhnie prostranstvennie*

sistemi I territorialnoe upravlenie — Complex spatial systems and territorial management, 2013, no. 2, pp. 81-94.]

- ⁴⁹ Цулая И. Быть кистинцем: между грузинами и чеченцами [Электронный ресурс]. URL: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (дата обращения: 09.09.2013) [Culaya I. Bit' kistincem: mezdu gruzinami I chechencami [To be kist: between Georgians and Chechens]. Available at: http://georgien.boell-net.de/downloads/Ia_Tsulaia.pdf (accessed 9 September 2013).]
- ⁵⁰ По одной из версий, грузинский спецназ ликвидировал бандгруппу, включавшую кистинцев, перешедшую через российско-грузинскую границу из соседнего Дагестана. По другой версии, это была провокация, организованная премьер-министром Грузии Мерабишвили и министром обороны Ахалая, чтобы правящая партия «Единое национальное движение» на волне борьбы с терроризмом могла получить дополнительные очки на парламентских выборах в октябре 2012 г.
- ⁵¹ Из интервью автора с Адланом Марговым — кистинцем, студентом МГИМО (У) МИД России.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Генеральная конференция Европейского консорциума политических исследований

4–7 сентября 2013 г. в г. Бордо (Франция) прошла Генеральная конференция Европейского консорциума политических исследований. В мероприятии приняла участие заведующая кафедрой сравнительной политологии, президент Российской ассоциации политической науки О. Гаман-Голутвина.

Европейский консорциум политических исследований — одна из старейших политологических организаций Европы, генеральные конференции которой становятся площадкой презентации теоретико-методологических новаций и представления новейших методик и результатов эмпирических исследований. О. Гаман-Голутвина выступила в качестве руководителя и докладчика на секции «Современные теоретические и эмпирические исследования элит».

*Кафедра сравнительной политологии
МГИМО (У) МИД России*

Евразийский форум развивающихся рынков в Астане

10–11 сентября 2013 г. в Астане (Казахстан) прошел Евразийский форум развивающихся рынков на тему «Евразия в XXI веке: лидерство через обновление». Мероприятие проводилось по инициативе и с участием президента Республики Казахстан Н. Назарбаева.

Заседания Форума развивающихся рынков проводятся в различных странах мира с 2005 г. и предназначены для обмена опытом в целях ускорения экономического роста и социального прогресса развивающихся экономик в условиях глобализации. Событие такого формата впервые проводится на постсоветском пространстве.

С докладами выступили президент Республики Казахстан Н. Назарбаев,

бывший федеральный канцлер Австрии А. Гузенбауэр, экс-президент Польши А. Квасьневский, экс-премьер-министр Италии и 11-й председатель Европейской комиссии Р. Проди, экс-премьер-министр Израиля Э. Ольмерт. Также в мероприятии приняли участие члены парламента и правительства Республики Казахстан, руководители международных организаций, иностранные эксперты, крупные бизнесмены, представители стран региона.

Центральным вопросом повестки дня Форума стало обсуждение евразийской интеграции в ее политическом и экономическом измерениях, а также проблем, перспектив и ограничений этого процесса. Также были рассмотрены вопросы развития политического и экономического сотрудничества, торговли, привлечения инвестиций в страны Евразийского региона.

*Кафедра сравнительной политологии
МГИМО (У) МИД России*

Конференция по направлению «Регионоведение» вузов-партнеров Университета ШЮС

В конце сентября в Даляньском университете иностранных языков состоялась международная конференция «Регионоведение как совместное направление подготовки в рамках Университета Шанхайской организации сотрудничества».

С российской стороны в конференции приняли участие представители МГЛУ и МГИМО. С китайской стороны участвовали представители Министерства образования КНР, Даляньского университета иностранных языков (ДУИЯ), Ланьчжоуского университета, Синьцзянского педагогического университета, Шаньдунского университета, Цзилинского университета, Хэйлунцзянского уни-

верситета, Столичного педагогического университета, Пекинского университета, Цзюончжоуского университета, Северо-Восточного педагогического университета, Университета Цинхуа, Пекинского университета иностранных языков.

Участников конференции приветствовала ректор ДУИЯ, ректор УШОС с китайской стороны профессор Сунь Юйхуа и заместитель начальника департамента по международным обменам и сотрудничеству при Министерстве образования КНР Юй Цзихай. Затем участники конференции обменялись мнениями по поводу тех результатов со-

трудничества, которые уже достигнуты в рамках Университета ШОС по направлению «Регионоведение».

Представители китайских университетов подняли ряд вопросов, связанных с последующей практической реализацией проекта УШОС. В частности, обсуждались задачи обеспечения совместимости магистерских учебных программ в странах ШОС, более четкого административного и технического обеспечения процесса обмена студентами в рамках УШОС и в целом более отлаженного процесса сотрудничества между вузами-партнерами.

Е.В. Колдунова

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебник «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» / под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова (М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2013)

Глубокое понимание основных тенденций современного мирового развития — неотъемлемый элемент подготовки квалифицированного профессионала в области международных отношений и мировой политики. Вместе с тем в современной учебной литературе отсутствуют работы, которые бы помогли студенту в освоении необходимого объема знаний по ключевым направлениям эволюции международной системы¹.

В этой связи появление нового учебника под редакцией Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова — событие положительное и значимое. Он может стать столь необходимым ориентиром не только для студентов, но и для преподавателей при разработке программ по соответствующим курсам магистерского цикла подготовки.

Книга охватывает широкий тематический пласт, связанный как с текущими изменениями международной среды, так и с эволюцией попыток управления этими трансформациями. В этом смысле она отражает реально присутствующий дуализм объективных и субъективных оснований мирового развития. При этом в ней не только дается глубокий разбор тенденций в традиционных областях международных взаимодействий: в сфере политической организации общественных отношений, в вопросах безопасности и экономики. В учебнике существенное внимание уделено проблематике, которая по-прежнему остается недооцененной в российских исследованиях мировой политики. Прежде всего, речь идет о сдвигах в демографической карте ми-

ра, политических последствиях глобальных миграционных потоков, влиянии на международные отношения научно-технологического развития.

Логика формирования книги — от общего к частному — вполне соответствует ее формату и назначению. В первом разделе авторы дают обобщенный портрет современного мира. Во втором — выделяют основные направления изменений в его функциональных подсистемах, в третьей — переходят к подсистемам региональным. Благодаря такому построению учебника удастся отразить многомерность имеющих место трансформаций и преобразований.

К несомненным достоинствам работы стоит отнести четкость и структурированность изложения, которую удалось сохранить на протяжении всего текста. Ключевые понятия ясно определены, аналитические суждения богато проиллюстрированы эмпирическими сведениями. Учебник снабжен удобной системой поиска интересующего материала по ключевым словам и предметному указателю. Информация о дополнительной литературе по отдельным проблемам, рассмотренным в нем, представляется достаточно компактной и при этом всеохватывающей, помогая студентам расширить свои знания.

По достоинству оценивая масштабы проделанной работы, нельзя не остановиться на отдельных недостатках, которых рецензируемое издание не лишено. Они в значительной степени становятся продолжением его достоинств. В частности, для подготовки учебника был привлечен широкий круг высококлассных специалистов, являющихся выдающимися экспертами в своей области. Такой подход к написанию обеспечил книге высокое качество оценок и аналитическую глубину. В то же время в столь большом авторском коллективе

естественным образом возникает рассинхронизация понятийно-категориальной матрицы, носящей не принципиальный, а скорее стилистический характер. В то время как в одних главах чаще можно встретить пассажи о «глобальном управлении», в других говорится о «мирорегулировании»; одни авторы пишут об «информационных технологиях», другие — об «информационно-коммуникационных». Разница в словоупотреблении несколько ослабляет целостность восприятия текста, хотя и не создает серьезных проблем для читателя.

С учетом широты затронутой в учебнике проблематики авторы стояли перед сложной дилеммой распределения имеющегося ограниченного ресурса пространства между различными тематическими блоками. Итоговый компромисс представляется весьма сбалансированным. Вместе с тем хотелось бы, чтобы при освещении тенденций глобального развития большее внимание уделялось эволюции системы политико-правового регулирования международной среды, формированию новых трендов в идеологическом осмыслении мировых процессов, актуальным изменениям в восприятии вопросов безопасности.

Представленные пожелания не отменяют того факта, что резецируемая работа — нужный и ожидаемый труд исключительно высокого научного качества. Представленная в нем панорамная картина международного развития формирует восприятие мироцелостности как сложного и противоречивого, но в то же время абсолютно реального и устойчивого явления. Знакомство с книгой будет полезно не только студентам, но и уже состоявшимся специалистам для расширения представлений о наиболее актуальных новациях в осмыслении современных глобальных процессов.

*А.Д. Воскресенский,
декан факультета политологии
МГИМО (У) МИД России,
профессор, доктор политических наук, PhD*

**Рецензия на книгу Бориса Капустина
«Гражданство и гражданское общество»
(М. : Изд. дом НИУ «Высшая школа
экономики», 2011)**

Редкий, а потому по-настоящему ценный пример качественной работы отечественного политического философа. Фактически сборник, «Гражданство и гражданское общество» выстроено вокруг текста-реплики Бориса Капустина на текст лекции Томаса Маршалла «Гражданство и социальный класс» (входит в книгу в форме приложения) шестидесятилетней давности. Тем не менее, эффектно подхватив нить рассуждений, Б. Капустин рассматривает взаимосвязь, но не тождество политических понятий «гражданство» и «гражданское общество». Вся работа состоит из трех частей: в первой Б. Капустин говорит о теориях гражданства, берущих свое начало вне связи с гражданским обществом, во второй — берет только «эмпирическую» их связь, а уже третья, самая, пожалуй, актуальная, говорит об их связности на всех уровнях.

Б. Капустин рассматривает проблему в отражении в гранях существующей капиталистической «повестки», что избавляет от необходимости примерять (как это часто бывает с другими авторами) его теорию на прокрустово ложе в том числе и российской действительности.

Борис Капустин — один из немногих людей в России, обладающий, с одной стороны, достаточным уровнем академической компетентности, а с другой — имеющий представление и о «фактической» стороне заболтанного фейк-либералами словосочетания «гражданское общество». Капустин конкретизирует объект, не дает ему превратиться в агитационную мантру, делает его более четким, и, даже если не соглашаться с некоторыми его тезисами (хотя стиль «Гражданства...» и не носит провокационный характер, скорее наоборот), учитывать его мнение все-таки рекомендуется.

Цитата: «Гражданина» отличает от «буржуа» именно готовность «добровольно действовать сообща для реализации общего интереса».

Борис Ветерков

Источник: URL: <http://actualcomment.ru/book/684/>

Рецензия на книгу Ли Сина «Яоу чжунсинь дайдай Э-Мэй-Оу боэи Чжунго чжаньлюэ яньцзю» (Исследование «сердцевины» Евразии: «большая игра» России, США и ЕС и стратегия Китая) (Пекин : «Пекинский педагогический университет», 2013)

На протяжении всей истории международных отношений евразийский континент в мировой политике, безусловно, выступает главной пространственной площадкой, на которой происходит взлет и падение великих держав, зарождаются региональные импульсы трансформации международного порядка, разворачивается столкновение и диалог между цивилизациями и иницируются изменения мирового значения.

Евразийский континент, по мнению автора исследования — директора Института международных отношений Пекинского педагогического университета профессора Ли Сина, разделяется на две части: центральную и периферийную. Периферия Евразии в соответствии с его концепцией включает Западную Европу, Восточную Азию и Южную Азию, а к центру Евразии он относит Центральную Азию, Кавказ, Ближний Восток и пространство СНГ. Анализируя евразийские трансформации, автор вводит понятие «геополитическая игра», или «большая игра». Этот термин нередко употреблялся и до сих пор употребляется в англоязычных исторических исследованиях и художественной литературе (самый известный пример — роман Р. Киплинга «Ким»), а оттуда перекочевал в научную и научно-популярную литера-

туру других стран, в частности, и в Китай. В действительности переводимый на русский язык термином «геополитическая игра» (или «большая игра») китайский термин гораздо более многозначен. Дословно в переводе с китайского языка он означает «шахматную партию» — битву интеллектов и шахматных стратегов, что предполагает знание теории и практики китайской стратегической дипломатии. Китайская стратегическая дипломатия — отдельное поле теоретико-практических исследований, популярное в Китае и западных странах и представленное, кроме многих китайских исследователей, двумя крупными исследователями мирового уровня — швейцарским профессором Х. фон Зенгером и русским академиком В.С. Мясниковым. Какие особенности существуют в геополитических играх и битвах стратега между крупными державами на евразийском пространстве? Как Китай в качестве новой растущей силы определяет свое место в будущей евразийской геополитической архитектуре? Эти вопросы уже не раз поднимались в экспертных дискуссиях, но окончательных ответов на них так никто пока и не дал. Книга директора Института международных отношений и Исследовательского центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета Ли Сина приобретает особую актуальность, потому что он представил свои исчерпывающие ответы на эти вопросы.

В книге профессора Ли Сина содержится глубокое изучение современной теории стратегической дипломатии и подробный анализ стратегического взаимодействия между Россией, США и ЕС в центральной части Евразии. В своей книге он представил основные характеристики и принципы китайской евразийской стратегии в обозримой перспективе, так как эта тема традиционно входит в круг научных интересов Исследовательского центра евразийских исследований, который он возглавляет. Книга открывает новый этап комплекс-

ного осмысления отношений между великими державами в контексте новых геополитических изменений в центральной части Евразии. Вице-президент Китайской ассоциации евразийских исследований профессор Фэн Шаолэй в своем предисловии охарактеризовал исследование профессора Ли Сина как «мощное научное достижение автора» в области теоретических и практических исследований в сфере евразийских проблем. И в действительности книга Ли Сина представляет весомый академический труд, который включает не только теоретическое исследование и стратегический анализ, но и прогнозы евразийской стратегии ряда крупных «центров силы» в Евразии.

Книга содержит три раздела. В первом разделе автор предлагает читателю свое видение теоретических парадигм формирования геостратегии России, США, ЕС и Китая. Он не только описывает особенности современных геополитических школ этих четырех мировых «центров силы», но и проводит сравнительный анализ их евразийских стратегий. Как в книге представлен Китай? Автор полагает, что в сегодняшней мировой экономике роль и статус Китая оказываются относительно сложными и иногда даже противоречивыми. Китай, как считает автор, дотянулся до «первого мира», находясь в «третьем мире», однако при этом находится еще и в середине — во «втором мире». Так что Китай, по мнению китайского ученого, очевидно, имеет черты как «третьего мира в первом мире», так и «первого мира в третьем мире». При этом многообразие идентичностей Китая определяет разнообразные национальные интересы этой страны как развивающейся державы. В связи с этим, по мнению автора, Китай не может позволить себе выступать на международной арене как «полноценная развитая держава» или «типичная развивающаяся страна», а предпочитает применять многообразные, гибкие подходы для достижения

реального внешнеполитического успеха на евразийском пространстве.

Во втором разделе рассматриваются три группы взаимоотношений в центральной части евразийского пространства: отношения «Россия — США», «Россия — ЕС» и «США — ЕС». В этом разделе автор излагает историю развития отношений между тремя сторонами в постбиполярной эпохе и дает оценку так называемой «большой игре» между ними в центральной части Евразии. Он анализирует события в Косово (1998—1999), «цветные революции» на постсоветском пространстве, расширение НАТО и ЕС на Восток и другие процессы, происходившие в центральной части Евразии за последнее время. Профессор Ли Син считает, что эти три группы исторических событий проявляют себя совершенно по-разному. Он характеризует эти три группы отношений в центре Евразии следующим образом:

1) *Отношения России и США.* Регионы Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), Центральной Азии и Ближнего Востока составляют главную площадку геополитического соперничества между этими двумя странами. С точки зрения автора представляется очевидным, что после расширения НАТО на Восток американское влияние впервые в истории распространилось на центральную часть евразийского пространства, а США приобрели более выгодное положение в отношениях с Россией на континентальном пространстве Евразии. Именно поэтому, как считает Ли Син, задача выправить невыгодную для России геополитическую ситуацию является одним из главных стратегических приоритетов для администрации В. Путина в последнее десятилетие.

2) *Отношения России и ЕС.* По мнению китайцев, Россия традиционно воспринимается как неотъемлемая часть европейской культуры и цивилизации. Отношения между Россией и ЕС характеризуются как «родственные связи»,

которые имеют глубокие корни и принимают многообразные формы. В соответствии с этим посылом, расширение ЕС на Восток, по мнению Ли Сина, существенно отличается от расширения НАТО: ЕС объективно сокращает сферу экономического влияния России в Европе, но это экономическая конкуренция, а не проблема национальной безопасности, в то время как расширение НАТО непосредственно угрожает национальной безопасности России. В этой связи России и ЕС проще найти компромисс на двустороннем уровне, чем в рамках Совета Россия — НАТО. Кроме того, Россия и ЕС воспринимают друг друга в качестве важных экономических партнеров, особенно в сфере энергетического взаимодействия, что, в конечном счете, смягчает любые возникающие двусторонние трения.

3) *Отношения США и ЕС.* Автор подчеркивает, что США и ЕС — традиционные союзники со времен холодной войны, но в современных условиях между ними возникли разногласия по ряду вопросов (к примеру, по поводу войны с Ираком в 2003 г. и др.). Причина этого кроется в том, что, несмотря на то, что хотя расширение ЕС и НАТО на восток ведется параллельно, в процессах расширения НАТО под эгидой США и ЕС при лидерстве Германии и Франции существуют и элементы соперничества. ЕС по сравнению с США зачастую проявляет более гибкое и конструктивное отношение к России и охотно ведет с ней дискуссию по большему кругу вопросов и на разных уровнях.

В финальных главах третьего раздела книги автор уделяет особое внимание разработке китайской евразийской стратегии. Он дает ответ на вопросы о том, как Китай реагирует на сложившуюся геополитическую обстановку в Евразии, а также как Китай развернет свою игру на геополитической шахматной доске Евразии. Приводя разного рода аргументы, автор подчеркивает, что евразийская

стратегия США направлена на расширение своей сферы влияния «с моря к материку», «из периферийной части Евразии к ее центральной части». Российская евразийская стратегия, однако, как считает Ли Син, осуществляется по другому принципу — «из центра к периферии Евразии», «из ее материковой части к морскому поясу».

Главенствующее направление евразийской стратегии Китая как одновременно морской и континентальной страны заключается в том, что ему необходимо пользоваться представляющимися стратегическими возможностями и «предпринимать некоторые действия» («уьсуо цзовэй» — термин китайской стратегической дипломатии), сбалансировать геометрически «треугольные отношения» с Россией как с континентальной державой и с США как с морской державой, а также избежать противоречий одновременно с континентальной державой (Россия) и с морской державой (США).

При этом Китай будет придерживаться, по мнению автора, следующих основополагающих принципов стратегической дипломатии: 1) поддерживать добрососедские отношения и налаживать продуктивные партнерские связи со странами дальнего зарубежья; 2) продолжать политику балансирования, «скрывать свои способности» («тао гуан ян хуэй») и продолжать политику «предпринимать некоторые действия» («уьсуо цзовэй»); 3) углублять китайско-российское стратегическое взаимодействие и партнерство; 4) усиливать стратегический диалог с США.

Профессор Ли Син сумел очень реалистично и на основе прагматичных построений стратегической дипломатии проанализировать структурную основу отношений между крупными державами (он употребляет термин «даго» — «большие» или «крупные» государства, который не синонимичен термину «великие державы», применяющемуся в англоязычной и русской традиции изучения

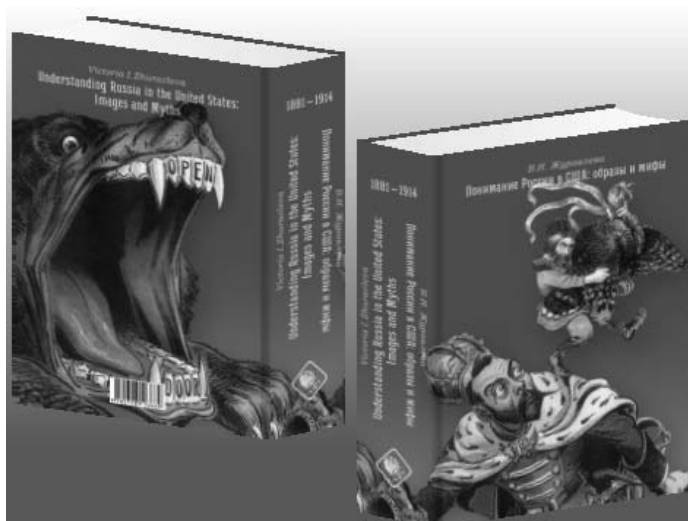
международных отношений) на евразийском пространстве. Свой анализ автор солидно обосновал использованием более трехсот источников на китайском, русском и английском языках, что придало его исследованию научную фундаментальность, в отличие от многих скоропелых популярных «научных поделок» на эту не простую тему. Книгу можно рекомендовать не только профессиональ-

ным исследователям, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами «большой игры» — геополитического соперничества между крупными державами на евразийском пространстве и новой китайской евразийской стратегией. Конечно же, более подробное знакомство с книгой и концепциями автора предполагает знание китайского языка.

А.Д. Воскресенский, Ван Чэньсин

¹ Имеющиеся учебные пособия (Современные глобальные проблемы / под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2009; Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2010; Современные глобальные проблемы / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2010; Современные международные отношения: учебник для вузов / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М. : Аспект Пресс, 2012) дают представление о смежных, но все же отличных предметных полях.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М. : РГГУ, 2012.

Victoria I. Zhuravleva. Understanding Russia in the United States: Images and Myths. 1881–1914. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012

What did Americans consider to be true about Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th century? Why would some images come to the fore and others — remain in the background? Had the growth of information about the Russian Empire and the new “discovery” of this country by Americans during this period been truly contributing to the formation of more adequate ideas about the processes that were under way there? Why had the American myths about Russia and the stereotypes in its perception proved to be so enduring? When and why had the images of Russia created within the American society begun to make rapid inroads into the American foreign policy, shaping the contents and the ideological justification of its

Russian vector? The main purpose of “Understanding Russia in the United States” is to address these and many other related questions.

Each culture has its own image of the “Other” that plays an important role in the interplay of meanings and significations that determine its “I”-concept. Ever since the beginning of the US history, Americans kept looking for “national communities” that could be presented as significant “Others” and formed their

collective identity by superimposing and projecting outwards the images of these “Others.” The present study retraces the process that began at the turn of the 20th century, through which the Russian “Other” was constructed and redefined as the key element of the American identity discourse, so that “demonizing” and “romanticizing” of Russia’s image served to revitalize the American nationalism.

The author strives to describe in a comprehensive manner and at multiple levels the process of how ideas and knowledge about Russia were formed in the United States between 1881 and 1914. This analysis takes into account the American socio-cultural context of that time, the agenda of the observer society as well as the overall patterns of Russian-American relations. The research objectives of this study are: to detect the main sources of American representations of Russia; to determine the factors that influenced the construction of its images at the societal and official levels; and to analyze the repertoires of meanings in different American discourses set by the text about Russia, including their characteristic articulation practices

that shaped and maintained the long-term American myths about Russia and Russians.

The conceptual framework of this study relies heavily on three kinds of context that engendered the American text about Russia and can be better understood through this text. The first one is the socio-cultural context that helps to identify dominant identity markers that were characteristic for the observer society in the long run. The second, short-term context closely related to the first one, is the agenda or the political context — the specific configuration of domestic and foreign policy issues that are important at a given stage of development of the observer society — that explains the mechanisms through which the Russian “Other” is being used. The third and final one is the auxiliary context of Russian-American bilateral relations. In analyzing these interdependent contexts, the author relies not only on the findings of the “linguistic turn” research tradition that places the emphasis on the study of the “Other’s” image in terms of discursive practices (the subjective context), but also on the attention that the advocates of the “cultural turn” drew to the objective contexts that are important for the construction of texts about the “Other.”

It must be noted that, during the period under consideration (with the exception of the 1903-1905 crisis and the abrogation of the 1832 treaty on commerce and navigation in 1911), the interstate interactions remained relatively unaffected by the changes that occurred in the American positioning of Russian image and that the diplomats also attempted to neutralize this influence. Nevertheless, this objective context allows to highlight several important issues. First, there is a correlation between the agenda of Russian-American relations and the perception of Russia, that is, between the “internal” process of identity formation in the United States and the “external” construction of the Russian vector in its foreign policy. Second, the American society elaborated mechanisms for putting pressure on the decision-making process in the realm of foreign

policy, and these pressure mechanisms directly affected the overall character of bilateral relations. Third, it was precisely during this period that the ideological factor became a negative constant in Russian-American relations. However, if ideology is defined as an aggregate of ideas, values, and myths that shape a worldview, then the ideological factor has been present in these bilateral relations ever since their beginning.

Methodologically, “Understanding Russia in the United States” is based both on traditional methods of historical research, used to create the historical narrative, and on the interdisciplinary methodological framework that came to be known as the imagology of international relations. This framework is grounded in the findings of social constructivism, cultural anthropology, and ethnopsychology and is focused on comparative study of background ideas, images, cognitive stereotypes, and myths that operate at the normative level in a given national environment, as well as on the study of communication traditions that are imprinted in the cultural and historical memory of a nation and use the conceptual pair “Self/Other.”

In creating a methodological base for her book, the author relied especially heavily on the work of those scholars who based their studies of identity problems in international relations on the concept of dialogism introduced by Mikhail Bakhtin. This framework posits the existence of the “Other” as a necessary condition for defining the “Self” and includes research on mental geography with an emphasis on the study of mythologization of time and space as well as studies that present the US foreign policy as a field of identity construction and analyze the ideological and cultural dimensions of this policy. The author list for the former current includes such researchers as Tzvetan Todorov, Edward Said, Larry Wolff, and Iver Neumann; the latter current is represented, among other authors, by Emily Rosenberg, Michael Hunt, David Campbell, and Walter Hixson.

Given such a methodological framework, the author does not limit her task to studying

the process of mutual perception through the lens of narrative analysis — a customary tool for describing images of other cultures that allows to assess how different these images are from reality. Rather, she is striving to answer a broader set of questions. Why were Americans imagining Russian reality in a given way and not otherwise? What kinds of discursive practices were used to create an image of Russia and its inhabitants and how malleable was this image? What was the logic of verbal and visual writing used for its construction? Finally, what role did it play in the identity formation of the American society? Hence, we are talking not only about reflection, but also about self-reflection, since the answer to the *why* question is found in the American political and socio-cultural context that engendered these images of other nations.

For these reasons, even though the author does pay attention to the Russian context itself, she is not interested in it for its own sake. There is no doubt that the realities of Russian Empire's development influenced the evolution of its images and sustained the long-term myths about it on the other side of the Atlantic: any myth that emerges and is capable of reproduction needs to have some grounding in real events and phenomena. Nonetheless, for the purposes of imagological analysis, the first and foremost concern is the motivation that stood behind the interpretations of this reality and determined which of its characteristics were emphasized and which — marginalized. The book shows that, at the turn of the twentieth century, the collective American conscience had formed images of Russia that correlated with the national and foreign policy interests of the American society and with the socio-cultural traditions of its development. These correlations determined the hierarchy of Russia's images, giving some of them central roles and delegating others to the periphery. Focusing the analysis on the central images allows the author to detect long-lived perception trends that emerged in the 19th century and have remained important up to the beginning of the 21st.

The American discourses about Russia form the substantive content of this book. The author follows Michel Foucault's definition of discourse as an aggregate of statements that form part of a single system, while not forgetting about dialogism that is inherent to the fundamental discourse structures. She is also conscious of the fact that this discourse is based on a theme (in this case, a text about Russia), a repertoire of meanings (ideas and images, metaphors and concepts articulated within a discourse), to which the discourse participants refer, consciously or unconsciously, as well as on a structure of oppositions. In the case of Russia, the relevant oppositions are the dichotomous models, such as the West — Asia/the Orient, Civilization-Barbarism, Modernity-Medievalism, Freedom-Slavery, the ethical dichotomy of Good and Evil and the Manichean duality of Light and Darkness. In addition, one has to include the conceptual dichotomies shaped by the agenda of the American society: Russian anti-Semitism versus American racism, Russian peasants versus Afro-Americans and Native Americans, the American policy of "open doors" in China versus "closed doors" for the Chinese immigrants in the United States, the "Manchuria question" in Russia versus the "Panama question" in the US, etc. Some of these dichotomies refer to personalities, for example, the contrast between the Russian Tsars and the US Presidents.

The author sees the discourse as an umbrella concept that includes both the macro-discourse — the text about Russia that existed within the American socio-cultural context — and its individual components, or micro-discourses: the liberal-universalist (optimistic), the Russo-phile, the conservative-pessimist (Russo-phobe), and the radical. Each one of these micro-discourses comes with its own vision of the Russian national character, the modernization prospects of the Russian Empire, the construction of a "romantic" or a "demonic" image of the Russian "Other," the set of mythologems and articulation practices.

“Understanding Russia in the United States” is based on a wide variety of secondary sources that include, apart from subject- and theme-specific bibliographies, the classic general texts on the history of bilateral relations of such masters of American historiography as William Williams (“American-Russian Relations 1781-1947,” 1952), Thomas Bailey (“America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day,” 1950), and John Gaddis (“Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History,” 1990).

On the one hand, the “revisionist” William Williams and the “realist” John Gaddis almost never consider the problem of mutual perception as a separate theme. Hence, Williams explains the changes in the way Russian image was positioned in the US with references to economic factors, and Gaddis — with references to the “Russian context” and to the growing availability of information. Besides, John Gaddis reduces Russian-American relations mainly to the interstate interactions and sees them through the lens of mutually shaping interests and ideologies in each country’s foreign policy. By interests he means the conditions that a nation-state needs in order to preserve its status and authority in the world, and by ideology — the justification that the nation-state gives for exercising this authority. The author of this book considers such an interpretation of ideology to be too narrow and restricting for the task of studying Russian-American relations from a broader, interdisciplinary perspective. For this reason, she defines ideology as the system of ideas and values that determines how a society perceives itself, the rest of the world, and its place in the world through the aggregate of myths about itself that arise from the matrix of national cultural symbols.

On the other hand, Thomas Bailey’s book about the evolution of ideas about the Russian Empire and the Soviet Russia in the United States is a high-quality research text that is written from a completely nationalist perspective. Thomas Bailey belonged to

the conservative camp of the American foreign policy historiographers, and the purpose of his book, written at the beginning of the Cold War, was to denounce the autocratic state power in Russia in all its forms — from the Tsarist to the Bolshevik, and to highlight the efforts of successive presidential administrations and of the American society to defend the ideals of freedom and democracy, for which the Russian people fought, yearning for help from the other side of the Atlantic. Bailey’s study is structured around two oppositions — “Civilization vs. Barbarism”, “Freedom vs. Slavery” — and puts great emphasis on the fundamental role that the public opinion played in shaping the course of the US foreign policy. Furthermore, it draws multiple parallels between the Tsarist and the Bolshevik regimes that in Bailey’s opinion were equally despotic, deceitful, masterful in the art of window dressing, and imbued with the spirit of Orientalism. In his search for causal mechanisms behind the changing perception of Russia, Bailey refers exclusively to the Russian / Soviet context and does not consider the American socio-cultural context at all as a possible source of explanations.

However, Bailey’s study cannot be ignored for at least two important reasons. First, it is based on an extremely wide variety of American primary sources, including political cartoons, and provides many valuable insights. Second, together with many other research texts on this topic that were produced in the US in the second half of the 20th century, this work itself becomes an important source for the study of images in international relations, since Bailey’s conception fits well into the universe of long-term American myths about Russia and into the process of using the Russian “Other” to justify the supremacy of the American “Self” and the American right to reform the world.

A work that does not belong to the core literature on Russian-American relations, but is of great importance for the methodological approach of this book is the general text authored by Martin Malia (“Russia under Western Eyes. From the Bronze Horse-

men to the Lenin Mausoleum,” 2000) that captivates the reader by intellectual epiphanies, bold generalizations, logic, and clarity of presentation. This study has a special place in a series of American scholarly works that examine the long-lived evolution of Western representations of Russia, since it presents a critical analysis of concepts, evaluations, and interpretations proposed by Western scholars who thought about Russia and Russians. Malia’s main argument is that Europe does not exist and has never existed as a homogeneous cultural whole opposed to Russia and that Europe must be studied as an aggregate of “special paths” (including “the Russian path”) that form a descending ladder from the shores of the Atlantic to the foot of the Ural Mountains. Thus, Russia’s never-ending race to catch up with the most progressive nations of the world has to be seen as the factor that determines its development trajectory. This explanatory framework undoubtedly belongs to the liberal-universalist discourse whose origins go back to the turn of the 20th century and are examined in the main body of the present study.

The substantive framework and the story lines of “Understanding Russia in the United States” have been shaped by the books of three authoritative American scholars: David Foglesong (“The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» since 1881,” 2007), David Engerman (“Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development,” 2003), and Norman Saul (“Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867-1914,” 1996).

The first two authors focus on the study of the long-term evolution of particular components of Russia’s image in the United States after the 1917. Yet neither of these two historians saw his research objective as the study of the entire aggregate of Russia’s dominant images through a comprehensive analysis of the American socio-cultural context, the agenda of the American society, and of the overall patterns of Russian-American relations during a given period.

The author of this book has a special affinity to David Foglesong’s explanatory scheme that broadens our ideas about the mechanisms through which romantic and demonic images of the Russian “Other” were created and reproduced and about the political, economic, cultural, and religious dimensions of the “new messianic idea” that was linked to the perception of Russia’s prospects for renewal and became a projection of the US domestic political situation. This intellectual affinity has resulted in many years of collaboration and several joint publications on the history of Russian-American relations with an emphasis on their socio-cultural dimension and on a broad interpretation of the concept of ideology. The conceptual framework of this book expands, deepens, and elaborates on Foglesong’s scheme by drawing upon additional source materials, explanatory models, and synthetic analysis of different perception levels relevant for its focus period (1881-1914).

According to David Engerman, the most important factors that have been influencing the perception of Russia in the United States since the 19th century are: stereotypes related to the ideas about the Russian national character, growing levels of enthusiasm about the progress of Russia’s modernization, and the growing professionalism of those who studied Russia from the other side of the Atlantic. However, Engerman does not consider alternative, competing images of Russia in American society that can also be discerned in the actions and writings of the American intellectuals that are the object of his masterful study.

It is hard to overestimate the importance of Norman Saul’s monograph on the history of Russian-American relations between 1867 and 1914, the second volume in the series of his texts that covers the period from the late 18th century to 1941. In this work, Saul has brought to light a multitude of primary sources, and his historical narrative is of the highest quality. Yet, this neopositivist “encyclopedia of bilateral relations,” with its mosaic-like structure and an overwhelm-

ing number of characters and events, cannot be considered an imagological study. In explaining the changes that occurred in the American perception of Russia, Saul referred primarily to the Russian context and tended to create an impression that positive factors dominated in the positioning of Russia's image, while paying particular attention to "the Jewish question" in his analysis of the negative factors. However, Saul set himself a different task and has accomplished it brilliantly. He has produced a high-quality historical narrative and a work of fundamental importance that creates attractive prospects for further interdisciplinary studies of Russian-American relations in the period between the sale of Alaska and the First World War.

Since "Understanding Russia in the United States" has a more complex research methodology that includes the study of the socio-cultural context, the political agenda of the American society, and the overall process of positioning Russia's image, the author had to radically change her approach to the structuring of the historical narrative, to make the story lines more complex, and to integrate the American sources already used by Norman Saul into other explanatory frameworks and thus to interpret them differently.

This monograph draws heavily on the works of Russian researchers, such as Edward Ya. Batalov, Ivan I. Kurilla, Victor L. Malkov, Alexander Etkind, and Vladimir O. Rukavishnikov who studied different periods in the history of bilateral relations and focused on their socio-cultural dimension and on the problem of mutual perception.

Chronologically, the coverage of this book begins in 1881, with the onset of a new period of political reaction in Russia. This period coincided with certain changes within the American society and in the overall system of international relations that induced the former to reconsider "the equation of Russian-American friendship" and the image of the Russian Empire as a different, but friendly country. The analysis ends in the 1914, with the start of the First World War

that marked the beginning of a rapprochement between the two countries and placed the need for better mutual knowledge and understanding on the agenda of the Russian-American relations.

This study analyzes a wealth of primary materials from Russian and American archives and libraries. The author has collected data from diplomatic and private correspondence, memoirs, diaries, travelogues, tourist guidebooks (including the first ones that were published in the US specifically for travelers to the Russian Empire), pamphlets, American textbooks on world and European history, and fiction. Most of the documents on which this work is based are unpublished and make their first appearance in the scholarly literature. The author also offers her own interpretations of previously studied sources.

Among this multitude of primary sources, American press materials have a place apart. These include verbal texts and political cartoons from newspapers, magazines, and journals of different political and party orientations and from different states and regions of the country. It is important to note that the political cartoons are used in this study as a source of primary evidence with very particular characteristics, and not simply as illustrations.

Such a comprehensive set of sources allows the author to present the relationship between Russia and the United States as a multi-tiered phenomenon, to analyze different facets of perception, and to reconstruct in their full complexity the American discourses set by the text about Russia. It also enables the author to give her narrative a human dimension by including historical figures of all hues, famous and little known, key actors and secondary characters.

Structurally, "Understanding Russia in the United States" is divided into *three main parts* that correspond to the main chronological subperiods within the narrative. Each part is structured according to the political, economic, and cultural aspects of Russian-American relations that were especially relevant to the transformation of ideas about

Russia in the United States during that sub-period. Each part has an *Introduction* that contains an overall description of the diplomatic context, the American socio-cultural context, and the agenda of the American society. This approach allows to examine the relative importance of internal and external factors in the positioning of Russia's images and to trace the connections between the "internal" process of identity formation and the US foreign policy. It also enables the author to evaluate the extent to which the changes in the perception of Russian Empire and its inhabitants influenced the foreign policy rhetoric of Washington policymakers and their propensity to use the Russian "Other" for the construction of the American "Self". Finally, it makes possible to assess how strongly these transnational images, myths, and perception stereotypes affected the general environment of Russian-American relations.

Conclusions to the parts also have important substantive content. Apart from drawing generalizations about the material presented in the chapters, their purpose is to shift the discussion from individual discourses that were constructed by intellectuals in a broad sense of this term to the level of everyday conscience. They integrate the mosaic of images, personal impressions, individual and collective representations that arises from the aggregate of primary sources into a single perception picture. Thus, we can detect permanent and temporary components of ideas about Russia, the reasons for which they turn into stereotypes, and the mechanisms through which the Russian "Other" become integrated into the American identity discourse.

Part One covers the last two decades of the 19th century — a transitional period in the history of the construction of Russia's image in the US. It analyzes the basic trends in American representations of Russia and shows how a dichotomous vision of Russia first began to emerge at the societal level, while "the equation of Russian-American friendship," pluralist perception and cooper-

ative orientations were still maintained at the interstate level of relations.

This part of the book opens with the analysis of the role that the Jewish question played in the formation of ideas about Russia in the United States. The American movement against the discrimination of Russian Jews was related to the domestic immigration issue and to the process of identity formation in the US itself and thus became the prologue and then an important complement to the first stage of the American "crusade" for the cause of Russian freedom. Journalists, religious leaders, businessmen, congressmen, and politicians who criticized the discriminatory policies during the reign of Alexander III have made an important contribution to the elaboration of the rhetorical devices that spread through the American society as the "demonic" image of Russia was being positioned and to the shaping of the messianic rhetoric of the "friends of Russian freedom" movement in the United States (Chapter 1). Its participants developed their own vision of modernization prospects for the Russian Empire, as they "demonized" its political regime and kept their faith in that the Russian national character was but a product of despotism and arbitrary power, so that, given the right conditions, the Russian people would be capable to overcome their peculiarity and backwardness and to join the universal process of modernization (Chapter 2). The charitable campaign organized in the US during the Russian famine of 1891-1892 was an unprecedented event in the history of US-Russian relations that made evident the social demand for these new representations that entered in direct competition with the old image of a different, but friendly country. At the same time, as Americans became acquainted with the reality of the "famished Russia," these events became an important marker of the country's backwardness (Chapter 3).

In this manner the Americans had "discovered" Russia to be an empire of despotism and arbitrary power, of ethnic and religious discrimination and repeated famines,

of backward peasantry and Westernized intelligentsia, ready to offer its life on the altar of Russian Freedom. This learning process led to discussions about the Russian national character and the peculiarities of the Orthodox civilization, and to arguments about “the ignorant people” waiting for help from the other side of the ocean and the prospects of creating “the United States of Russia”. This “Russian mirror” turned out to be of great convenience, because, as Americans looked into it in times of troubles and stock-taking, they pushed aside their own fears, doubts, and problems and gained confidence in their right to act as global reformers. Reforms abroad were thus seen either as a continuation of the reforms at home or as a justification for their absence.

Yet at the same time, a different Russia was being discovered by the United States: the liberal-universalist (“crusader”) interpretation coexisted with the Russophile vision. Moreover, in the middle of the 1890s, the Russophiles gained a definitive victory over the “crusaders.” Russophiles recognized that the Russians had the right to be different, saw the ruler and the people as a unified whole, talked about the compassionate paternalism of the Russian autocratic state and the slow rates of modernization, and thus constructed its “Orientalist” image without becoming dye-hard Orientalists themselves. Russophiles contributed to the emergence of Russian studies as an academic discipline in the US and inculcated in their compatriots a taste for Russian literature, music, and paintings during the period when Russia was turning into a real exporter of cultural values. This process was neither unambiguous nor always conducive to a better understanding of the Russian Empire. Nevertheless, it added much nuance and complexity to the American ideas about Russia and eroded simplistic perception schemes (Chapter 4).

The construction of the Trans-Siberian Railway and the onset of industrialization were read as unequivocal signs of Russia’s progress, and this encouraged a search for similarities in the development trajec-

ries of the two countries while some began to see Russia as an attractive international partner. The lucrative prospects of entering Russian markets both weakened negative perception trends and gave additional weight to the idea that the Russian Empire was one of the main objects for the US mission of world commercialization and Americanization. All the more so, since the Hague peace initiative advanced by Nicholas II and the early years of his reign seemed to justify hopes of future political renovation (Chapter 5).

At the same time, as the conflict in the Far East went escalating over the last years of the 19th century, a conservative discourse acquired its definitive shape in the American society. This discourse was characterized by the myth of “Immutable Rus” (*Izvechnaya Rus*), the inclination to “demonize” the Russian national character and to deny Russia the right to a civilizing mission in East Asia. It is precisely during these years that the image of Russia as a hostile “Other” that presented a threat to the American interests made its first appearance.

One of the main conclusions for Part One is that, during the two last decades of the 19th century, Americans could learn about Russia through both direct and indirect information channels that were infinitely broader than those available during the preceding period. Yet, although ideas about Russia became much more complex and several competing images were present in American representations, the reliance on stereotypes had not diminished, as new stereotypes came to coexist with the old ones.

The author draws the reader’s attention to three important caveats that must be taken into account in the analysis of the American observers’ evaluations and opinions. First of all, travelers’ perception of Russia were greatly shaped by the conditions that they faced upon their entry into Russia, the purpose of the journey, worldviews, individual capacity to select information, and the flexibility of their thinking. It must be noted that the latter three factors are equally important not only for first-hand Amer-

ican observers of Russia but also for those who never went there. Second, the propagation of myths and stereotypes was fostered by the fact that the majority of those who wrote about Russia were not professional scholars, but journalists, political and religious leaders, entrepreneurs, and literary critics. The third point, closely linked to the previous two, is that writings about Russia vary greatly according to their authors' ability to avoid one-dimensional vision and to accept a complex image, to pay attention to the dynamics of changes that were under way in Russia, and to see its many faces. Thus, one has to ask about each American observer what facet of Russian reality attracted his attention and got reflected in his writing — modernization, urbanization, economic revival, colonization of Siberia, or the political, agrarian, and social backwardness, famines and epidemics. The accounts vary widely depending on which traits of the national character were emphasized and how these traits were related to the prospects of modernizing this enormous country.

The development of a sophisticated and multifaceted perception of Russia in the US was inhibited by the negative attitude of British channels of information that was due to the strained Russian-British relations and was repeatedly mentioned by the Russian diplomats stationed in the United States. This fact did not escape the attention of American Russophiles who felt the need to study Russia seriously and advocated for the accreditation of American correspondents in Saint-Petersburg. It was also highlighted by the journalists who made it their goal to disentangle the bundle of perception stereotypes that formed on the other side of the Atlantic. The significance of this factor increased in the early 20th century, as Great Britain and the United States grew closer and the latter felt a pressing need to revise the image of Russia as a “historical friend of the US.”

Nevertheless, the author sees the main causes of the transformation of Russian image in the fact that the Russian “Oth-

er” had turned into a significant reference for the construction of American identity and, therefore, in the agenda changes of the American society itself and in the evolution of its ideology. These were the contexts into which policy-makers fit their actions and society — its understanding of these actions.

At the end of the 19th century, the agendas of Russian and American societies still left ample opportunities for encountering similarities, although the list of these similarities was obviously different from what it was during the previous period. Analogies were made between racial segregation in the US and discrimination of national minorities in the Russian Empire; between the “exclusion acts” against Jews in Russia and against Chinese immigrants in the United States; between former slaves and the Russian “dark people” (*tyomny liud*); and, finally, between the problem of the Russian peasants living on communal lands and the tribal landholdings of Native Americans. Besides, in the second half of the 1890s, the image of Siberia as a place of exile competed with an equally compelling image of Siberia as the Russian equivalent of the American West, since the difficulties of daily life in Siberia were similar to those that existed west of the Mississippi and so Russian and American colonists lived and acted alike. Finally, the tendency to draw parallels between American and Russian policies of territorial expansion was maintained in the American discourse about Russia. For example, analogies were made between the Russian endeavors to establish control over the Black Sea and the Straits and the American actions in the Panama Canal Zone; between the messianic enthusiasm of the Russians during the Eastern Crisis of 1875–1878 and that of the Americans during the 1898 Spanish–American War.

Therefore, Russia's image evolved not because similarities in the agenda of the two societies had disappeared, as Ivan Kurilla argues. Instead, the causes of this evolution are to be found in the ways that the parallels between the two societies were used in American representations. At the end of the 19th

century, the process of drawing analogies to Russia's development trajectory helped the citizens of the United States to keep the faith in its special status and in its right to promote democracy in the entire world. It was precisely under these conditions that the Russian "Other" became the significant one in the construction of the American "Self." Thus, the attitude toward Russia that had not previously played any role in the maintenance of the myth of American exceptionalism was now becoming crucial for the revitalization of this myth.

The author's key conclusion is that during the last two decades of the 19th century competing images of Russia interacted in a very complex manner and fit into different American discourses set by the text about this country. This situation had not led to serious investigations about Russia, although the need for such investigations was being felt, as the study of the US history was becoming more professionalized. Instead, it prompted the invention of its mental images that could fit well into the American context and laid the foundation for a dichotomous vision of the processes that went on in Russia. The creation of competing images was an important phenomenon in its own right, because it only became possible due to the growing availability of information about Russia and the continuing willingness to get to know another country better. Yet, although the new discovery of Russia did encourage the creation of these competing images, it did not lead to a better understanding of this country. Moreover, sometimes it brought about the "demonization" of Russia and facilitated the integration of the ideological factor into Russian-American relations.

However, until the beginning of the 20th century, a friendly *status quo* was maintained at the inter-state level, so that neither the American "crusade" for Russia's freedom, nor the campaigning of the Jewish lobby, nor the Russophobes' deliberations about the Russian national character influenced the foreign policy of the Washington administration, while the American society maintained

a pluralistic vision of Russia and the willingness to learn about different facets of Russian reality.

Part Two is dedicated to the first crisis in the history of Russian-American relations and guides the reader through the environment of ideological and geopolitical conflict that began to develop in 1902 and reached its climax in 1903-1905. Its three principal facets were the Kishinev pogrom, the Russian-Japanese War, and the Russian Revolution of 1905. The imagological background for this crisis was shaped by fears of Russia's expansion in the Far East and a wholesale revision of Russia's image as the "historical friend of the United States," by the American perception of Japan as the "Yankee of the East" and the emphasis that was placed on hostile Orientalism as the essential feature of Russian civilization, by the Americans' hopes for the liberalization of the Russian Empire and believe in their own responsibility for this process.

According to John Gaddis, the changes that occurred in the American perception of Russia between 1875 and 1895 indicate that the period of friendly relations that lasted most of the 19th century was coming to its end. By contrast, *Part Two* of this book demonstrates that the real shifts in the positioning of Russia's image in the US, the stressing of the conflict component in the bilateral relations and a fundamental revision of "the history of Russian American friendship" all came at a later time. Chapter 1 shows that this process started to intensify in 1901-1902. However, pluralism of the images and a real conflict of representations endured until 1903.

Chapter 2 shows that the onset of the Russo-Japanese War made serious corrections both in the formulation of the Russian vector of the US foreign policy and in the process of its perception at the other side of the Atlantic. It has to be noted that the expansionist ambitions of *both* countries contributed to the escalation of the Russian-American conflict in the Far East, with the exception of 1903 when the Russian "new course" in this region turned into a kind of

provocation. Yet, the “war of images” against the Russian Empire was provoked directly by the United States, which turned this country into Japan’s moral ally.

A further integration of the ideological factor into Russian-American relations and the use of the Russian “Other” as the significant one in the construction of American identity discourse was fostered not only by the Russo-Japanese War, but also by the Revolution of 1905-1907. This transformed the US foreign policy into a vital sphere where national identity was redefined and reaffirmed (Chapter 3). The formation of persistent American myths about Russia was catalyzed by oscillations between the “romantic” image of the Russian people ready to create the “United States of Russia” and the ideas about the “Immutable Rus” and between demonization of Russian government and the construction of the image of a strong ruler, capable to reign in the anarchy and to facilitate the process of gradual renewal of a country that remained alien and incomprehensible to the West. Real events did feed these myths and facilitate their reproduction. Yet, these myths were also products of the cognitive schemes dictated by the socio-cultural system of coordinates of the American society, the agenda of its development, and the eagerness to use the “Russian card” in the domestic political game.

A “demonic” image of the official Russia that took roots within both the liberal-universalist and the conservative discourses came to occupy the front stage in the American representations. The elements of this image included, on the one hand, criticisms of despotic and arbitrary power, policies of discrimination and russification, and of the aggressive character of Russia’s expansion in the Far East, which threatened America’s “open doors” policy in China. On the other hand, this image was shaped by the growing levels of immigration of ethnic and religious minorities into the US and the ensuing “visa scandal” and of economic competition that threatened trade interests of the American entrepreneurs.

The alternative vision was provided by the “romantic” representation of the Russian people led by the liberals and ready for a Western-style revolution that would place it on the road to progress already walked by the United States and other world leaders. This version of the “romantic” image entered into the repertoire of meanings of the liberal-universalist discourse and coexisted with a distinct version created through the efforts of the American Left, including the “gentlemen-Socialists.” These actors participated in the creation of the radical discourse that insisted on Russia’s special role in promoting ideals of equality and drew inspiration for the revival and development of the American Socialism from the experience of the Russian social revolution.

In the end, during the first crisis in bilateral relations the voices of “realists” who called for a nuanced vision of a many-faced Russian Empire were drowned by the choir of “pessimists” and “optimists,” while the conflict of representations and the plurality of images were replaced by dichotomies. Moreover, the crisis period of 1903-1905 contributed both to the defeat of the Russophiles at the hands of the “crusaders” and to the eventual victory of conservatives over liberal-universalists.

The consolidation of a dichotomous vision of Russia’s development was facilitated by a significant increase in the spreading of information about Russia in the American society, especially through the press. Stories about the Russian Empire, its foreign policy and its domestic political situation flooded the pages of newspapers and magazines and turned into front-page news.

1903-1905 was the first occasion when the American press had launched an “war of images” against Russia. Although there was no military conflict between Russia and the US, both United States and Japan had violated the rules of peaceful image interaction between countries — a situation when one nation creates its own image of another, and this image, although not always very adequate and veracious, is not used for hostile

purposes. The prevalence of British channels of information, the success of Japan's propaganda campaign in the United States, and the hunt for news sensations were the chief reasons for the fact that misinformation became one of the key weapons in this war. A galaxy of talented newspaper cartoonists made a tangible contribution to the American "war of images" by turning into pictures the "demonic" image of the official Russia that suited Washington policy-makers. By highlighting oppositions such as Darkness-Light, the Orient — the West, Barbarism-Civilization, they strengthened the simplistic notions of what went on in Russia and helped to place Russia in the role of the essential "Other" in the American identity discourse.

The author comes to the conclusion that the overall effect of the American political cartoons both during the period of Russo-Japanese War and during the 1905 Revolution was to provide a distorting mirror that reflected simplistic ideas about Russia (while in verbal texts its image remained much more nuanced). These ideas could be well expressed in the grotesque and symbolic language that is so characteristic of a cartoon. They included the image of the "Empire of Darkness and Barbarism" that had fallen hopelessly behind the progressive countries in terms of its political and military development. They depicted a nation that was a prison for political dissidents and members of religious and ethnic minorities — an image that was propagated by George Kennan and "the friends of Russian freedom." They presented "demonic" image of its ruler as the Evil incarnate and "romantic" vision of its people and fostered the idea that Americans were not simply observers, but mentors and teachers.

American cartoonists undoubtedly belonged to a distinct socio-cultural and political environment, and this affected by their perception angle, the information they chose to present, and the manner of its representation together with the political stance and purposes of the periodicals to which they contributed and individual pictorial lan-

guage. At the same time cartoonists worked under the influence of images that were propagated by champions of different American discourses about Russia and of their own ideas about the subject. Besides, the events that were under way in the Russian Empire were truly dramatic and bloody and its defeat at the hands of Japan was so devastating that all of this created real grounds for criticism. However, reasons must also be given for their blatant lies and fabrications, for the omission of the positive side of the picture and the hyperbolization of the negative one. These reasons are found in the rules of the "war of images" that, in the author's opinion, Russia had lost both to the US and to Japan.

Yet, this "war of images" left a very curious and long-lasting heritage. As John Dower has demonstrated in his brilliant study, during the Second World War, the American cartoonists used the very same pictorial devices for portraying the Japanese that can be found in the Russian *lubki* from the times of the Russo-Japanese war: the Japanese appear as yellow-faced primates, parasitic beings that are barely human. One can also draw clear parallels between the central symbols of Japanese backstabbing: Port Arthur for Russians and Pearl Harbor for Americans. But in 1905 all of this was still a matter of the future. Meanwhile, all the laurel wreaths went to the agile and modern "Japanese David," this "Yankee of the East" that seemed to defend the principles so dear for the Americans and that entered a war with a clumsy and backward "Russian Goliath".

From this time on, the "David versus Goliath" metaphor has held a special place in the arsenal of rhetorical devices that the US has used when referring to the imperial ambitions of authoritarian Russia, ever ready to attack smaller, but more progressive states. To date, the most recent use of this metaphor occurred in the summer of 2008, when it appeared in the American press and on Internet-sites in reference to the Georgian-Ossetian conflict. During this last "war of images", the role of David fell to the "small democratic Georgia" that suffered the ag-

gression of the “Russian Goliath — the authoritarian post-Soviet Russia.”

One of the most important consequences of the 1903-1905 “war of images” was that the Tsarist government became conscious of the role that the American public opinion played in the US foreign policy in general and in the construction of its Russian vector in particular. The evidence for this growing awareness can be found in the discourses of Russian statesmen published by the American press, in the “public relations” efforts undertaken by the Russian Embassy, and also in the way that Melville Stone, the head of the “Associated Press,” had been received in Russia and by its Emperor. The end result of it all was that the Russian authorities uncensored the writings of journalists accredited in the Russian Empire not only by the “Associated Press,” but also by other foreign news agencies.

Part Two of the book pays particular attention to the role of the Russian “Other” in the analysis of the domestic and foreign policy agenda of the American society. This phenomenon became reflected in the deliberations of members of the political and intellectual establishment, public and religious leaders, journalists and political writers, as well as in the drawings of the editorial cartoonists. Parallels between Russia and the US were drawn not only in order to criticize Russia or the domestic political situation in the US and its policy of double standards, but also in order to demonstrate that the United States, in spite of its imperfections and social conflicts, remained a bastion of freedom and democracy in comparison to the Russian Empire.

First of all, deliberations about the nature of Russia’s imperialist policy formed part of the socio-political controversies within the US about the change of its foreign policy course and the debates between the anti-imperialists and the advocates of transforming the US into a world power. This context made comparable the actions of the Russian Empire in Manchuria and the US actions in the region of the Panama Canal

Zone. Some were of the opinion that in both cases the governments had spent huge sums of money and thus had the right to defend their property; thus Russia’s “Asian doctrine” was compared to the Monroe doctrine in the US. Russophiles went even further and tried to westernize Russian imperialism in Turkestan and Manchuria, drawing analogies not only to the US policy in the Western hemisphere, but also to the actions of the European powers: Great Britain in Egypt and Sudan and France in Algiers. This idea was at one time voiced by Archibald Coolidge. Others, by contrast, depicted the Russian Empire as the “dark twin” of the United States, arguing that Washington’s “civilizing imperialism” could never be compared to the “barbaric imperialism” of Saint-Petersburg. Still others drew the sign of equality between Russian and American varieties of imperialism in order to criticize the latter. These anti-imperialists compared the US policy towards the Philippines to the Russian policy in Finland in order to highlight the double standards and the negative characteristics of the former.

Second, the problem of anti-Semitism in the Russian Empire resembled the racism issue in the US. The search for analogies between the Jewish *pogroms* and the lynching of African Americans and the state policies towards these two ethnic groups turned into a very common communicative strategy. The critics of racism in the United States compared the “Jim Crow laws” with Russian anti-Jewish laws, drunken White Americans who lynched Black Americans with vodka-intoxicated Russian peasants killing Russian Jews. Atlanta, the site of an especially cruel African American *pogrom*, was compared to Kishinev. Quite understandably, these kinds of analogies were faithfully reproduced by the official and semi-official Russian press and eagerly used by the Tsarist government and its diplomats every time when the US seemed ready to intervene into the solution of the “Jewish question” in Russia. At the same time, quite a few others used Russia as the “dark twin” of the US and insisted that the Jewish *pogroms* in Russia were

infinitely worse than the ones against African Americans. At the other extreme of the social spectrum, some white Southerners made use of Pleve's murder in Russia in order to show that lynch trials could at times be justified.

The plight of the Russian Jews also served as a reference point for the discussions about Native Americans, who were often declared to be more oppressed than even the Jews in Russia. Besides, the discriminatory laws against the Jews were likened to the laws against the Chinese immigrants, and this critique of the American anti-immigration measures was complemented with the opposition "open doors in China — closed doors in the US."

Third, mass disturbances in the Russian Empire during the 1905 Revolution were compared to the social unrest in the US, especially to the events in Chicago, the city that became the center of the workers' movement and the site of a powerful strike in May 1905 that was marked by bloody clashes with the police. American Russophiles pointed to the social unrest in Chicago in order to highlight that the Americans who criticized Russians would do well to pay more attention to the events at home. Meanwhile, the conservative press had appropriated the image of "Russian nihilist bomb-throwers" as the symbol of the hostile "Other" and used it in their critique of political radicalism in the US in order to show that this phenomenon was completely alien to the American model of development and was brought in by immigrants.

Fourth, Russia's image was used on a broader scale as a negative marker in the discussions of the sour points of domestic political development, as the American society was going through a period of racial confrontations, social unrest, and ideological disenchantments. Thus, the Grand Dukes of Russia were mentioned in critiques of political bossism, the captains of the US industry were called Siberian wolves, despots, and bloody autocrats of the monopolist world, who lived in luxury and sent their "personal Cossacks" to disperse workers' strikes. Life in the slums of Boston and New York was said to be no

better than the existence in miserable huts and hovels in the Tsar's domain, etc.

Fifth, the Revolution of 1905 provided a new mold for the analogy between the abolition of slavery in the US and the end of serfdom in Russia that was commonly used on both sides of the Atlantic and had a tradition of growing stronger whenever the bilateral relations became closer. The opposition Freedom-Slavery that was already integrated into the American discourse about Russia thanks to the efforts of the participants in the first "crusade" for the cause of Russian freedom now acquired new overtones. The image of Abraham Lincoln was thus established as a firm reference for all occasions when Americans had to form an idea about the current figure that "liberated the Russian people from the shackles of political and spiritual slavery," be it Sergei Witte in 1905, Pavel Miliukov in 1917, Alexander Solzhenitsyn in 1974, or Boris Yeltsin in 1991.

Such was the context for the crystallization of the long-term American myths about Russia that have not lost their importance until our days. The liberal-universalist myths framed the image of the romantic Russian "Other" and formed the repertoire of meanings for the liberal-universalist discourse. This discourse had come to dominate at the time of the 1905 Revolution, the event that marked the culmination of the first American "crusade" for Russian Freedom. Its components included the vision of the Russian Revolution that originated in the lowest classes of society, was directed by liberals, and followed the model of the great Western Revolutions; the beliefs that Russian society was capable of relatively rapid Westernization, that the Russian people was resisting its xenophobic authorities and waiting for help from overseas, and that Americans are responsible for the process of reforming Russia. It was argued that Russia had no other choice but to follow the path of democracy and capitalism already traced by the more developed Western countries, the United States first and foremost among them.

The book gives detailed accounts about the activities of Aleksei Alad'in and Niko-

lai Chaikovsky, who came to the US in 1907, Pavel Miliukov, Ekaterina Breshko-Breshkovskaya, and Maksim Gorky — some of the Russian liberals and radicals who have made a special contribution in the maintenance of the American liberal-universalist myths about Russia, especially the “myth about the Russian Revolution.” These myths came to the fore during the ascending phase of the first cycle of “hopes and disappointments.”

During the descending phase, the center stage was occupied by the conservative-pessimist Russophobic myths that played an important part in maintaining the image of the demonic Russian “Other,” although the liberal-universalists have also contributed to its official component. These myths formed the repertoire of meanings of the conservative-pessimist discourse that became dominant as the disappointment with the outcomes of the First Russian Revolution kept rising. They emphasized the perpetual gap between “the Immutable Rus” and the West that was due to insuperable cultural differences, the unalterable Russian national character that placed Russia in the Eastern/Asian camp, the aggressive and barbaric nature of Russian imperialism that threatened not only American interests, but also those of the entire civilized world.

The origins of all these myths and perception stereotypes, obviously, go back to earlier times that were described in the first part of this book. Yet, they acquired their final shape during the “war of images,” at the moment when the first American “crusade” for Russia’s renovation had reached its culmination, and during the first crisis in Russian-American relations. Under these conditions, when the plurality of images had disappeared, albeit temporarily, they encouraged the formation of a dichotomous, simplistic vision of the processes that were under way in Russia and at the same time became the product of such a perception angle. It was precisely at that time that the Russian “Other” first became integrated into the foreign policy ideology of the United States and was first used to justify the new foreign policy pri-

orities of the Washington administration and the new American worldview at both the official and the societal levels.

Part Three covers the period between the end of the 1905 Revolution and the beginning of the First World War and shows that the trend towards a dichotomous vision of Russia had not yet become dominant at that time. The ideological factor was still not exerting a permanent influence in the sphere of interstate relations, and the conflict component did not interfere with the mutual inclination towards cooperation and restoration of the “former friendship.” On the other hand, after the enthusiasm for “the Russian theme” that the American society experienced between 1903 and 1906, the interest towards all things Russian began to subside, and, consequently, political cartoons with Russia as the main subject have all but disappeared from the press.

During this period, the positioning of Russia’s image in the US was still being influenced by the factors that have been mentioned in the first part of this book. *Chapter One* (of Part Three) focuses on the discussions about the nature of Russian imperialist policy in the light of the US interests. *Chapter Two* revisits the theme of Russian political development, its logic, and dynamics in the context of the long-standing debates about the influence of the national character on the process of political modernization, and the national question in all its manifestations. *Chapter Three* demonstrates, how the ideas of the first American “crusade” for Russian freedom were updated in response to the visits of Russian liberals and radicals, the controversy around the extradition of Russian immigrant revolutionaries, the campaign for the abrogation of the 1832 US-Russia Treaty for Navigation and Commerce, the escalation of the Jewish question, as well as the religious enthusiasm of the American missionaries. *Chapter Four* analyses the influence of those who were promoting the exports of American goods, capitals, and technologies to Russia. The emergence of Russian Studies and the Americans’ ea-

gerness to understand the peculiarities of its development by entering the world of Russian culture and spirituality are discussed in *Chapter Five*.

The author argues that during this period preexisting American discourses with their characteristic repertoires of meanings and structures of oppositions were clearly framing the perception space, in spite of the fact that the first crisis in Russian-American relations had already passed, the influence of the ideological factor was weaker, and a dichotomous vision of Russian events was being rejected.

The well-developed communicative strategies and rhetorical devices were easily reproduced and used in the elaboration of verbal and visual messages to update distinct ideas about Russia and Russians that were already present in the American society. This pattern emerged in reaction to the “Morgan Shuster case” in Persia, to the controversy around the extradition of Russian revolutionaries who fled to the US to the Tsarist government, to the campaign for the abrogation of the 1832 Treaty, and to the latest famine in Russia.

The Russian “Other” kept performing its role in the interplay of meanings that were significant for the American “Self”. It had secured its place as the essential component in the societal discourse, but had not yet become a constant in the US foreign policy rhetoric. Washington was not yet ready to strain its relations with Russia by making the Russian vector of its foreign policy conditional on the implementation of a reform program in the Russian Empire. Nonetheless, the American politicians had proved to have certain sensitivity to the demands of making Russia an object of the US world-reforming mission.

The imagological analysis of the bilateral relations conducted by the author for the period between the end of the 1905 Revolution and the beginning of the First World War clearly demonstrates that, in spite of the demand for myths and perception stereotypes of a dichotomous vision and of the deep-

ly rooted desire to build Russia’s future according to an existing scheme, the American society recognized the need for an image of a many-faced Russia and for drawing attention to the dynamic nature of the changes that were under way in this country and to the factors that made Russians similar to other people but at the same time brought out their idiosyncrasies.

The latter approach was championed by the Russophiles who paid special attention to the world of Russian literature, music, art, religion, and philosophy, the American pioneers of Russian Studies who strove to show that the development of the Russian Empire could be studied in the context of worldwide political processes, and, finally, the American advocates of mutually beneficial trade relations and economic cooperation. These developments did not eliminate the problem of stereotypical ideas about Russia, which existed in a space that was already rather rigidly structured by the existing repertoire of images and mythologems, set by distinct discourse, but they did place on the agenda of the American society the need for careful studies and multifaceted knowledge about Russia and Russians.

After the end of the first crisis, the voices of those who worried about misrepresentations of Russia grew louder within the American society. They were preoccupied by simplistic and stereotypical ideas of their compatriots, to whom English and American stories about Russia seemed more Russian than the Russian stories themselves. These Americans did not ignore the negative characteristics of Russia’s political development, yet also demonstrated that the vexing issues of Russian reality were not as unambiguous as they seemed from the United States. They drew parallels between Russian and American experience in order to prove that the Russians deserved not only blame but also praise in many senses and that the ideas about them were twisted through a very skillful concealment of the complete spectrum of facts.

This emergent trend became stronger during the First World War — the time when

the two countries not only grew closer, but also, for the first time in the history of their bilateral relations, became aware of the need to expand the flow of reliable information about each other and to reformat their mutual perceptions. Later, special organizations dedicated to these purposes were created in both countries.

In the conclusion to Part Three, the author goes beyond the chronological limits and discusses the period of the First World War in order to illustrate the importance that the context of Russian-American relations (in this case of military, political, economic, and humanitarian collaboration) had for the formation of mutual representations. At that time, the propensity to search for similarities and to get to know the other country and its people grew stronger. Since the role of the demonic "Other" was temporarily transferred to Germany, the image of Russia that got activated was the "romantic" vision of the country that was ripe for spiritual rebirth and ready to engage in reforms and to join the universal process of modernization, following the lead of the United States. Even the Russophiles became involved in the task of "westernizing Russia," and the entire American society gradually got drawn into a new "cycle of hopes" related to the current stage of Russia's modernization, only to suffer once more a very bitter and long-lasting disappointment with its outcomes.

The *Epilogue* summarizes the author's main ideas and puts the American myths and perception stereotypes about Russia into a historical perspective by drawing parallels between the turns of the 20th and the 21st centuries.

The author is aware that the conflicts among different American representations of Russia that she describes in her book took place in a space that was significantly more flexible than the Cold War environment with its clearly marked and all-embracing ideas about the Soviet Union. And if we compare the two turns of the century that represented periods of transition in Russian-American relations, we find qualitative differences in

the preceding experiences (that of friendship in the 19th century versus a confrontational one in the 20th), in the depth of misperceptions that were solidified by the "enemy studies" during the Cold War years, in the degree of integration of the correspondingly Russian or American "Other" into the national foreign policy, and, finally, the overall characteristics of international reality.

Nevertheless, the author thinks it possible to draw parallels between these two century turns in order to detect the stable long-term perception trends that emerged during the period covered in this book. These trends originated from the discourses that were set by the text about Russia due to the heightened attention to the "Russian question," the correlation of the latter with the current agenda of the American society, and to the new discovery of Russia, which often turned into its concealment.

First of all, since ideas about Russia and Russians were an American cultural construct, they tended toward a simplified, dichotomous vision of processes that were under way in (Tsarist, Soviet, or post-Soviet) Russia, toward predictions of its already known future and a readiness to rapidly transition from enthusiasm about changes in Russia to disappointment about the outcomes of its latest modernization stage. Americans "invented" its romantic and demonic "mental images" on the basis of their ideology of progress and expansion, their own vision of ideal political and social arrangements, true revolution, the place of the US in the world, and its role in the process of its democratization and harmonization.

Throughout the entire 20th century, as the American society witnessed the events in the Russian Empire, USSR, or the post-Soviet Russia, it repeatedly oscillated between universalistic euphoria and the myth of the "Immutable Rus," enthusiasm about rapid westernization of Russia and pessimism on the account of its "orientalism," and between the faith in the readiness of Russian civil society to break the grip of the rulers and in the liberals' capacity to lead the con-

structive process of modernization on the one hand, and deliberations about the immutability of the Russian national character on the other. Naturally, the liberal-universalist myths came to the fore during the ascending phase of these “cycles of hopes and disappointments,” while the conservative-pessimist myths dominated during the descending one.

Second, the eagerness to remake Russia in the image and likeness of the United States had reached its peak during the First Russian Revolution. As David Foglesong persuasively argues in his last book, the first American “crusade” for the democratization of Russia provided the blueprint for the subsequent campaigns: for the liberalization of the Russian Empire in 1917, of the Soviet Union during the Second World War, and of post-Soviet Russia after the fall of the Soviet Union and the end of the Cold War. Moreover, David Foglesong emphasizes that “the crusade for Russia’s renewal” also went on between these episodes of heightened activity, and this never-ending quest strengthened the Americans’ faith in the special destiny of their country to be the torchbearer of freedom and democracy for all the people of the world.

During the period covered in this book and the subsequent ones, these messianic feelings had four dimensions that originated from the socio-cultural characteristics of the American society itself and also from the agenda of its own development. The first dimension was a political one and consisted in the opposition to the Russian political regime and in the sense of responsibility for the process of its formation in the context of the US global democratization mission; thus, the Americans appeared in the role of “political mentors.” The second one arose from the attractive prospects of economic expansion, exports of goods, capital, and technologies into Russian markets, and participation in the modernization of Russian economy; Russia was supposed to learn “the lessons of American capitalism.” Religion provided the third dimension: the goal of replacing

the Orthodox faith with a rational one and the projection of the Manichean worldview on the positioning of the Russian image allowed the Americans to present themselves as “the bearers of true faith.” Finally, the humanitarian dimension turned a famished and poverty-stricken Russia into the object of aid from the rich and prosperous America and the Americans — into “international philanthropists.”

On the one hand, Americans experienced a feeling of discomfort, because it was impossible to denounce the evil in other countries, while the American society itself could easily become the object of a fierce critique and was in need of serious renewal (the metaphor of the “glass house”). On the other hand, the American reformism was clearly acquiring an international dimension. As a result, at the end of the 19th century, the fight for freedom far beyond the US borders was already seen as an important tool for preserving democracy within the country and as a peculiar mechanism for overcoming the national identity crisis. These developments gave rise to two important issues that still remain relevant in our days: the right of humanitarian intervention and the expediency of imposing American ideals regardless of the wishes of those to whom the Americans wanted to bring “the blessings of freedom.”

Third, the Russian “Other” was used as the essential element of identity construction not only at the societal, but also at the official level. The US policymakers strove to integrate it into the foreign policy ideology in order to justify the new foreign policy priorities and the new American worldview, as well as to employ it in the domestic political game. And although this factor only turned into a permanent one at a later stage, it first became fully evident during the short period of the first bilateral relations crisis.

Fourth, the author considers the American inclination to see Russian foreign policy as a continuation of its domestic politics to be a typical example of the outward projection of the essential component of American self-representation. This self-represen-

tation is based on a firm belief that America's actions on the world stage can be directly deduced from the democratic character of its political system.

Fifth, those Americans that aspired to the liberalization of the Russian Empire and hoped for its speedy modernization tended to exaggerate both the scale of the changes that took place in Russia and the degree of American influence. It must be noted, that Russian liberals and radicals did much to perpetuate this trend, as they kept coming to the United States for moral and material support and appealing to the Americans' messianic feelings and their faith in liberal universalism. At the turn of the 20th century, they and the American "friends of Russian freedom" created a very particular image of the Russian revolutionary. It was for this reason that George Kennan, William Foulke, and Edmund Noble saw Leon Trotsky and Vladimir Lenin as impostors who had usurped the fruits of the battle fought by Liberals such as Pavel Mil-iukov and "moderate Socialists" — Sergei Stepniak-Kravchinsky, Ekaterina Breshko-Breshkovskaya, Nikolai Chaikovsky, Aleksei Alad'in, etc. In this sense, Americans got caught in their own "imagological trap."

Sixth, the Russian revolutionary "Other" had turned into the essential element in the identity construction of the American Left, especially of its Communist wing. This transformation occurred within the framework of the radical discourse that had acquired its final shape during the First Russian Revolution thanks to the efforts of the American "gentlemen-Socialists" and other representatives of Leftist ideologies, especially the Russian-Jewish emigrants of radical views. In this context, Russia was allowed to appear as America's mentor, but only in relation to its social message to humanity and the universal importance of its social revolution.

Seventh, Americans tended to "personify" the processes that were under way in the Russian Empire and to attribute all negative and positive changes to the actions of the Tsar and his prime ministers. Thus Nicholas II, as he appeared to the Americans during the

first crisis in bilateral relations, became the first in the long series of Russia's two-faced leaders that were often given the attributes of Oriental-type rulers. This representation became a favorite subject of the 20th century political cartoonists, who kept drawing on the same set of devices and precedent images (such as Ivan the Terrible) in order to highlight the duplicity and cruelty of any Russian ruler, be it Nicholas II, Joseph Stalin, or Vladimir Putin.

The author pays special attention to the issue of how the repertoires of meanings from different discourses set by the text about Russia made their way into the 20th century American historiography and the works of specialists on Russian/Slavic Studies and Sovietologists and who continued the long-winded debate on whether Russia was an "ordinary" or an "exceptional" country, whether it did not belong to Europe or formed part of a different Europe, and whether the Russian national character could change or was an unchangeable entity.

The Epilogue has two parts — "One-dimensional Russia: the Russian Other" and "Many-faced Russia: a right to identity" — and this structure is meant to highlight one of the main ideas that appear throughout the book: that Americans' attitude toward Russia was a function of their attitude towards themselves. Thus, it is no accident that the challenge issued by Melville Stone during his audience with Nicholas II remains germane in our days: Americans cannot become the advocates of Russian political course, but they can tell the truth about it in a friendly tone and describe its different faces.

In order to meet this challenge, the United States should build relations with the real Russia, instead of an imaginary one, reject the temptation to fit Russia's future into previously constructed blueprints and to mythologize its development by emphasizing some of its components while marginalizing others. It is necessary to accept that there can be no single vector or process that fully describes the trajectory of a huge country that sometimes halts in its movement and

at other times moves in circles or even backwards, as it lives through a very complex transitional period of political, economic, and social renewal.

In the author's opinion, the "resetting" of the Russian image in the United States at the start of the 21st century becomes impossible without such awareness, and this in turn makes impossible the "resetting" of the bilateral relations in general, while the decon-

struction of American myths about Russia becomes highly problematic. In other words, without this awareness, the US cannot make the transition to the level of perception that Tzvetan Todorov called epistemological and that involves recognizing the Russian right to be different, to have its own identity discourse, rather than just playing the role of the "Other" in the construction of the American "Self".

**MGIMO-UNIVERSITY MASTER'S
DEGREE IN REGIONAL STUDIES
"POLITICS AND ECONOMICS
OF WORLD REGIONS"**

Administrative Staff

Academic Director: Alexei D. Voskressenski
Professor, Dr. Pol.Sc., PhD (University of Manchester)

PhD (Institute of Far Eastern Studies)

Academic Director: Vladimir Pechatnov

Distinguished Professor

Dr. of History

Coordinator: Ms. Anna Kireeva, *MA in Regional Studies and International Relations*

Master of Arts in Regional Studies

Master of Arts in World Regional Studies program at MGIMO University is designed to meet the professional needs to attest newest international trends: rising role of world regions in international relations, world politics and economics important to understand and work in the public service professions, including domestic and international government agencies and non-profit organizations.

The MA in World Regional Studies program provides rigorous on-campus training in quantitative reasoning and qualitative analysis, preparing degree candidates for successful careers in government, higher education, private and non-profit organizations, the media, civil service, international NGOs, research institutions and supplying intellectual breadth, organizational skills, and self-confidence necessary to assume leadership positions in an increasingly complex government and civil service environment. Approximately 80 students are usually enrolled in the program.

The MGIMO Difference

MARS students benefit from:

- a Master Degree program designed within a major Russian international studies oriented university;
- a diverse student body and alumni network;
- close working relationships between world-renowned faculty staff;

НАШИ ПАРТНЕРЫ

- an innovative curriculum;
- attention to career-building skills in all areas of public affairs.

Degree Requirements

The year of study begins with an intensive program in World Regional Studies, Politics, International Relations, Economics, designed to strengthen students' skills. All courses are taught in Russian, two foreign languages including English are thought to meet foreign languages requirement by the Ministry of Education and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Some courses are essentially lecture/discussion; others are seminars in which students present papers for group discussion; and others are workshops based on simulation games, group reports, case study, field research and participation by visiting experts.

Candidates for admission typically undertake programs of study that combine general courses in quantitative methods, policy analysis and public management with more specialized courses chosen from the School's three fields of concentration. A typical curriculum might include two courses each in economics and public management, a policy workshop, and three courses in one of the free fields of concentration.

I. World Regions and International Relations

II. Politics of World Regions and Decision Making Process

III. Economics of World Regions

Admission Information and Requirements

To be considered for enrollment, the completed application form and all required materials must be mailed to the MGIMO-University Graduate Department.

Following are the required elements of the completed application:

- the completed University application form;

- a CV/Resume that includes professional experience, educational background, and other relevant experience;

- copy of official transcripts from each college and graduate school attended;

- copy of language certificates;

- Entering exams.

For more information contact:

Ms. Anna Kireeva

Phone: +7 495 431 56 85

E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Visit our website at: <http://www.mgimo.ru/study/master>

Curriculum

World Regions and Comprehensive Regional Studies: Evolution of the Discipline, International Debates, Methodology and Methods

Mandatory course, 4 ECTS credits. The autumn term

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Voskressenski,

PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies)

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova, Dr. Ksenia A. Efremova,

Learning results:

- Deep understanding of the evolution and current methodological trends in World Regional Studies — an interdisciplinary field descending from the IR theory, Comparative Politics, and Area Studies.

- Ability to compare methodological standpoints of different international schools of thought, evaluate strengths and weaknesses of competing theories and approaches in World Regional Studies, IR and Comparative Politics.

- Critical thinking skills, basic understanding of the logic and the need for interdisciplinary methodological synthesis.

Assessment: 2 essays, presentation of a methodological review, closed-book exam.

Cross Regional Political Analysis

Mandatory course, 4 ECTS credits. The spring term

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Voskressenski

PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies)

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova
Learning results:

- Deep understanding of current disputes in the field of World Regional Studies, ability to demonstrate how they affect theoretical knowledge and analytical findings.

- Ability to apply disciplinary theories to interdisciplinary research, position the topic of one's Master thesis within a broader framework of international scholarship.

- Critical thinking skills, ability to design a research programme, as well as to review and assess methodological correctness of research programmes designed by one's classmates.

Assessment: 2 presentations, essay, peer review of a research proposal, closed-book exam.

The English Language

Mandatory course, 18 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the English Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations, research proposal.

Political Analysis

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Dr.Pol.Sc. Alexei D. Bogaturov, Distinguished Professor

Seminars: Igor A. Istomin, Andrey A. Shentsov

Learning results:

- Deep understanding of basic theoretical approaches and methods for political expertise and prognostication (with a special accent on the system approach and computer modeling), ability to employ them in the analysis of international situations and processes.

- Mastering of semi-formal analytical methods (such as logical graphs) and their application in case-studies of current political issues and trends.

- Skills of brainstorming, verification of information derived from open sources, and

interpretation of analytical findings received by collective political expertise.

Assessment: 3 scenarios for situational analysis, foreign policy recommendations, closed-book exam.

Theories of the IR and Regional Integration

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Marina V. Strezhneva, PhD (University of Manchester)

Learning results:

- Deep understanding of key theoretical issues in the field of contemporary International Relations and Regional Integration (such as transnationalisation, regionalism, and multi-level governance).

- Ability to classify theoretical approaches employed by the IR and Regional Integration Studies according to epistemological principles, explain the historical logic of their development, as well as their comparative strengths and weaknesses.

- Ability to compare and contrast regional integration patterns (e.g. the EU, NAFTA, ASEAN, etc.) against each other, define and explain their characteristic features.

Assessment: essay, closed-book exam.

Financial and Energy Infrastructure of World Economy

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Olga V. Butorina, Dr. Nikolay Y. Kaveshnikov

Learning results:

- Ability to analyse the most dynamic and important sectors of the contemporary world economy — energy and finance, deep understanding of their architecture, key instruments, and driving forces.

- Ability to explain current trends and problems in the development of global financial and energy infrastructure (including those originated from the 2008 world economic crisis), as well as to analyze the effectiveness of existing political tools for regulation of regional and national markets.

- Deep understanding of Russia's financial and energy security policies, their

correlation with Russia's foreign policy and socio-economic development.

Assessment: case-studies, closed-book exam.

National, Regional, and Global Security Issues

Mandatory course (Track One), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Sergey I. Lounev, Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

- Deep understanding of the global international security system and its regional subsystems, their architecture, as well as social, economic, political, and cultural transformation patterns.

- Ability to implement complex multi-factor analysis for evaluation of retrospective and current security trends on the global, regional, and national levels.

- Mastery of wide-range analytical techniques (including brainstorming, situational analysis, collective political expertise, and mind-mapping).

Assessment: mind-mapping exercise, situational analysis report, closed-book exam.

Federalism and Regional Politics

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Dr. Irina M. Busygina

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

- Ability to analyse the pattern of power distribution across territorial structures of modern nations, with regard to key theoretical and practical issues of federalism and regional politics.

- Deep understanding of Russia's complex territorial structure, principles of power sharing and legal interaction between the federal government, regional governments, and local authorities.

- Ability to analyse typical social, economic, and political problems of regions-within-the-state, both in Russia and other countries.

Basic skills of employing GIS for territorial analysis of political processes (elections, etc.).

Assessment: round table presentation, closed-book exam.

Decision Making and Politics

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Andrey A. Degtyarev

Learning results:

- Deep understanding (and practical application) of contemporary notions, concepts and approaches developed within the political decision-making theory.

- Ability to explore the network structure of a decision-making process at governmental bodies (both legislative and executive); thoroughly analyze its key actors, formal and informal factors, general stages, and dynamics.

- Team-working skills, mastery of policy planning techniques, ability to visualize the decision-making process via cartograms, graphs, etc.

Assessment: 2 essays, collective expertise, oral exam.

Theory and Practice of Business-Government Relations (GR)

Mandatory course (Track Two), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Andrey A. Degtyarev

Learning results:

- Deep understanding of basic principles and mechanisms of lobbying and GR, as well as typical forms and methods for interaction with governmental bodies in Russia and abroad.

- Practical skills of elaborating administrative and legislative decision-making projects, drafts of agreements and memoranda, programme for GR campaigns.

- Ability for strategic planning and risk analysis, time, information, and resource management skills, team-working skills.

Assessment: 2 group projects, presentation of individual policy recommendations, oral exam.

THE EUROPE AND AMERICAS MAJOR SCHEME

A Regional Language (*besides English; in conformity with major scheme*)

Mandatory course, 12 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the respective Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations.

Ethnic Psychology and Business Patterns of Europeans and Americans

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Nicolay A. Kosolapov, Prof. Alexander A. Chanyshchev, Dr. Ivan N. Timofeev

Learning results:

- Integrated knowledge of ethnopsychological features, national character, ethnic stereotypes, etc. intrinsic to various European\American peoples.

- Deep understanding of ethnic, cultural, and religious traditions, norms and customs, casual and business etiquette, ability to live and work in multicultural environment.

- Ability to critically reassess one's own social and cultural experience, adapt oneself to changes in social and cultural milieu.

Assessment: case-studies, role-playing, simulation games, oral exam.

European and American Foreign Policy of Russia

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Tatiana A. Shakleina, Prof. Dr. Boris F. Martynov, Dr. Tatiana V. Yurieva

Learning results:

- Deep understanding of the logic, nature and evolution of Russia's foreign policy towards major European, North American and Latin American states, its current priorities, trends, and achievements.

- Ability to analyze potential resources as well as limitations for Russia's participation in multilateral cooperation and regional integration projects in Europe and the Western hemisphere, employing respective methodology.

- Ability to evaluate Russia's diplomatic relations with the US, the European Union

and Latin American countries in both regional and global contexts.

Assessment: essay, presentations, closed-book exam.

Modernization in Europe and Latin America

Mandatory course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Sergey M. Khenkin, Prof. Dr. Lyudmila S. Okuneva

Learning results:

- Deep understanding of social, economic, and political factors, which lead to establishment of authoritarian / totalitarian regimes, as well as those, which facilitate democratization.

- Ability to contrast intrinsic features of an authoritarian / totalitarian regime against the set of democratic norms and principles, to differentiate national models and patterns of democratic transit, to detect and reveal authoritarian / totalitarian heritage in a transitional society.

- Awareness of the nature, logic, models, legal foundations, dominant trends, as well as social and psychological consequences of international migration, ability to evaluate internal challenges posed by migration to nation-states and “immigrant nations”.

Assessment: essay, closed-book exam.

Security Issues in Europe and the Americas

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Boris F. Martynov, Dr. Tatiana V. Yurieva, Dr. Sergey S. Veselovskiy

Learning results:

- Ability to critically evaluate contemporary theoretical explanations to the historical evolution of regional security complexes in Europe, North America and Latin America, as well as prospects for future regional security cooperation.

- Understanding of the US role (and Russia’s potential role) in maintaining regional security in Europe and the Western hemisphere.

- Ability to analyze institutional and functional frameworks for regional control

on arms proliferation, conflict resolution, and non-traditional security threats.

Assessment: test, closed-book exam.

European Integration

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Olga V. Butorina

Seminars: Dr. Anna N. Tsibulina

Learning results:

- Deep understanding of the logic, evolution, driving forces, and internal contradictions of the European integration processes, as well as key dimensions and institutional forms of the EU-Russia interaction.

- Ability to analyze institutional and functional systems of the EU’s relationship with other regions of the world, detect essential problems and dominant trends of their development.

- Ability to critically read and evaluate the scope of the EU documentary base, social and economic statistics.

Assessment: essay, presentations, closed-book exam.

Comparative Political Systems of the Americas

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: Prof. Dr. Vladimir V. Sogrin, Prof. Dr. Lyudmila S. Okuneva

Learning results:

- Comprehensive analysis of national political systems and political processes in the Western hemisphere (the US and Latin American countries), by employing methodologies of historical knowledge and political science.

- Deep understanding of general democracy types (parliamentary, liberal, etc.) and evolutionary stages of the US democracy model, compared to those of Latin American states. Ability to demonstrate distinctive characteristics and peculiarities of Latin American transits to democracy with regard to national political cultures and historical experiences.

Assessment: 2 essays, closed-book exam.

Political Decision Making in the US and the EU: A Comparative Analysis

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Vladimir O. Pechatnov, Distinguished Professor

Prof. Dr. Marina V. Strezhneva, PhD (University of Manchester)

Learning results:

— Deep understanding of political processes in the US and the EU: their key actors, legal mechanisms, and the dynamics.

— Ability to analyze decision-making processes of the US and the EU in the spheres of domestic and (common) foreign policies.

— Mastering of analytical and prognostic methods, including logical (verbal) modeling of various political situations.

Assessment: 2 essays, presentations, oral exam.

Euro-Atlantic Dimension of Global Problems

Elective course (Europe and America), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturer: Prof. Lev S. Voronkov

Learning results:

— Deep understanding of global problems of the Modernity: their origins, nature, and impact on social, economic, political processes in the integrated Europe and the United States.

— Ability to track and analyze how different non-state actors, nation-states, and state groupings react on global threats and challenges.

— Skills of consistent monitoring and analytical approach to study of global problems as an essential factor that affects political decision-making in the contemporary world.

Assessment: essay, closed-book exam.

Research Master Class

Geopolitical and International Problems of Contemporary Arctic

US Foreign Policy Strategy

Contemporary Brazil: Major Issues of Socio-Economic Development

Central and Eastern Europe: Problems of Transformation

European Civilization and its Value Foundation

Major European TNCs

Regional Aspects of Business Development Strategy

Two elective courses, 2 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of European Integration, Department of History and Politics of Europe and Americas, the Department of International Economics

Learning results:

— Basic skills of conducting independent scholarly research and practical analytic work (e.g. political consulting).

— Basic skills of academic reflection, self-instruction, independent monitoring of relevant information sources.

— Awareness of contemporary methodological disputes in the discipline, ability to choose, apply, and combine necessary analytical tools in conducting one's research.

— Ability to critically evaluate and interpret one's academic findings.

Assessment: essays, PowerPoint presentations, group-working and team reports, discussions, oral exam.

THE ASIA AND AFRICA MAJOR SCHEME

A Regional Language (*besides English; in conformity with major scheme*)

Mandatory course, 12 ECTS credits. Continuously runs for 3 terms.

Tutors: appointed by the respective Language Department.

Learning results: according to the student's personal level of language.

Assessment: essays, grammar exams, oral and written translations.

Ethnic Psychology and Business Patterns of Asians and Africans

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

— Integrated knowledge of ethnopsychological features, national character, eth-

nic stereotypes, etc. intrinsic to various Asian\African peoples.

— Deep understanding of (and respect for) ethnic, cultural, and religious traditions, norms and customs, casual and business etiquette, ability to live and work in multicultural environment.

— Ability to critically reassess one's own social and cultural experience, adapt oneself to changes in social and cultural milieu.

Assessment: case-studies, role-playing, simulation games, oral exam.

Asian and African Foreign Policy of Russia

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies including acting diplomats

Seminars: Dr. Ksenia A. Efremova

Learning results:

— Deep understanding of Russia's contemporary role in international relations (including Asian and African international subsystems), as well as the influence of Asian and African problems on Russia's foreign policy.

— Knowledge and understanding of Russia's Foreign Policy Concept (2008), ability to explain the logic of its regional priorities and legal mechanisms of its development.

— Ability to analyze historical and contemporary trends in Russia's bilateral relations with Asian and African nations, present a grounded vision of Russia's diplomatic reaction to key regional issues with regard to national interests of her Asian and African counterparts.

Assessment: imitative role-playing, 3 press-releases, a mind-map, closed-book exam.

Ethno political and Religious Conflicts in Asia and Africa

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

— Critical engagement with the scholarly literature on War and Peace Studies, ability

ty to explain and evaluate contemporary theories and approaches to conflict resolution.

— Deep understanding of (and critical reflection on) the origin, types, social forces, mobilisation patterns, and international consequences of major ethnic and religious conflicts in Asia and Africa.

— Ability to unveil and analyze the historical, cultural, social, economic, political potential for de-escalation and peaceful settlement of ongoing conflicts, to develop and present respective foreign policy recommendations.

Assessment: role-playing, foreign policy recommendations, closed-book exam.

Modernization in Asia and Africa

Mandatory course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Ekaterina V. Koldunova

Learning results:

— Critical evaluation of competing modernization theories, including theories of dependency, uneven development, underdevelopment, maldevelopment, etc.

— Deep understanding of Asian and African modernization patterns on regional, sub-regional, and national levels, compared and contrasted to those of the Western countries.

— Ability to conduct comparative cross-country analysis of national correlations between Western and indigenous, imposed and adopted, modern (industrial, postindustrial) and traditional, amalgamated in the course of Asian and African modernization efforts.

Assessment: SWOT-analysis reports, presentations, closed-book exam.

Regional (Asian and African) Challenges to the World Order

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Anna A. Kireeva, MA

Learning results:

— Ability to critically analyze regional projections of global political, economic,

social, cultural transformations and major challenges to the existing world order posed by Asian and African nations.

— Understanding of the nature of contemporary Asian and African challenges both as potential (or actual) regional problems and threats, *and* as alternative routes for national and regional development.

— Brainstorming skills, ability to reveal and evaluate both positive and negative consequences of Asian and African regional challenges for the global international system of states.

Assessment: essay, 2 PowerPoint presentations, closed-book exam.

Comparative Political Systems and Processes of Asian and African Countries

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Ksenia A. Efremova

Learning results:

— Deep understanding of major contemporary theories and approaches to comparative political studies, their epistemological potential and limitations for studying non-Western (Asian and African) societies.

— Case-studies of Asian and African political issues: democratic transits, state corporatism, leadership and legitimacy, elite recruitment, network societies, casteism and communalism, army and civil society, political parties and electoral systems, clerical models of statehood, the Islamic state, non-liberal democracy, and failed states.

Assessment: team-working and group reports, closed-book exam.

Economic Analysis of International and Regional Development: Models and Trends

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Prof. Dr. Vitaly A. Melyantsev

Learning results:

— Critical evaluation of contemporary theoretical approaches and practical decisions in international political economy, comparative analysis of macroeconomic, po-

litical, and behavioral characteristics of international socio-economic systems.

— Comprehensive knowledge and understanding of economic evolution of both developed and developing states in the global and regional context, explanation of their models and trends.

— Skills of cross-temporal and cross-cultural multifactor analysis of Asian and African macroeconomic strategies, outlining best-case and worst-case scenarios for economic development, assessing their feasibility.

Assessment: PowerPoint presentations, closed-book exam.

Globalization and Regional Integration in Asia and Africa

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: Prof. Dr. Vyacheslav V. Karlusov, Prof. Dr. Svetlana S. Suslina, Dr. Denis. A. Degterev, Dr. Ludmila S. Bocharova.

Learning results:

— Basic skills of interdisciplinary system analysis of the world economy and international trade relations, with an emphasis on the role of Asian and African markets.

— Ability to render, explain, and critically evaluate current academic discussions on globalization, as well as political standpoints expressed in official documents of nation-states and international organisations.

— Deep understanding of key factors, actors, problems and prospects of Asian and African regionalism, readiness to discuss them in the globalization context.

Assessment: presentations, discussions, closed-book exam.

Political Thought of Asian and African Nations

Elective course (Asia and Africa), 4 ECTS credits. The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies

Seminars: Dr. Natalia V. Stapran

Learning results:

— Deep understanding of the traditional mentality and religious beliefs that underlie the contemporary political thought of Asian and African nations.

— Ability to trace and explain the transformation patterns of traditional culture exposed to the impact of modernization and Westernisation processes.

— Basic skills of reading and interpreting original texts, which make a part of Asian and African cultural heritage.

Assessment: 3 analytical conspectuses of original texts of Asian and African political thinkers (translated into Russian), discourse analysis, closed-book exam.

Research Master Class

Africa in World Politics

Islam in World Politics

East Asia in World Politics

South Asia in World Politics

South-East Asia in World Politics

Central Asia in World Politics

Asia and New Challenges

Integration in Asia-Pacific

Two elective courses, 2 ECTS credits.

The autumn term.

Lecturers: appointed by the Department of Asian and African Studies, appointed by

Learning results:

— Basic skills of conducting independent scholarly research and practical analytical work (e.g. political consulting).

— Basic skills of academic reflection, self-instruction, independent monitoring of relevant information sources.

— Awareness of contemporary methodological disputes in the discipline, ability to choose, apply, and combine necessary analytical tools in conducting one's research.

— Ability to critically evaluate and interpret one's academic findings.

Assessment: essays, PowerPoint presentations, group-working and team reports, discussions, oral exam.

INTERSHIPS AND PRACTICE

Internet and Library Research

Mandatory course, 4 ECTS credits. The Autumn term.

Lecturer: Dr. Ksenia A. Efremova

Learning results:

— Basic skills of finding and evaluating relevant information, as well as its retrieval from open academic sources and organizing into a personalized digital database.

— Basic skills of conducting bibliometric analysis (e.g. finding a citation index), proficiency in operating with bibliographic reference tools, library and Internet resources.

— Ability to provide a structured bibliography styled according to Russian academic regulations, and literature review on the topic of one's Master thesis.

Assessment: a bibliographic database in the Zotero RDF format, a literature review.

Research Proposal Training

Mandatory course, 4 ECTS credits. The spring term.

Lecturer: Dr. Ksenia A. Efremova

Learning results:

Basic skills of drafting one's research proposal, including one's goals, hypotheses, and theoretical background.

Ability to operationalise one's hypothesis by proposing relevant variables and indicators.

Ability to critically evaluate and validate one's personal design of analytical tools.

Assessment: a research proposal.

Internship

Mandatory course, 12 ECTS credits. The spring term.

Learning results:

— Practical experience of diplomatic and/or consular service at the Ministry of Foreign Affairs, other Ministries and Agencies, work in TNCs, NGOs and consulting companies;

— Basic skills of time-management, stress-management, professional competence, interpersonal and cross-cultural communication.

**MGIMO-UNIVERSITY MASTER'S
DEGREE IN POLITICAL SCIENCE
"POLITICS AND ECONOMICS IN
EURASIA"**

The Master's Degree in Political Science

The Master's in Political Science (M.P.S.) program at MGIMO University's is designed to meet the needs of rising leaders in the public service professions, including domestic and international government agencies and non-profit organizations by providing up-to-date, firsthand information about Russia and Eurasia from a Russian view point.

The M.P.S. program provides rigorous on-campus training in quantitative reasoning and policy analysis, preparing degree candidates to successful careers and supplying intellectual breadth, organizational skills, and self-confidence necessary to assume leadership positions in an increasingly complex public service environment. Approximately 20 students will be enrolled in the program.

The MGIMO Difference

M.P.S. students benefit from:

- a small Master Degree program designed within a major Russian international studies oriented university;
- a diverse student body and alumni network;
- close working relationships between world-renowned faculty staff;
- an innovative curriculum;
- an attention to career-building skills in all areas of public affairs.

Degree Requirements

The M.P.S. year begins with an intensive program in politics, international relations, economics, designed to strengthen students' skills. All courses are taught in English. If candidates' command of Russian is adequate, during the M.P.S. academic year they can select additional courses from the courses available to the Russian students of Master Programs in International Relations and Political Science taught in Russian.

Some courses are essentially lecture/discussion; others are seminars in which stu-

dents present papers for group discussion; and still others are workshops based on field research, participation by visiting experts, and group reports.

Curriculum

A Preliminary List of Main Courses

1.	Conceptualising Eurasia. New Trends in Political Thought.
2.	International Security in Eurasia
3.	Russia and the USA in World Affairs
4.	Russia and Its Neighbors: the case of the CIS
5.	Conflicts in the Belts of Russia's New Frontiers
6.	Russia and China
7.	Russia and the EU
8.	The Conflict Arch in Asia. The Middle East and the Far East
9.	Russia's Economy and World Economy
10.	Energy security in the CIS
11.	Contemporary Russian Domestic Politics
12.	Doing Business in Russia
13.	Political Systems and Political Developments in Smaller States of Eurasia
14.	Russia's Political History. Statehood and State-Building
15.	National Psychology and Cultures of Eurasian Nations
16.	Russia's Political Geography
	Themes of Group Papers:
	a) Political Psychology and Political Tradition in Eurasia
	б) Energy Factor in the Eurasian Space
	в) Regional Conflicts Around Russia

M.P.S. candidates typically undertake programs of study that combine general courses in quantitative methods, policy analysis, and public management with more specialized courses chosen from the School's four fields of concentration. A typical curriculum might include two courses each in economics and public management, a policy workshop, and three courses in one of the four fields of concentration.

I. International Relations

II. Development Studies

III. Domestic Policy

IV. Economics and Public Policy

Admission Information and Requirements

Following are the required elements of the completed application:

the completed University application form;
a CV/Resume that includes professional experience, educational background, and other relevant experience (see application for details);

application essay (see application for details);

two letters of recommendation (see application for details);

copy of official transcripts from each college and graduate school attended;

copy of language certificates.

Tuition Fee

6,500 Euro a year

CONTACTS

Head of the Program — Dr. Andrey Baykov

Phone: +7 (495) 431 3027

E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Program Coordinator — Ms. Maria Apanovich

Phone: +7 (495) 434 4501

E-mail: masters@inno.mgimo.ru

Visit our website at: <http://ip.mgimo.ru/masters/eurasia/>

МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И GR-СТРАТЕГИИ»

В каждой профессии есть своя «вершина», для политолога — это, безусловно, квалификация политического эксперта. Экспертно-аналитическая деятельность в сфере политики требует высочайшей квалификации, ума, таланта, способности к неординарным и творческим решениям. Такие люди были во все исторические эпохи — правители всех времен и народов нуждались в них — советниках, помощниках, экспертах. Сегодня в развитом обществе экспертиза — целая система деятельности, объединяющая профессионалов, обладающих специальными знаниями и навыками. Эта система деятельности нацелена на оценку политической реальности, целесообразности осуществляемых политико-экономических программ, прогнозирование развития событий и просчитывание их последствий. Специфика магистерской программы «Политическая экспертиза» заключается в том, что на ее базе готовятся

эксперты, которые, хорошо зная свою страну, ее проблемы и методы управления, одновременно, пользуясь знанием иностранных языков, могут выступать экспертами международных организаций по общим проблемам и «вызовам», с которыми наша страна сталкивается на международной сцене.

Предлагаемая магистерская программа нацелена на формирование у слушателей компетенций, необходимых специалисту-политологу и международнику для работы в сфере политической экспертизы. МГИМО-Университет традиционно ориентирован на создание российской экспертно-аналитической школы, которая позволила бы формировать здраво и самостоятельно мыслящих граждан, способных решать сложные российские и мировые проблемы, одновременно способствуя возрастанию интеллектуального потенциала российского общества. Основной целью программы является практико-ориентированная подготовка экспертов в области публичной политики и политического менеджмента, способных работать как в государственном секторе, так и в бизнес-структурах, НПО.

Магистерская программа:

— во-первых, обеспечивает формирование знаний и навыков в сфере политического анализа, экспертно-аналитической работы и оценке проблемных ситуаций;

— во-вторых, формирует знания и навыки в сфере политического проектирования и подготовки государственных решений в административной и законодательной областях, а также в сфере взаимоотношений бизнеса и государства, государства и НПО по разработке соглашений и управленческих программ;

— в-третьих, обеспечивает знания и навыки в сфере политменеджмента и политуправления на стратегическом и оперативном уровнях.

Магистратура «политическая экспертиза» имеет две специализации:

1. Политические рынки и политические риски.

2. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности властных структур.

Специализированный профиль «Политические рынки и политические риски» обусловлен необходимостью преподавания продвинутых курсов в области политической науки по профилю сравнительной политологии в форматах организации политической сферы и управления ею как в Российской Федерации, так и за рубежом. Традиционные интерпретации политики как сферы преимущественных взаимодействий государства и гражданского общества не исчерпывают существенно усложнившуюся структуру и организацию данной сферы. Существует необходимость освоения современного массива знаний генезиса политических рынков и технологий управления ими в целях снижения транзакционных издержек в отношениях между субъектами рынка и минимизации политических рисков ключевых акторов в осуществлении их стратегий.

Специализация «Информационно-аналитическое обеспечение деятельности

властных структур» нацелена на практико-ориентированную подготовку экспертов в области публично-государственной политики и политического менеджмента, т.е. связи с государством в социально-политическом процессе. Выпускники программы должны обладать комплексом компетенций, знаний и навыков, позволяющих проводить самостоятельный прикладной анализ и экспертизу, проектировать решения и осуществлять управленческие воздействия в области взаимодействия с органами государственной власти.

Гибкий учебный план магистерской программы предполагает сбалансированное изучение общенаучных дисциплин и дисциплин специализации. Кроме того, слушатели имеют возможность в дополнение к освоению дисциплин продвинутого политического профиля получить базовые экономические и юридические знания, что позволяет сформировать уникальные индивидуальные образовательные траектории.

Курсы в рамках специализаций читаются, в основном, силами кафедр факультета политологии МГИМО-Университета (декан: профессор, доктор политических наук, доктор философии А.Д. Воскресенский), ведущими профессорами-международниками МГИМО, а также приглашенными специалистами-практиками и иностранными преподавателями. Занятия по прикладным вопросам взаимодействия власти и бизнеса ведут сотрудники Центра развития государственно-частного партнерства, а также ведущих министерств и ведомств Российской Федерации.

Учебный процесс осуществляется в лучших традициях отечественной высшей школы с использованием современных методик преподавания, новейших научных разработок, передового опыта зарубежных вузов. Особое внимание уделяется практическим знаниям и умениям, которые повышают конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

В программе преобладают интерактивные формы обучения: круглые столы, ситуационный анализ, ролевые игры, презентации, мастер-классы, коллективная работа над групповыми проектами.

В рамках программы осуществляется подготовка кадров для Министерства иностранных дел России, федеральных и региональных органов исполнительной власти, крупных российских и зарубежных компаний, работающих на российском рынке, а также для научно-исследовательских институтов системы РАН. Предусмотрена возможность прохождения практики в министерствах и ведомствах России (Минэкономразвития России, ВЭБ, иных профильных структурах и организациях). Также существует практика стажировок наиболее успешных студентов в вузах Великобритании, США, Китая и др.

Основным иностранным языком в магистратуре является английский.

Выпускники программы будут обладать необходимой квалификацией для того, чтобы трудоустроиться в качестве:

- кадровых дипломатов и сотрудников международных организаций;
- чиновников сферы государственной власти;
- политических аналитиков, консультантов, управленцев, специалистов в области GR НПО и бизнес-структур;

- международных обозревателей и редакторов СМИ;

- преподавателей высшей школы и научно-исследовательских работников.

Контактная информация

Соруководители программы:

д.фил.н., профессор Алексеева Татьяна Александровна;

д.полит.н., профессор Гаман-Голутвина Оксана Викторовна.

Руководитель специализации «Политические рынки и политические риски:

д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Гаман-Голутвина Оксана Викторовна.

Руководитель специализации: «Информационно-аналитическое обеспечение деятельности властных структур»:

д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой политической теории Алексеева Татьяна Александровна.

Координатор программы — Басова Нелли Валерьевна.

Телефон для справок:

+7 (499) 431-56-85

e-mail: n.basova@mgimo.ru

Почтовый адрес программы:

119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76

Магистерская программа «Политическая экспертиза и GR-стратегии» по направлению «Политология».

Бюллетень Национального комитета по исследованию БРИКС

БЮЛЛЕТЕНЬ
Национального комитета
по исследованию БРИКС

№ 33

сентябрь 2013

В номере:

Новости
Новые публикации, наука и аналитика

НОВОСТИ

Новости НКИ БРИКС

Россия-Китай в БРИКС: взаимодействие ученых

НКИ БРИКС в соответствии с утвержденной Правлением программой проводит ряд двусторонних консультаций с национальными комитетами стран БРИКС. В текущем году будут проведены контакты с Китаем, Индией и ЮАР. В рамках реализации этого проекта 20-28 сентября 2013 года состоялся визит представительной делегации российских ученых во главе с заместителем Председателя Президиума НКИ, директором Института Латинской Америки РАН В.М.Давыдовым. В состав делегации вошли также директор Института Африки РАН, академик А.М. Васильев, представители МГИМО (У) МИД России, Института Дальнего Востока РАН, НКИ БРИКС.

Состоялись интенсивные дискуссии с руководством Китайской академии современных международных отношений, Высшей партийной школы и Государственного Комитета по развитию и реформе, Центра по исследованиям современного мира. Также прошла отдельная встреча с заместителем заведующего Международного отдела ЦК КПК Ай Пином.

В международном отделе ЦК КПК прошел двусторонний семинар по проблемам взаимодействия стран БРИКС, в том числе по вопросам экономической и финансовой архитектуры и создания Банка развития БРИКС, проблемам мира и международной безопасности, гуманитарного сотрудничества и институционального строительства в рамках механизма БРИКС. В том числе состоялась дискуссия по проблематике использования глобальных правил и режимов торговли в соотношении с торговыми взаимоотношениями в рамках БРИКС, а также приоритетам и направлениям реформы международных финансовых институтов. Итоги встречи показали, что китайская сторона видит в углублении всестороннего сотрудничества в формате БРИКС один из наиболее эффективных путей закрепления тенденции к многополярности мира. Взаимодействие в рамках этого механизма является стратегическим внешнеполитическим приоритетом КНР.

В ходе серии встреч были подробно обсуждены социально-экономическая и внешнеполитическая стратегия двух стран, модальности ее сопряжения в рамках БРИКС, стратегическое взаимодействие России и Китая в вопросах совершенствования глобального управления в условиях продолжения мирового финансово-экономического кризиса. Так китайская сторона подробно разъяснила линию партии и правительства после 18 съезда КПК на обновление страны и реализацию т.н. «китайской мечты». В частности международный отдел ЦК предоставил возможность членам российской делегации ознакомиться с реализацией социально-экономической стратегии КПК в южных районах страны.

Отдельного внимания заслужили и проблемы горячих точек в современном мире, а также вопросы перераспределения баланса сил в различных регионах мира, в частности в АТР. Дополнительно российская и китайская стороны обсудили подходы национальных экспертных сообществ к выработке долгосрочного видения БРИКС накануне экспертного круглого стола в Кейптауне в ноябре с.г.

Все дискуссии проходили в атмосфере дружбы и сотрудничества, и было условлено продолжить диалог, в частности в рамках организуемой НКИ БРИКС в середине октября 2013 года конференции «Взаимодополняемость национальных экономик и сотрудничество стран БРИКС».

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Т.А. Алексеева. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир

Tatiana A. Alexeyeva. Think like Constructivist: Discovering a Polyphonic World

Аннотация. В статье раскрывается специфика и основные идеи конструктивистского подхода к исследованию международных отношений. Статья состоит из двух частей. В первой части рассматриваются онтология, эпистемология и основные принципы методологии конструктивизма. Во второй части — внимание автора обращено на ключевые концепты теории международных отношений (анархия международной системы, сила, национальный интерес, идентичность, война и мир и др.). Вывод автора: конструктивизму в принципе удалось «построить мост» между неолиберализмом и либеральным институционализмом. Современные версии конструктивизма тяготеют либо к неореализму (реалистский конструктивизм), либо к либерализму (либеральный конструктивизм).

Abstract. The article covers the specific features and main ideas of the constructivist attitude to international relations studies. The article consists of two parts. In the first part the ontology, epistemology and main principles of constructivism is explained. In the second part, the author's attention is directed towards the key concepts of the international relations theory (anarchical structure of the international system, power, national interest, identity, war and peace, etc.). The author's conclusion is the following: principally constructivism managed «to build a “bridge” between neorealism and liberal institutionalism. The latest versions of constructivism have a propensity either for neorealism (realist constructivism), or for liberalism (liberal constructivism).

Ключевые слова: конструктивизм, анархичность системы, сила, национальный интерес, идентичность.

Key words: constructivism anarchical system, power, national interest, identity.

О.Г. Харитоновна. СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации

Oxana G. Kharitonova. Bosnia and Croatia in Socialist Federal Republic of Yugoslavia: Institutional Problems of an Ethnic Federation

Аннотация. Статья анализирует институциональные проблемы этнической федерации на примере дезинтеграции югославской государственности. Автор рассматривает основные факторы распада СФРЮ и появления независимых Хорватии и Боснии: экономическое неравенство между республиками, экономический национализм, ослабление центральной власти и фрагментация правящей партии — Союза коммунистов Югославии.

Abstract. The article analyzes the disintegration of Yugoslav statehood focusing on institutional problems of ethnic federation. The author describes the main factors of the collapse of the Yugoslav Federation and the emergence of independent Bosnia and Croatia: economic inequality between republics, economic nationalism, the weakening of the center and the communist party fragmentation.

Ключевые слова: Югославия, Хорватия, Босния, этническая федерация, дезинтеграция, этнический конфликт.

Key words: Yugoslavia, Croatia, Bosnia, ethnic federalism, disintegration, ethnic conflict.

К.А. Кузнецов, П.А. Щелин. Национальная идентичность и устойчивая государственность

**Kirill A. Kuznetsov and Pavel A. Tsche-
lin. National Identity and the Sustainabili-
ty of State**

Аннотация. Авторы данной статьи предлагают альтернативный взгляд на условия и принципы успешного развития государства. Согласно представленной теории основным и фактически универсальным критерием анализа выступает понятие национальной идентичности. В статье будет дано определение этого концепта и рассмотрены основные положения теории устойчивой государственности.

Abstract. The authors of this article offer a different view on the conditions and principles of successful state development. In this article the concept of national identity is regarded as the key criterion of the analysis of the state development. The authors elaborate a new definition of the concept of national identity and present the main provisions of the theory of state sustainability.

Ключевые слова: идентичность, нация, стабильное развитие.

Key words: identity, nation, stable development.

Г.Д. Толорая. Проблемы выработки долгосрочной стратегии БРИКС: российский взгляд

**Georgy D. Toloraya. Russian View on the
BRICS Long-term Strategy**

Аннотация. В последние годы БРИКС превратился в один из наиболее влиятельных международных форумов. Он включает пять ведущих восходящих стран современного мира и обладает потенциалом превращения в ключевой форум обсуждения будущего мирового порядка. БРИКС способен сформулировать альтернативу все менее адекватной современным реалиям неолиберальной модели. В основу будущего мироустрой-

ства должно быть положено устойчивое развитие, с учетом существующих экологических рисков. Россия остается одним из моторов клуба и рассматривает его как один из важнейших компонентов выстраивания многополярного мирового порядка. Она активно выступает за дальнейшее расширение повестки дня БРИКС и институализацию объединения.

Abstract. In the recent years, BRICS emerged as one of the most influential international fora. It includes five leading emerging powers of the current world and has the potential to become the principal venue for elaboration of future global order. BRICS has the capacities to formulate a reasonable alternative to the current neoliberal model, which becomes increasingly irrelevant. The future world system should be built on the principles of sustainable development, which will address the growing environmental challenges. Russia remains one of the drivers of the club and views it as an essential element of the emerging multipolar world. It actively pursues further expansion of BRICS agenda and its greater institutionalization.

Ключевые слова: БРИКС, многополярный мир, международные финансовые институты, Север — Юг, мировой порядок, концепции внешней политики России, устойчивое развитие.

Key words: BRICS, multipolar world, international financial institutions, North-South, global order, Concepts of Foreign Policy of Russia, sustainable development.

А.В. Виноградов. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира

**Andrey V. Vinogradov. BRICS and Its
Role in the Shaping of a Multipolar World**

Аннотация. В отличие от других диалоговых форматов, например «Большой семерки», страны БРИКС представляют собой не только различные социальные и экономические системы, но и различные цивилизации. Цивилизации являют-

ся основными историческими акторами, поскольку они существуют дольше, чем другие социальные субъекты и обладают большим влиянием на ход мировой истории, нежели любые другие исторические общности. До настоящего времени международные отношения основывались на принципах, выработанных в Европе. Однако модель отношений, сформированная в рамках одной цивилизации, неизбежно имеет определенные ограничения. Более того, эта модель не может считаться единственно возможной. Угроза основному преимуществу евроатлантической цивилизации — экономическому превосходству открывает перспективы развития других международных тенденций. БРИКС неизбежно будет эволюционировать от экономической группы к международно-политическому и междцивилизационному консорциуму.

Abstract. Unlike other dialogue format — G7 — BRICS countries represent not only different social and economic systems, but also different civilizations. Civilizations are the basic actors of history because they exist longer than other social subjects, and have a greater influence on world history than any other historical entity. Until today the basis of the international relations was formed by principles of inter-European relations. But the model of relations within one civilization inevitably has the limited value. Moreover, it is not the only model possible. Growing threat to Euro-Atlantic's main advantage — economic superiority, has opened prospects to other trends. BRICS will inevitably develop from economic group into international political and intercivilizational consortium.

Ключевые слова: БРИКС, multipolar world, civilization, international relations.

Key words: BRICS, multipolar world, civilization, international relations.

С.М. Труш. Россия между Китаем и США: миропорядок, БРИКС, интеграция в АТР

Sergei M. Trough. US — China — Russia Relations: Spheres of Interdependence and Russia's Priorities

Аннотация. Несмотря на продуктивное и активно развивающееся сотрудничество, подходы России и Китая к роли США в современном мировом порядке существенно различаются. Они происходят из уникальных геоэкономических характеристик двух стран, особенностей их экономического роста, структуры и уровня развития их промышленности, степени вовлеченности в мировую торговлю и финансовые рынки. По некоторым из этих аспектов Россия разительно отличается от всех остальных стран БРИКС.

Abstract. Russia and China have obvious differences in their approach to the role of the US in the emerging world order. This differences stem from the unique geoeconomic characteristics of the two countries, their motivations for growth, composition and level of their industries, scale of presence in the global trade and financial markets. Some of these differences put Russia apart from the other members of BRICS.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, мировой порядок, геоэкономика, политическая конкуренция, БРИКС, Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Key words: Russia, China, USA, global order, geoeconomics, political competition, BRICS, Far East, Asia Pacific.

Е.В. Колдунова. Роль стран БРИКС в глобальном управлении

Ekaterina V. Koldunova. The Role of BRICS in Global Governance

Аннотация. В последнее время феномен стран БРИКС широко обсуждается в экспертном сообществе. Одна из точек зрения заключается в том, что БРИКС представляет собой группу стран, довольно-таки искусственно объ-

единенных в целях анализа современных процессов в международных отношениях. При этом обоснованием выделения такой группы являются в первую очередь экономические показатели. Следовательно, согласно этой точке зрения, не существует достаточных оснований для скоординированных действий этих стран на глобальном уровне. Противоположный подход заключается в том, что БРИКС как объединение имеет возможности стать новым механизмом глобального управления. Несмотря на различия в моделях развития, каждая из входящих в эту группу стран отличается позитивной динамикой экономического развития и сильными позициями в тех регионах, к которым относится географически. В данной статье рассматриваются различные подходы к роли стран БРИКС в трансформации системы глобального управления, анализируются перспективы и вызовы увеличения такой роли и оцениваются возможные последствия для международных отношений на глобальном и региональном уровнях.

Abstract. Currently the phenomenon of BRICS group became a highly disputed issue in the expert society. One general approach tends to see BRICS as just a group of states united superficially in the analysis of the international relations on the basis of their economic indicators. Consequently, according to this view, there is no real reason for the coordinated actions of these states on the global arena. Another view, on the contrary, stresses the potential of BRICS to become a new mechanism of global governance. Despite the divergence in the development models each state in this group has a rising economic profile and influential positions in the respective regions. The proposed paper aims to review critically various approaches to the role of BRICS in the transformation of global governance system, analyze prospects of and challenges to the expansion of such a role and assess the possible implications for the international relations at global and regional levels.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, Бразилия, БРИКС, глобальное управление.

Key words: Russia, China, India, Brazil, BRICS, global governance.

С.И. Лунев. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор

Sergei I. Lunev. Potential for Cooperation within BRICS and the Cultural-Civilizational Factor

Аннотация. Концепция развития связей в РИК, БРИК и в БРИКС не имеет четкого наполнения, не ясны ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность деятельности. Однако есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения стран, и главная из них — неприятие возможности установления однополярного мира. БРИКС мог бы стать для его участников ключевым фактором и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для выполнения конкретных проектов. Особо следует выделить экономические отношения в рамках треугольника Россия — Китай — Индия, реализация которых облегчается соседством стран в Евразии. Очень важным представляется всестороннее развитие культурной подсистемы, прежде всего, сотрудничества в образовательной сфере (массовое привлечение китайских и индийских студентов на учебу в Россию, а приоритетным направлением является медицина и естественные науки; укрепление связей в сфере высшей школы и науки). Следует также резко расширить культурно-пропагандистскую деятельность. Активизация политических, экономических, военно-политических и культурных связей трех стран вдохнет новое содержание в деятельность БРИКС и позволит подорвать монопольное положение Севера. Страны БРИКС не заинтересованы в радикальной ломке

международных политических и экономических отношений, но обязаны способствовать резкому укреплению своих позиций в мировой системе.

Abstract. The concept of development of relations in the format of RIC, BRIC and BRICS, the scale and the scope of cooperation, the direction of activity are still relatively vague. However, there are significant prerequisites for a substantial rapprochement of states, and the main of them is the rejection of the establishment of a unipolar world. The BRICS could become for its participants a key factor both for strengthening positions in the world economic system, and for realization of concrete projects. The economic relations in the triangle Russia — China — India should be mentioned especially as the implementation of such projects is facilitated by the neighborhood of the countries in Eurasia. It is also very important to develop comprehensively cultural subsystem, first of all, the cooperation in the educational sphere (the strong increase in Chinese and Indian student enrollments to Russian universities, and medicine and natural science should be priority directions; the strengthening of the ties in the sphere of higher education and science). Cultural activities should also be dramatically expanded. The BRICS countries are not interested in a radical breaking of international political and economic relations, but are obliged to contribute to sharp strengthening of their positions in the world system.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, БРИКС.

Key words: Russia, China, India, BRICS.

А.В. Ильин, О.Ю. Курныкин. Северокорейский кризис через призму резолюций Совета Безопасности ООН

Alexei V. Ilijin and Oleg Yu. Kurnykin. North Korean Crisis through the Lens of the UN Security Council Resolutions

Аннотация. Северокорейский кризис в последние годы пережил несколько

циклов обострения. Настоящая статья на основе анализа резолюций Совета Безопасности ООН определяет реакцию мирового сообщества на действия и заявления правительства КНДР. Проведенное исследование опирается на детальное изучение содержания и условий принятия документов на основе методик контент- и ивент-анализа. Оно свидетельствует о снижении обеспокоенности мирового сообщества ядерным потенциалом КНДР.

Abstract. The North Korean nuclear crisis in recent years has seen several waves of escalation. The current article studies the reaction of global community on the actions and statements of north Korean leadership through the analysis of the UN Security Council resolutions. The conducted research relies on the detailed examination of the content of the documents as well as the context of their adoption, through such tools as content-analysis and event-analysis. It proves that the level of concern on behalf of the international community regarding the North Korean nuclear programme decreases.

Ключевые слова: КНДР, северокорейская ядерная программа, Совет Безопасности ООН, США, экономические санкции.

Key words: North Korea, North Korean nuclear programme, UN Security Council, the USA, economic sanctions.

М.А. Троицкий. Китайский фактор в российско-американских отношениях

Mikhail A. Troitskiy. Chinese Factor in Russian-American Relations

Аннотация. Автор настоящей статьи отмечает, что, несмотря на активно развивающееся сотрудничество России и США и углубление взаимозависимости США и Китая, отношения с Пекином до сих пор не стали предметом обсуждения между Москвой и Вашингтоном не только на уровне официальных консультаций, но и экспертных дебатов. Хотя в

партнерстве России и Китая присутствуют подводные камни, Москва уверена в его приоритетном значении для ее международной стратегии. Она доверяет дружественным заверениям Пекина. Между тем стратегия США в отношении Китая сохраняет существенный элемент неопределенности.

Abstract. The article claims that despite growing cooperation between Russian and China on the one hand and increasing interdependence between China and the U.S. on the other, Russian-American dialogue on China is absent not only in official discussions, but also in expert debates. Although Russian partnership with China is not free of disagreements on certain issues, Moscow believes that it is crucial for its international strategy and retains deep trust in Beijing benevolent behavior. The U.S., however, are much less confident in their strategy towards China.

Ключевые слова: мировой порядок, Россия, КНР, США, Арктика, Центральная Азия, внешнеполитическая стратегия.

Key words: world order, Russia, China, U.S., Arctic, Central Asia, foreign policy strategy.

Federico Russo and Maurizio Cotta. Beyond Euroscepticism and Euriphilia: Multiple Views about Europe

Фредерико Руссо, Маурицио Котта. За пределами евроскептицизма и еврофилии: множественность взглядов по поводу Европы

Аннотация. Целью работы является структурирование отношения парламентариев государств-членов к Европейскому Союзу. Релевантность взглядов этих политиков определятся их влиянием на правительства, участвующие в процессе принятия решений на европейском уровне. Оценивают ли они процесс европейской интеграции одномерно, через дихотомию независимость-интеграция?

Или они признают наличие множественных осей конфликта? Наконец, как можно сгруппировать парламентариев в соответствии с их предпочтениями и что на основе этого можно заключить относительно будущего европейской интеграции? Данная статья базируется на двух обзорах взглядов парламентариев из 16 государств-членов и анализирует отношение к «системе правления» и «целям политики» ЕС. Результаты проясняют ответы на многие вопросы. Во-первых, хотя некоторые исследования упорядочивают отношение к европейской интеграции на континууме от «статус-кво» до «полной интеграции», анализ показывает, что предпочтения парламентариев имеют многомерную структуру. Во-вторых, выделяются четыре основных кластера предпочтений национальных парламентариев. В-третьих, по кластерам исследуются реакции парламентариев на европейские проблемы и вызовы.

Abstract. The purpose of this paper is to map the structure of preferences concerning the European Union held by parliamentarians of the member states. The opinions of national politicians are relevant as they influence the governments which participate in the institutions and the decision making processes of the Union. Do they evaluate the European integration process according to a single independence-integration dimension? Or do they acknowledge the existence of multiple lines of conflict? Is the structure of preferences stable? Finally, how are national parliamentarians grouped according to their preferences and what this can tell about the future of European Integration? This paper, based on a two waves survey of national parliamentarians belonging to 16 member states, analyses their views about the “governance system” and the “policy goals” of the EU. The findings of this paper shed some new light on several old questions. Firstly, while several studies assume that the preferences about European Integration can be ordered in a one-dimensional continuum that has the “status quo” and “complete integration” as

the two opposite poles, this paper shows that the preferences of national parliamentarians have a multi-dimensional structure. Secondly it moves to analyse the four main clusters of national parliamentarians which these preferences generate. And thirdly it discusses how these clusters react to different problems and challenges the EU faces today.

Ключевые слова: Европа, европейская интеграция, парламенты, элита, кризис.

Key words: Europe, European Integration, Parliaments, Elite, Crisis.

А.Д. Воскресенский. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР

Alexei D. Voskressenski. The Evolution of Political System and Political Modernization in China: Problems and Advantages of the Chinese Model

Аннотация. В контексте социокультурных особенностей региона Китай представляет особый случай постепенной политической модернизации. Политическая стабильность обеспечивается в результате эволюции всех областей политической жизни при сохранении основы существующих политических механизмов. В статье рассматриваются механизм рекрутирования и ротации китайской элиты и эволюция выборных механизмов, прежде всего на локальном уровне, ориентированная на повышение конкурентности в ходе выборов. Автор заключает, что в ходе постепенных экономических и политических трансформаций за годы реформ в Китае возникло достаточно развитое, но своеобразное (с китайской спецификой) гражданское общество, и на новом этапе социального развития только дальнейшая модернизация системы политического и экономического управления может обеспечить потребности китайского общества.

Abstract. I the context of socio-cultural specificity of the region, China presents a

special case of gradual political modernization. Political stability is guaranteed as a result of the evolution of all spheres of political life while maintaining the basic political mechanisms. The article studies the mechanism of Chinese elite recruitment and rotation and the evolution of local-level electoral mechanisms, oriented at competitiveness raising at election time. The article concludes that gradual economic and political transformations during reform years led to the development of a specific Chinese civil society whose demands at the new phase of social development can only be met by further modernization of the political and economic systems.

Ключевые слова: Китай, модернизация, политическая система, выборы, гражданское общество.

Key words: China, modernization, political system, elections, civil society.

Т.В. Шелудякова. Конституционное регулирование прав молодежи в России и зарубежных странах

Tatiana V. Sheludyakova. The Constitutional Regulation of Youth's Rights in Russia and Abroad

Аннотация. В настоящее время увеличивается число стран, стремящихся проводить активную молодежную политику. Во все большем числе государств права молодежи получают конституционное закрепление. В России на федеральном уровне регулирование в этой области остается недостаточным. В этих условиях субъекты Федерации принимают собственные нормативные акты в области молодежной политики. Автор статьи формулирует собственные предложения по совершенствованию регулирования в этой области.

Abstract. Today the number of countries, which attempt to develop active youth policy rapidly increases. Ever more states include special provisions guarantying rights of the youth in their constitutional legisla-

ture. In the Russian Federation the federal regulation in this sphere is insufficient. Under these circumstances some regions of the Federation adopt their own normative acts in the field of youth policy. The article provides additional recommendations to improve regulation in this sphere.

Ключевые слова: молодежная политика, правовое регулирование, Россия, субъекты Федерации, права человека.

Key words: youth policy, legal regulation, Russia, subjects of federation, human rights.

А.А. Токарев. Влияние реформ правительства Михаила Саакашвили на положение национальных меньшинств Грузии

Alexey A. Tokarev. Mikhail Saakashvili's Reforms: The Influence on the National Minorities in Georgia

Аннотация. В статье рассматривается положение национальных и этнических меньшинств Грузии. В первом случае исследуются азербайджанское и армянское меньшинства вкупе с территориальным развитием регионов их компактного проживания. Анализируется сепаратистский потенциал, соответственно, краев Самцхе-Джавахети и Квемо-Картли. Во втором случае автор уделяет внимание субэтносам внутри грузинского народа: мегрелам, сванам, лазам. Отдельно от двух этих групп рассматриваются кистинцы и езиды. В работе представлены статистические данные по этнонациональному и лингвистическому вопросам. Автор исследует постсоветское развитие Грузии и масштабные реформы, проводимые после «революции роз», в том числе в сфере межнациональных отношений. Выводы касаются будуще-

го российско-грузинских отношений в свете поддержки Россией отдельных национальных меньшинств. Население Абхазии и Южной Осетии не является предметом исследования данной статьи.

Abstract. The article is devoted to the issue of national and ethnic minorities in Georgia. The author analyzes the Azeri and Armenian minorities, the territorial development of the regions of their compact residence (Samtskhe-Javakheti and Kvemo-Kartli) and their secessionist potential. The author focuses on the sub-ethnic groups within the Georgian people: Megrelians, Swann, Laz, Kistinians and Yezidis. This paper presents statistics of ethno-national and linguistic issues. The author examines the development of post-Soviet Georgia and large-scale reforms implemented after the «Rose Revolution» including the sphere of interethnic relations. The conclusion concerns the future of Russian-Georgian relations in the light of Russia's support for the single national minorities. The population of Abkhazia and South Ossetia isn't the subject of this article.

Ключевые слова: Грузия, национальные и этнические меньшинства, территориальное развитие, реформы Саакашвили.

Key words: Georgia, national and ethnic minorities, territorial development, Saakashvili's reforms.

Аннотации подготовлены

О.Г. Харитоновой,

И.А. Истоминим, Е.В. Колдуновой,

Т.А. Алексеевой, А.В. Виноградовым,

С.И. Луневым, М. Котта, Ф. Руссо,

А.А. Токаревым, С.М. Трушем,

К.А. Кузнецовым, П.А. Щелиным.

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, заведующая кафедрой политической теории факультета политологии МГИМО (У) МИД России, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

Виноградов Андрей Владимирович — доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН

Воскресенский Алексей Дмитриевич — доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), профессор, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Ильин Алексей Валерьевич — магистрант Алтайского государственного университета

Колдунова Екатерина Валерьевна — доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России, ведущий эксперт Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД России

Котта Маурицио — доктор политических наук, профессор, директор Центра изучения политических изменений Университета Сиены (Италия)

Кузнецов Кирилл Алексеевич — студент 1-го курса магистратуры МГИМО (У) МИД России, направление «Зарубежное регионоведение»

Курныкин Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России

Руссо Федерико — PhD (Университет Сиены) (Италия), профессор Центра изучения политических изменений Университета Сиены (Италия)

Токарев Алексей Александрович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

Толорая Георгий Давидович — доктор экономических наук, профессор, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, директор региональных программ Фонда «Русский мир», директор корейских программ Института экономики РАН

Троицкий Михаил Алексеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

Труш Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН

Харитонова Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Шелудякова Татьяна Васильевна — преподаватель кафедры конституционного права России и зарубежных стран юридического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Щелин Павел Александрович — студент 1-го курса магистратуры Центрально-европейского университета, кафедра политологии

Связь с авторами осуществляется через редакцию.
Контактная информация: e-mail: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами;
- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;
- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал;
- размер шрифта 12;
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. *Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке.* Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М. : Конверт-МОНФ, 1997 [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M. : Konvert-MONF, 1997].

При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без

сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

Все сноски размещаются после текста статьи. Нумерация сноска сквозная (1, 2, 3...).

На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);
- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);
- ученая степень (при наличии);
- точные контактные данные:
 - адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;
 - телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);
 - адрес электронной почты.

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.